

ВЕСТНИК

МГУ им. М.А.Шолохова

Sholokhov Moscow State University
for the Humanities

ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Москва
2010

УДК 93/94
ISSN 2219-3987

2.2010

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
им. М. А. Шолохова**

Издается с 2010 г.

Серия «ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ»

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Московский
государственный
гуманитарный
университет
им. М.А. Шолохова

**ПИ № ФС 77–19007
от 15.12.2004 г.**

Адрес редакции:
109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18

Интернет-адрес:
www.mgou.ru

Редакционная коллегия
И.Г. Жиряков – *гл. редактор*,
А.И. Юрьев – *зам. гл. редактора*,
А.А. Орлов – *отв. секретарь*,
В.Д. Нечаев, В.И. Шерemet,
В.В. Панферова, А.В. Миронов

Электронная версия журнала:
www.mgou.ru

Содержание

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Антонова Т.В.*
Из истории «Новой газеты» В.И. Модестова 5
- Грезнева А.А.*
Присяжные поверенные на судебных процессах
в России 1870-х гг. в зеркале отечественной периодики
и архивных документов 12
- Кумачева С.В.*
Цензура «бесцензурной» печати в пореформенной России 21

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Орлов А.А.*
История пребывания экспедиции И. Ф. Крузенштерна в Кантоне
в 1805–1806 гг. 31
- Жиряков И.Г.*
Февральские события 1934 г. в Австрии: последняя попытка
восстановить демократическую форму правления в Первой
Австрийской Республике. 42
- Жиряков И.Г., Максимова О.В.*
Основные этапы австрийско-советских отношений после
заключения Государственного договора: позиции правящих
политических партий 50
- Козловская В.И.*
Геополитический подход и его роль в изучении всеобщей
истории 64
- Ломач Л.А.*
Этапы развития и противоречия мирового хозяйства 71

ПОЛИТОЛОГИЯ

- Гончарова О.А.*
Концепция гражданского общества в философской
и политической мысли России в XVIII–XX веках 83
- Самохин А.В.*
Концепции политического устройства России в классическом
евразийстве 98

<i>Грозин А.В.</i> Мифологизаторство в современной историографии Казахстана: политологический аспект проблемы	106
НАШИ АВТОРЫ	121
CONTENTS	122
ПАМЯТКА АВТОРУ	126

Т. В. Антонова

Из истории «Новой газеты» В. И. Модестова

Статья посвящена одному из уникальных событий истории российской пореформенной журналистики – изданию в 1881 г. профессором В.И. Модестовым оппозиционной либеральной «Новой газеты», просуществовавшей в ситуации резких перемен правительственной политики после 1 марта 1881 г. всего одну неделю (8 номеров). Цензурное преследование газеты вынудило издателя прекратить свое предприятие и тем самым показать обществу обреченность отечественной прессы, защищавшей право личности на свободу слова.

Ключевые слова: свобода слова, либеральное направление, манифестация протеста, реакционный курс, закон о печати, цензура, цензурное преследование.

Казус с петербургской либеральной «Новой газетой» весьма интересен при рассмотрении некоторых аспектов цензурной политики и поведения прессы в один из самых драматичных моментов российской истории, когда убийство народовольцами императора Александра II 1 марта 1881 г. пресекло реформаторский процесс, инициированный графом М.Т. Лорис-Меликовым. Для российской печати начался новый отсчет времени. Усилился административный контроль, участились предостережения прессе, около 10 столичных изданий были запрещены или временно приостановлены. Провозглашенная императором Александром III в Манифесте 29 апреля 1881 г. смена курса в духе патернализма дореформенной эпохи заставила многих журналистов, почувствовавших вкус свободы при «диктатуре сердца» М.Т. Лорис-Меликова, ожидать запрещения своих изданий. «Удары правительства, – писал тогда П.Л. Лавров, – падали на частную прессу всех оттенков, всех цветов, если только ее направление отклонялось от официального» [4]. По наблюдению другого его современника, «либеральная пресса еле дышала, сбитая совсем

с толку массой сыплющихся на ее голову распоряжений, ограничивающих круг ее рассуждений» [7].

Яркой иллюстрацией к этим зарисовкам является история «Новой газеты». Она просуществовала чуть более одной недели (с 1 по 9 августа 1881 г.) и была запрещена после восьмого номера. Такая рекордная скоротечность, вероятно, и сделала газету незаметным для исследователей явлением в мире прессы пореформенной России. Сведения об этом издании, как правило, отсутствуют в общих работах по истории отечественной журналистики. Не обнаруживаются они и в биографическом очерке, посвященном ее редактору и издателю В.И. Модестову (1839–1907), известному публицисту, автору трудов по древнеримской письменности и филологии, истории античной культуры [2, с. 114–115].

При изучении небольшого комплекта этого издания бросается в глаза сосредоточенность редакции (редактора) на теме свободы печати, которая стала сюжетной доминантой всех восьми номеров. Такая избирательность сама по себе не дает повода для вывода об уникальности «Новой газеты». Еще с конца 1850-х гг. отечественная пресса в преддверии цензурной реформы развернула жесткую критику цензурных порядков в России, выдвинув тезис свободы печати (отмены цензуры и установление судебной юрисдикции печати) в качестве альтернативы правительственной программе преобразований, нацеленной на сохранение цензуры как аппарата и функции государства по тотальному контролю над словом. Однако на страницах издания В. Модестова давно заданная и ставшая почти тривиальной тема прозвучала иначе – как последнее слово к читателю, в подтексте которого ощущалась ситуация крушения надежд общества на либерализацию статуса печати.

В редакционном заявлении первого номера Модестов раскрыл мотивы своего предприятия: выбирая между «полным молчанием и опасностью говорить при необеспеченном положении печати», он предпочел последнее. Следовательно, внутривластные перемены в стране, вызванные январской трагедией, не только не остановили намерения Модестова открыть собственную газету, а, скорее, даже спровоцировали его.

Эпатажность определила облик издания, его тональность. Она выявляется в открытой поддержке приостановленной тогда петербургской газеты либерального направления «Голос», с редактором которой, А. Краевским, Модестова связывало давнее, с 1860-х гг., сотрудничество. «Наше знамя то же самое, под которым стоял собрат, – заявил Модестов, – это знамя просвещения, знамя гражданского и нравственного обновления нашего отечества. Только с ним в руках образованные русские люди могут служить свою верную службу Государю, Отечеству и Народу» [6, № 1].

Понимая таким образом свой гражданский долг, редактор «Новой газеты» использовал ее формат для возобновления полемики вокруг самого насущного общественного вопроса – о праве личности на свободу слова. Генеральным наступлением Модестова на идейных противников, считавших либерализацию цензурного законодательства на исходе царствования Александра II роковым заблуждением некоторых деятелей высшей администрации (прежде всего, М.Т. Лорис-Меликова), стала его статья «Свобода печати» [6, № 4].

Повод был найден во Франции: 29 июля 1881 г. республиканское правительство утвердило новый закон о печати, провозгласивший полную, «безусловную», свободу прессы. Примечательно, что в 1860-е гг. французское законодательство, в частности, «Органический декрет» Наполеона III (1852) российские власти использовали как образец для заимствования некоторых норм. Цензурная реформа 1865 г. реализовала французскую модель карательной системы с правом министра внутренних дел преследовать (выносить предостережения и запрещать) изданную без предварительной цензуры периодику «вредного направления». Тогда просвещенное российское общество резко протестовало против такого заимствования, что отразили многочисленные публикации столичной прессы начала 1860-х гг. [1].

Теперь, в 1881 г., республиканская Франция демонстрировала другой пример, завершив эпоху цензуры в Европе. Французская печать получала гарантии свободного (от административного вмешательства) обсуждения политических, научных и религиозно-нравственных вопросов и отвечала только перед судом. Свобода прессы и ее юрисдикция сдерживали произвол правительственной власти – заветное, но так и не осуществленное желание всех российских публицистов XIX в.

Комментируя французский закон 1881 г., Модестов писал: «Что бы кто ни говорил в этом отношении (в отношении политики, науки, религии – *Т.А.*), это для исполнительной власти должно оставаться безразличным». Достигнутый французской прессой уровень политической свободы обеспечивался и регистрационным порядком оформления ее выхода в свет: чтобы открыть издание, новый закон не требовал, как это было прежде во Франции и как по-прежнему оставалось в России, специального разрешения министра полиции. Правительство только уведомлялось о названии газеты или журнала, имени и адресе издателя. Само же издание могло иметь любую цену, любое название, любое направление («монархическое, республиканское, социалистическое, религиозное, атеистическое») [6, № 4].

В случае нарушения законов Государства французские журналисты подвергались судебному преследованию. Граница, за которой наступала

их юридическая ответственность, обозначалась в законе такими действиями, как нарушение общественного мира мятежными воззваниями, умышленное распространение ложных известий, призыв к грабежу, поджогам, убийствам, «мятежные возгласы против президента республики», возмущение общественного чувства картинами грубой безнравственности, нанесение оскорбления чести и достоинства лицу. Если журналистика, заключал Модестов, не допускала какого-либо из этих противоправных действий, личность писателя оставалась неприкосновенной.

Модестов предполагал, что новый французский закон не вызовет сочувствия в леворадикальных кругах России, где, по его убеждению, свобода печати понималась «в виде безнаказанности» за «необузданное злословие», равно как и в среде реакционеров, отвергавших принцип политической свободы печати. И к тем, и к другим он обратился с такой нотацией: «Пусть же они знают, что в свободных странах свободною печатного слова называется не право нападать на своих противников с грязными ругательствами и злостными инсинуациями, а право ничем не стесняемого суждения о предметах науки, искусства, политики, религии, философии, морали, общественной жизни, право говорить то, что человек считает своим убеждением, что может способствовать общему благу, что питает доброе чувство и исправляет злое, что обогащает ум... Вот такой свободы печати хотели бы мы для нашего отечества. Но эту-то свободу истинную, облаго-роженную, спасительную и ненавидят наши противники» [6, № 4].

Однако его прогноз не оправдался. Год спустя, весной 1882 г., новому французскому закону был посвящен очерк историка Д.П. Лебедева в журнале А.П. Пятковского «Наблюдатель», идейного направления которого Модестов не разделял. Тем не менее, Лебедев оценил этот закон столь же высоко, как «одно из наиболее отрадных явлений нашего времени и самый роскошный плод современной французской цивилизации». Достоинства закона он видел в тех же его принципах, на которые обратил внимание и Модестов. Являясь уступкой республиканского правительства общественному мнению Франции, подчеркивал Лебедев, которое давно высказывалось за безусловную свободу печати, закон «провозгласил полную свободу прессы, удержав для нее ответственность по суду только за те действия, которые вообще не дозволяются законом, как действия юридические. Право же выражать всякого рода мнения, обсуждать, с какой угодно точки зрения, все, что касается религии, философии, политики, нравственности, вопросов отечественной жизни – полное и неограниченное» [5, с. 130–132].

Двадцатилетняя полемика в российском обществе вокруг цензурного вопроса, свидетелем которой был профессор Модестов, не давала ему

основания для акцента на идейном противоборстве в журналистской среде и делению ее на своих и чужих, игнорируя опыт корпоративного взаимодействия и неприятия цензурной политики правительства. И в 1860-е гг. и позднее в прессе различных направлений наблюдалось общее понимание тезиса свободы печати. Так, даже эмигрантское издание «Общее дело» революционеров А.Х. Христофорова и В.А. Зайцева рассматривало свободу печати как политическое право, регулируемое только судом: «Нужно, чтобы все ограничения личности пали, кроме одной, которая проводится равным для всех судом» [8]. Деятели революционного подполья второй половины 1870-х гг. печатно заявляли свою поддержку со всеми общественными силами, борющимися за свободу слова в России: «Всякая попытка борьбы за права человека, за расширение свободы мысли нам не менее дорога, чем русским либералам» [9, с. 71].

Очевидно, что эти, как и другие факты, свидетельствующие о журналистской солидарности в России в отношении к цензуре и проблеме свободы печати, находились тогда вне цели Модестова. Но вольно или невольно допущенная в его обобщениях неточность фокусировала внимание на либеральной прессе как единственном в России идеологическом и материальном ресурсе борьбы за свободу слова и, как следствие, ее особой жертвенной роли в неравном противостоянии с правительственными силами.

Модестов шел проторенным его собратьями по перу путем – от оценки ситуации в Европе, в данном случае, во Франции, к России. Как и во многих публикациях такого рода, где европейский прорыв сопоставлялся с положением дел в Отечестве, Модестов рассуждал о соотношении статуса печати с государственной системой. По его убеждению, французский закон 1881 г. был обязан своим появлением фундаментальной перестройке властных отношений в стране на началах признания ценности прав личности, в том числе и свободы слова, и конституционных гарантий их защиты. Если французская конституция, пояснял он, позволяет каждому гражданину иметь какую угодно веру или не иметь никакой, то и в печати каждому предоставляется право высказать какие угодно религиозные мнения. Если государство признает за гражданином право принадлежать к любой политической партии, признавать верным какое-либо политическое воззрение, то и в печати «не полагается границ никаким политическим суждениям, как бы мало они ни соответствовали установленному порядку и мнениям лиц правительственных» [6, № 4].

Подчеркивая значение конституционных гарантий для свободы печати, Модестов задевал авторитет и почвенников, и славянофилов, утверждавших мысль о том, что свобода печати, как естественное право личности, не

нуждается в подобных гарантиях и может реализоваться в любой политической системе, даже самодержавной.

Включившись тем самым в давний спор западников и славянофилов об исторической судьбе России, редактор «Новой газеты» демонстрировал, каким образом обсуждение цензурного вопроса в русском обществе выходило на обобщения такого уровня: «Как ни настойчиво г. Аксаков зовет нас домой, в Азию, – писал Модестов, – мы все-таки остаемся и останемся в Европе; а то, что происходит в Европе в области умственных, нравственных и гражданских завоеваний, не может быть нам чуждо, как не чуждо оно никакому другому народу нашей части света. До чего сегодня дошел один народ, то со временем может сделаться достоянием другого». В противовес славянофилам Модестов доказывал, что «прогресс русской жизни совершится под влиянием идей и учреждений, выработанных большими культурными народами». Поэтому, утверждал он далее, и в вопросе о положении печати Россия должна прийти к выработанным Западом законодательным формам: «Любям трезвым непростительно было бы разделять увлечение славянофилов... или впадать в болезненную мечтательность Достоевского, пресерьезно уверявшего, что у нас, даже при нынешнем положении, возможна такая свобода печати, какой мир еще не видывал» [6, № 5]. История учит, пояснял публицист «Новой газеты», что свобода печати зависит от общего строя жизни и ее не может быть там, где государство построено на «полицейских началах», где «административная опека охватывает всю гражданскую жизнь». Следовательно, Россия, как должен был понять читатель «Новой газеты», не освободившись от этих «полицейских начал», никогда не достигнет общего с Европой состояния свободы.

Эпизоды критики позиции славянофилов не несли в себе идейной новизны. Очевидно, что они здесь играли вторичную роль, позволяя Модестову расширить фронт наступления и обогатить аргументацию в защиту идеи свободы.

Нам неизвестна реакция читателей на «Новую газету», но тем, от кого зависела ее судьба, не составило труда обнаружить в ее публицистике наличие «вредного направления». Административные кары в виде предостережений редактору не заставили себя ждать. Начавшееся цензурное преследование газеты явилось сигналом скорого прекращения ее существования.

Модестов опередил власти собственным решением прекратить издание. В последнем, восьмом номере, он разъяснял обществу мотивы своего поступка: в условиях преследования он не находил возможным продолжать свое издание, а спасти его политической немотой не хотел. При этом

редактор обвинял в крушении его газеты реакционные начала в высокой политике и заявлял: «Есть какая-то роковая сила, неизбежно заставляющая министров внутренних дел непрестанно карать печать, ...роковая сила заключается в законе, который отдаёт печать в распоряжение администрации и вооружает администрацию целым арсеналом карательных мер. Должен же наступить конец такому невыносимому положению печати, безвыгодному и для самой карающей власти» [6, № 8].

Либеральная среда, к которой принадлежал Модестов, к исходу лета 1881 г. вполне почувствовала поворот правительственной политики от практики лояльного отношения власти к печати в 1880 – начале 1881 гг. к стародавним самодержавным традициям рассматривать ее как источник социальных и политических потрясений в стране. В предприятии Модестова видится нравственная готовность к сопротивлению, пусть даже локальному, даже обреченному. Успеть сказать обществу слово в защиту гражданских свобод тогда, когда говорить об этом уже было нельзя, – это вызов реакционному курсу правительства, это манифестация протеста. Создается впечатление, что со стороны Модестова издание «Новой газеты» было планируемой жертвой с целью привлечь общественное мнение к проблеме положения российской печати. В тот момент, когда Европа освобождалась от элементов карательной цензуры, в России усиливалось ее влияние при сохранении института предварительного контроля. Сосредоточенность на теме свободы печати позволила Модестову обозначить свое либерально-западническое кредо и успеть заявить публике о наступившей в стране реакции. Вопреки мнению некоторых современников, полагавших, что Модестов «искал средний путь между двумя крайними воззрениями» и нередко конфликтовал и с либералами, и с консерваторами [3, с. 226], опыт его газеты убеждает в том, что публицист, когда этого требовал момент и гражданский долг, умел мобилизоваться для проявления солидарности с идейно близкими ему либеральными изданиями, заявляя об общем с ними понимании того, что такое истинная свобода слова и печати в контексте достижений мировой цивилизации.

Библиографический список

1. Антонова Т.В. Цензура и общество в пореформенной России (1861–1882). М., 2003.
2. Зыкова Т.В. Модестов Василий Иванович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4.
3. Исторический Вестник. 1883. № 4.
4. Лавров П.И. Русские консерваторы и русские либералы // Вперед! 1876. № 32.

5. Лебедев Д.П. Цензура и свобода печати в Западной Европе // Наблюдатель. 1883. № 3–4.
6. Новая газета. 1881. №№ 1–8.
7. Общее дело. 1881. № 40.
8. Общее дело. 1882. № 48.
9. Революционная журналистика семидесятых годов. Ростов-н/Д., 1906.

А.А. Грезнева

Присяжные поверенные на судебных процессах в России 1870-х гг. в зеркале отечественной периодики и архивных документов

В статье на материалах ведущих органов печати Петербурга и Москвы, а также архивных документов рассматривается роль присяжных поверенных на российских судебных процессах 1870-х гг., вызвавших широкий общественный резонанс. Суждениями о «размытости» понятия преступления, незначительной деятельности революционеров защитники упрощали реальную картину российской действительности, внося в общественное сознание ложные представления о революционном движении. Введенные в научный оборот источники ярко характеризуют становление и развитие общественного правосознания российского общества второй половины XIX в.

Ключевые слова: судебные процессы, присяжные поверенные, общественное мнение, гласность судопроизводства, органы печати, «Голос», «Санкт-Петербургские ведомости», В.Д. Спасович, П.А. Александров.

Российские судебные процессы второй половины XIX в. и роль на них присяжных поверенных в качестве защитников подсудимых-революционеров неоднократно становились темой различных работ [12; 13; 29; 31; 32]. В них рассмотрены вопросы формирования и развития института адвокатуры (в т.ч. юридический статус), воздействие его на общественное мнение России [1; 3; 10; 11; 30; 33]. Тем не менее, многие источни-

ки еще не введены в научный оборот. Например, важно выявить степень участия присяжных поверенных в судебных заседаниях по материалам периодической печати, большая часть которой не изучена, а также определить содержательность архивных документов по данной проблематике.

Начиная с процесса «нечаевцев» и кончая печально известным делом «1 марта 1881 г.», прошло более ста закрытых и публичных политических процессов, из них свыше сорока получили широкое отражение в печати. В отечественной периодике пореформенного времени («Голос», «Московские ведомости», «Новое время», «Правительственный вестник», «Русские ведомости», «Русский мир», «Санкт-Петербургские ведомости», «Современные известия» и др.) регулярно помещались стенографические отчеты, заметки и корреспонденции о процессах. В них фиксировались не только состав защитников, но и суждения их по базовым вопросам российской действительности – активизации и причинам распространения революционного движения, росту радикальных настроений в обществе и т.д.

В настоящей статье мы попытаемся дать обзор ряда крупнейших судебных процессов политического характера 1870-х гг., охарактеризовать материалы прессы и архивные документы о роли присяжных поверенных на этих процессах.

Новый суд, согласно «Голосу», сразу привлек к себе широкое общественное внимание, провозгласив важнейшие понятия о справедливости судебных решений. Общество начало посещать заседания, живо интересовалось рассматривавшимися на них вопросами, обсуждало показания, критиковало судебные речи и приговоры [5, с. 1].

Введение гласности было очевидным завоеванием судебной реформы 1864 г. и стало одной из отличительных особенностей нового судопроизводства. Оказав благотворное воздействие на деятельность суда, публичность заседаний представляла собой главное условие доверия общества к суду. Так, «Санкт-Петербургские ведомости» подчеркнули, что обсуждение противозаконных деяний доставило суду «общее доверие даже и простого народа» [25, № 104, с. 1].

Принцип гласности, как писали в «Биржевых ведомостях», обеспечил правомерность и независимость суда, послужил действительной гарантией «как для подсудимых, так для самих судей и для авторитета суда, не говоря уже о самом обществе» [2, с. 1]. Он стал «великою нравственною силою», нацеленной не только к пресечению «злой воли» нарушителей порядка, но и к поднятию уровня общественной нравственности. Тем самым публичность судопроизводства явилась орудием, которое воспитывало общество и контролировало деятельность суда одновременно.

Достоинство гласности, по словам «Московских ведомостей», заключалось в том, что теперь судебные дела «ежедневно реферируются и обсуждаются в газетах» [15, с. 3].

Нельзя не выделить хвалебных отзывов и газеты «Неделя» [17]. По оценке «Голоса», гласность как основная гарантия правильного отправления правосудия влияла на «речи представителей обвинения и защиты, на показания экспертов и других лиц», предупреждая «всякое недобросовестное отношение к делу» [5, с. 1]. Действия лиц выносились на обсуждение, что стало важным шагом вперед по сравнению с существовавшим до этого тайным производством дел.

Как следствие, в залах заседаний стали происходить открытые судебные процессы, вызывавшие повышенный интерес публики. Наглядным примером явился крупный процесс «о заговоре, составленном с целью ниспровержения существующего порядка управления в России», или так называемый процесс «нечаевцев», получивший широкую известность как в нашей стране, так и за рубежом. Дело разбиралось с 1 июля по 11 сентября 1871 г. в Санкт-Петербургской судебной палате. Привлечено было 79 чел., среди которых – В. Александровская, Ф. Волховский, А. Дементьева, М. Коринфский, А. Кузнецов, Н. Николаев, В. Орлов, И. Прыжов, П. Ткачев, Е. Томилова, П. Успенский, И. Флоринский [18, с. 13–27]. Подсудимые обвинялись по трем главным пунктам: 1) принадлежность к московской организации «Народная расправа» с целью уничтожить существующий порядок государственного управления; 2) составление, хранение, печатание и распространение запрещенной литературы, провоцирующей к бунту и неповиновению верховной власти; 3) убийство члена сообщества И. Иванова.

Интересным является донесение одного из агентов III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии от 19 июня 1871 г., где содержится указание Министра юстиции гр. Палена на то, чтобы «стенографические отчеты судебных заседаний, которые будут печатаемы в Правительственном Вестнике, служили мерилom точности и руководством для других газет» [6, оп. 154, д. 115, ч. 13, л. 34 об.].

Участников процесса защищали такие известные присяжные поверенные Петербурга и Москвы, как К.К. Арсеньев, В.Н. Герард, А.А. Ольхин, М.А. Поццо, Н.М. Соколовский, В.Д. Спасович, А.Н. Турчанинов, А.М. Унковский, А.И. Урусов, Е.И. Утин, К.Ф. Хартулари и др. Всего защитников было 24. Официальный печатный орган Министерства внутренних дел, газета «Правительственный вестник», сообщила: «Ввиду пространности речей защитников по политическому делу, рассматриваемому в С.-Петербургской судебной палате, Министерством юстиции при-

звано было удобным печатать на будущее время лишь изложение сущности этих речей» [21, с. 3].

На заседании 7 сентября 1871 г., судя по агентурному донесению, «особенно выдалась речь присяжного поверенного Ольхина (бывшего мирового судьи)» [6, л. 277]. А корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей» (под псевдонимом «Алеко») назвал речь А.И. Урусова «разнохарактерным сумбуром», завершившимся «бенгальским огнем, насильственно подогретым, и риторическим плеоназмом – пощадить и не быть беспощадными» [25, № 199, с. 1].

Эстетичностью построения выделилось выступление присяжного поверенного В.Д. Спасовича. «Впечатление от речи осталось громадное, – отметил тот же корреспондент, – потому что для этого достаточно ее художественности и ее общей стройности; но польза для Кузнецова – едва ли, потому что неотразимость влияния на него как-то улетучилась за другими пристройками, а степень безнравственности его в то же время поддержана с большей художественностью и силой, чем со стороны самого обвинения» [25, с. 2].

Указаниями на «особые» свойства политического преступления и признаки, отличавшие его от других преступных деяний, стремлениями «без злобных преувеличений» охарактеризовать исключительные условия, благоприятствовавшие развитию отрицательного направления в обвиняемых, присяжные поверенные исполнили только долг свой в оценке всестороннего разъяснения дела [25, № 201, с. 1].

Картинами бедности подсудимых процесса «нечаевцев» поразил ся корреспондент «Московских ведомостей». У него осталось яркое воспоминание о речи одного из защитников, говорившем больше «о типе и чувствах семинариста-бурсака, красноречиво описывая тройную броню, какую защищено сердце такового бурсака» [16, с. 2].

О неоднозначном восприятии обществом как самого процесса «нечаевцев», так и речей присяжных поверенных высказался известный журналист, профессор Санкт-Петербургского университета А.В. Никитенко. 22 июля 1871 г. он записал: «В обществе самые противоречивые суждения о суде по нечаевскому делу. Одни находят его торжеством нового судопроизводства, другие сильно порицают его за слабость и потворство. Последние особенно недовольны действиями председателя Любимова. Он, говорят они, не останавливал защитников в тех местах, в которых те развивали свои чересчур либеральные тенденции и касались вопросов, не относящихся к делу. Последнее особенно приписывается речи Спасовича, который сделал из нее лекцию о том, как происходят революционные движения по вине администрации и в силу

обстоятельств, невольно увлекающих молодых людей на путь, где очутились подсудимые» [19].

Во время судебных заседаний агент III отделения Собственной Е.И.В. канцелярии докладывал: «... часть публики и почти все присяжные поверенные собрались в буфете, где посторонние очень мало говорили о деле, а напротив, громко разговаривали между собою поверенные и без церемонии подтверждали один другому, чтобы положительно настаивать на том, что все подсудимые, как по своему положению и воспитанию, так равно по правам состояния, не могли иметь влияния на производство мятежа, а потому они полагают, что это не уголовное и не государственное преступление, а просто шалость» [18, с. 160].

Интересным представляется донесение начальника московского губернского жандармского управления генерал-майора Слезкина от 19 июля 1871 г.: «Общественное мнение Москвы весьма сильно заинтересовано ныне обнародованными известиями о производящемся в с.-петербургской судебной палате так называемом “нечаевском деле”: оно привлекло к себе внимание всех слоев общества не только как первый пример гласного суда над политическим преступлением, но и как дело безусловно важное по существу своему» [Там же, с. 171].

В письме присяжного поверенного С.А. Андреевского к юристу А.Ф. Кони от 9 августа 1871 г. дана противоречивая оценка выступлениям защитников: «Спасович прелесть как хорош, но остальные, хотя видимо очень умные и способные люди, – не в моем вкусе. Урусов со своими важными поучениями, наставлениями и доктринерствами перед судом представляется мне несколько смешным *enfant grécosе*. Речи Утина – это блестящие литературные статьи, не оставляющие скольконибудь глубокого впечатления. Его защита Беляевой напоминает страницы из романа “Большая Медведица”. У Арсеньева много ума, знания, логики образования, но ни в одном слове его не слышно таланта» [8, д. 130, л. 5 об.].

По решению Санкт-Петербургской судебной палаты, в мотивировке которого немалую роль сыграли представители адвокатуры, большинство обвиняемых было оправдано, остальные приговорены к арестам, тюремному заключению от трех недель до восьми месяцев, а также к ссылке на каторжные работы сроком от 4 до 15 лет [4, с. 2; 20, с. 1–2].

По окончании процесса «нечаевцев» один из защитников, кн. А.И. Урусов, был отправлен в административную ссылку, о чем в материалах Государственного архива Российской Федерации сохранилось предписание прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты В.А. Половцова [8, д. 459, л. 1 об.].

Примечательно, что после окончания процесса «нечаевцев» ряд органов печати, в частности, «Русские ведомости», «Московская биржевая газета» и «Русский мир», выразили уверенность в гласном обсуждении подобных дел. «Вынесение государственных преступлений на суд публики есть необходимое средство для распространения в широких народных массах понятий о правде и справедливости судебных решений, а также уважении общественного мнения к личности каждого отдельного человека» [14, с. 2; 22, с. 1; 23, с. 1].

Публичность судебных заседаний по политическим преступлениям, согласно «Голосу», стала полезной для выявления подлинных мотивов противозаконных действий подсудимых. Это решение нашло обоснование в деятельности особой комиссии, собравшейся для рассмотрения вопроса о закрытии судебных заседаний именно в тех случаях, когда преступление состояло в распространении «вредных учений» [5, с. 1].

Мотивация комиссии была продиктована соображением необходимости участия общества в непосредственном обсуждении государственных преступлений, когда сами эти учения уже успели проникнуть в общественную среду посредством как «словесной пропаганды», так и печати. Подчеркнув разрушительность революционных теорий, комиссия нашла следующие пути решения проблемы: «Не тщательное сокрытие вредных учений в тайне, а обличение их здравою критикою есть самое действительное против них оружие. С этой точки зрения, приговор суда есть также критика, но более еще влиятельная, так как она исходит от имени законной и всеми уважаемой власти, которая, порицая самое учение, вместе с тем определяет и ответственность лиц, его распространявших. Необходимо, чтоб такая критика суда, выражаемая в его приговоре, происходила гласно, как гласно совершались самые преступления. Тайный суд способен только дать вредному учению большее против действительности значение: он может совершенно страшиться его и признает себя бессильным для гласного его обсуждения... Если же отнять у них привлекательные и заманчивые атрибуты таинственности, то они сделаются столь же ненавистными, как и другие, им подобные деяния» [Там же].

Всесторонняя критика действий участников процесса «нечаевцев» стала убедительным доказательством публичного разбирательства этих дел. Гласность судебных прений, как писал «Русский мир», ясно обрисовала русскому обществу «среду, возматерившую в себе “нечаевское дело”, и показало во всех его извилинах этот удивительный продукт лжи и глупости; политическое дело выступило из таинственной полутьмы, которою находили нужным облекать подобные дела в прежнее время, и явилась перед очами света во всей непривлекательной нагоде

своей» [23, с. 1]. Благодаря открытому судопроизводству общество смогло убедиться в беспочвенности всех мероприятий, совершаемых деятелями революционного движения. Разоблачение агитаторских попыток, освещая ярким светом их «бессильное ничтожество», неизбежно нанесло им такой чувствительный удар, что сорвало с них «раздутую темными слухами и всякими фокусами маску силы», под которую «щеголяли в потемках непризванные радетели земли русской» [Там же].

Судебный процесс «нечаевцев», резюмировал «Голос», показал «всю пользу публичного разбора вредных учений подобного рода». Нелепость этих «даже и не учений, а бредней, вся неразумность и ошибочность взглядов, проповедывавшихся лицами, преданными суду, представилась в полной и до того непривлекательной наготе, что оттолкнула решительно всех, не возбудив даже сожаления к лицам, пострадавшим вследствие собственной неразвитости» [5, с. 1].

Видное место в уголовной летописи, по признанию «Русского мира», занял крупный процесс «193-х», проходивший с 18 октября 1877 г. по 23 января 1878 г. [24, с. 2]. Участникам его были предъявлены обвинения в создании сообщества с целью ниспровержения и изменения порядка государственного устройства, в печатании и распространении антиправительственных сочинений [7, д. 772, 803]. Главными фигурантами дела предстали А. Желябов, А. Кадьян, Т. Квятковский, С. Ковалик, Н. Морозов, И. Мышкин, С. Перовская и др.

Интересы обвиняемых отстаивал 41 защитник. Речи их (всего 62) хранятся в Государственном архиве Российской Федерации [Там же, д. 797–802]. В отечественной периодике они не отражены, есть только стенографический отчет хода процесса с приговором по каждому из обвиняемых.

Согласно решению Особого присутствия Правительствующего сената (ОППС), около 80 человек было оправдано, 26 приговорены к каторге от 3 до 5 лет, остальные – к ссылке на поселение, отдаче в арестантские отделения, заключению в тюрьме и смирительном доме [Там же, д. 773]. «Мягкость» приговора «поразила всех присутствовавших, так как ожидали, что самые главные, по крайней мере, будут приговорены к каторжным работам. Между тем только один Мышкин (так в тексте – *А.Г.*) приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы, в крепостях, на 10 лет и по совокупности преступлений» [Там же, д. 771, л. 115 об.].

Ценная информация о благожелательном отношении публики к присяжным поверенным и их выступлениям содержится в записках заседаний ОППС. В одной из них сообщалось о встрече профессора Санкт-Петербургского университета Н.С. Таганцева «овацией, выразившейся в громких криках браво, качании на руках и аплодисментами» [Там же, л. 92].

Неизгладимое впечатление на слушателей произвела речь Г.В. Бардовского, который счел подсудимых «мучениками и страдальцами произвола», отчего «многие в публике даже плакали» [7, л. 93 об.]. Записка от 4 января 1878 г. отметила красноречивость выступлений защитников В.М. Бобрищева-Пушкина и П.А. Александрова. Последний был встречен «аплодисментами собравшимися у входа публикою, присяжными поверенными и подсудимыми, находящимися на свободе и таким образом проводили его до комнаты присяжных поверенных в большой проходной зал суда» [Там же, л. 95 об.].

Крупнейшим судебным процессом второй половины XIX в. стало дело В.И. Засулич, рассмотренное в Санкт-Петербургском окружном суде 31 марта 1878 г. Причиной его проведения был выстрел Засулич в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова, по приказу которого высечен политический заключенный А. Боголюбов. Процессу придали уголовный характер, однако защитник подсудимой П.А. Александров сделал яркий акцент на политическом смысле поступка В. Засулич.

Оправдание обвиняемой вызвало одобрение со стороны российского общества. Судя по сообщениям информационных источников, этому способствовала речь присяжного поверенного. Например, «Санкт-Петербургские ведомости» отметили, что подробности процесса были «необыкновенно резко оттенены защитником подсудимой присяжным поверенным Александровым, обнаружившим необыкновенный дар слова» [28, с. 2]. Присутствовавший в зале судебных заседаний публицист Г.К. Градовский так отзывался о выступлении П.А. Александрова: «Это была громовая речь, построенная на обвинении тех, кто привел эту девушку на скамью подсудимых. Оправдание заключалось в обличении обвинителей. Взрыв рукоплесканий приветствовал вдохновенное слово защиты, мужественно и честно выполнившей свой гражданский долг» [9, с. 17–18].

Один из агентов III Отделения 5 апреля 1878 г. доносил: «Самое поразительное впечатление на суде произвело то место в речи защитника, в котором он, превознося закон, отменивший телесное наказание и монарха, издавшего этот закон, указывал на сохранившиеся еще в настоящее время остатки прежнего порядка» [6, оп. 163, д. 68, л. 158 об.]. В записке от 31 марта 1878 г. сообщалось, что П.А. Александров был «поднят молодежью на руки с криками ура» [Там же, л. 64].

Таким образом, судебные процессы 1870-х гг. сыграли огромную роль в определении оценки революционного движения как крупного и опасного для государственной власти феномена. Есть все основания считать, что постепенно интерес общества к политическим делам не ослабевал, а усиливался, о чем свидетельствуют опубликованные и неопубликованные

источники. Публичное разбирательство политических дел, обсуждение их в печати ознаменовало важный этап в формировании общественного сознания, в складывании представлений общества об особенностях и характере государственных преступлений.

В речах присяжных поверенных, судя по представленным источникам, наглядно прослеживалась тенденция к умалению роли обвиняемых в работе запрещенных организаций, подчеркивалась безвредность их стиля мышления, мотивов и круга идей. Эти особенности речей имели место даже на судебных процессах рубежа 1870–1880-х гг., когда фактически вопросы об участии в революционном движении не ставились под сомнение. Витиеватостью подобных рассуждений защитники создавали атмосферу доверия, вводя тем самым общество в заблуждение.

В целом материалы отечественной периодики и архивные документы содержат ценную информацию о деятельности присяжных поверенных на судебных процессах 1870-х гг., точно характеризуют обстановку проведения заседаний, показывают реакцию общества на речи защитников.

Библиографический список

1. Баженова У.И. Адвокатура в дореволюционной России: вторая половина XIX – начало XX века: Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002.
2. Биржевые ведомости. 1871. № 222 (15 августа).
3. Биюшкина Н.И. Институт адвокатуры в дореволюционной России // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Н. Новгород, 1996. С. 85–92.
4. Вечерняя газета. 1871. № 212 (8 августа).
5. Голос. 1874. № 30 (30 января).
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109 (3-я экспедиция Сената). Оп. 154 (1869 г.). Оп. 163 (1878 г.).
7. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 112 (Особое присутствие Сената для суждения дел о государственных преступлениях). Оп. 1.
8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 564 (А.Ф. Кони). Оп. 1. Д. 459. Д. 1030.
9. Градовский Г.К. Итоги (1862–1907): Историко-политические очерки и статьи. К истории печати. Воспоминания. Киев, 1908.
10. История русской адвокатуры. Т. I–III. М., 1914–1916.
11. Легкий Д.М. Адвокатура в общественной жизни Российской империи (по материалам о Д.В. Стасове). Кустанай, 2005.
12. Легкий Д.М. Д.В. Стасов – политический защитник // Государство и право. 2001. № 10. С. 98–105.
13. Легкий Д.М. Ишутин и его адвокат на «каракозовском процессе» // Основы государства и права. 2001. № 4. С. 88–91.
14. Московская биржевая газета. 1872. № 5 (8 января).
15. Московские ведомости. 1874. № 65 (14 марта).

16. Московские ведомости. 1880. № 67 (8 марта).
17. Неделя. 1874. № 47 (24 ноября).
18. Нечаев и нечаевцы: Сб. материалов. М.–Л., 1931.
19. Никитенко А.В. Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был»: Записки и Дневник (1804–1877 гг.). Т. II. СПб., 1905.
20. Петербургский листок. 1871. № 155 (8 августа).
21. Правительственный вестник. 1871. № 183 (3 августа).
22. Русские ведомости. 1871. № 107 (22 мая).
23. Русский мир. 1871. № 9 (10 сентября).
24. Русский мир. 1878. № 2 (3 января).
25. Санкт-Петербургские ведомости. 1871. № 104 (17 апреля). № 199 (22 июля). № 201 (24 июля).
26. Санкт-Петербургские ведомости. 1878. № 90 (3 апреля).
27. Скрипилев Е.А. В.Д. Спасович – король русской адвокатуры. М., 1999.
28. Смолярчук В.И. Гиганты и чародеи слова: русские судебные ораторы второй половины XIX – начала XX вв. М., 1984.
29. Троицкий Н.А. Русская адвокатура на политических процессах народников (1871–1891) // Из истории общественного движения и общественной мысли в России. Саратов, 1968.
30. Троицкий Н.А. Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула, 2000.
31. Черкасова Н.В. Формирование и развитие адвокатуры в России (60–80 годы XIX в.). М., 1987.

С.В. Кумачева

Цензура «бесцензурной» печати в пореформенной России

Парадоксальность фразы «цензура «бесцензурной» печати» вполне точно отражает не меньшую парадоксальность и противоречивость правительственной политики по отношению к печати в пореформенной России. Власть, с одной стороны, продекларировала законом 1865 г. появление особой категории изданий, освобожденных от предварительной цензуры, с ругой – начала искать пути обхождения новых правил, издав в итоге закон 1872 г., поставивший «бесцензурную» печать под административно-цензурный контроль Комитета министров.

Ключевые слова: цензура, «бесцензурная» печать, Комитет министров, Главное управление по делам печати, Цензурные комитеты, «Временные правила о цензуре и печати 1865 г.», «Закон 7 июня 1872 г.».

С момента принятия в 1865 г. «Временных правил о цензуре и печати» в России появилась особая категория книг и журналов – так называемых «бесцензурных». К ним относились книги объемом 10–20 печатных листов, отпечатанные в типографиях Санкт-Петербурга и Москвы, и органы столичной прессы, получившие новый статус с разрешения министра внутренних дел. Главной отличительной особенностью «бесцензурных» изданий явилось то, что они полным тиражом отпечатывались без предварительной цензуры, однако, в случае нарушения законов о печати, подвергались не административному, а судебному преследованию. При этом критерием либеральности явилась возможность для деятелей печати отстоять свои интересы в судебном заседании.

В 1872 г. был проведен закон, который существенно ограничил влияние судебной власти в делах «бесцензурной» печати. Высшим арбитром при рассмотрении ситуации задержания книг этой категории стал не суд, а один из высших органов бюрократического аппарата империи – Комитет министров. Тем самым административно-цензурная система была не только сохранена, но обновлена и усилена. По сути, это означало цензурную контрреформу, поскольку минимизировались те льготы, которые получила столичная печать в ходе преобразований 1865 г.

В задачи данной статьи входит выявить причины поворота правительственной политики в области печати в сторону реакции, рассмотреть сложившуюся систему административного преследования «бесцензурных» изданий, а также практику применения закона 7 июня 1872 г. Освещение этих вопросов поможет определить историческое значение закона 1872 г. в частности и цензуры – в целом.

Первой проблемой, с которой столкнулась власть с момента вступления в силу закона 1865 г., явилась независимая позиция судов. Суды, призванные пресекать злоупотребления печати, в ряде случаев занимали сторону авторов или издателей, нежели цензурных ведомств, вынося оправдательные приговоры и способствуя тем самым, с точки зрения власти, распространению «опасных идей». Отсутствие в арсенале правительственного аппарата эффективных средств борьбы с «вредной» бесцензурной печатью вынуждало его действовать вразрез с существующим законодательством. По данным Л.М. Добровольского, в период с апреля 1865 по июнь 1872 гг. из 41 арестованных изданий запрещены судом были только два («Всеякие» – СПб., 1866 г.; «Отщепенцы» – СПб.,

1866 г.), из двух изданий («Луч» – СПб., 1866 г.; «Для всякого употребления» – СПб., 1872 г.) по постановлению суда полагалось исключить некоторые места, 14 изданий были запрещены без суда по решению различных инстанций, а 27 так и не дождались судебных разбирательств и были запрещены позднее постановлениями Комитета министров на основании закона 7 июня 1872 г. [3, с. 53–93].

Сложившаяся ситуация поставила фактически на грань конфликта два высших ведомства империи: Министерство внутренних дел и Министерство юстиции. «В делах печати в одной упряжке оказались две реформы: наиболее радикальная судебная и наиболее консервативная – цензурная. Именно это обстоятельство и явилось камнем преткновения на пути осуществления цензурной реформы и главной причиной, объясняющей все последующее законодательство о печати во второй половине 60–70-х гг.» [7, с. 71]. Поэтому необходимость вносить коррективы в цензурный закон 1865 г. вскрылась сразу же по вступлении его в силу, и «Временные правила» стали регулярно дополняться новыми постановлениями, все более ограничивающими возможности такой печати.

О необходимости вносить коррективы в закон о печати постоянно напоминало и III отделение Собственной Е.И.В. канцелярии, которое связывало активизацию революционного движения с возможностью легального распространения социально-политической литературы. Поэтому уже с 1866 г. правительство стало предпринимать шаги, направленные на ограничение прав «бесцензурной» печати, однако эти меры еще не затрагивали коренных основ закона 1865 г., пока ряд конкретных событий (нечаевский процесс в 1871 г. и оправдание в суде книги В.В. Берви-Флеровского «Азбука социальных наук») не подтолкнули к внесению кардинальных изменений в закон о печати. К 1872 г. министр внутренних дел А.Е. Тимашев и глава III отделения граф П.А. Шувалов добились от императора одобрения на изъятие вопросов печати у судебных органов и передачи их в руки администрации. 7 июня 1872 г. был принят закон, который сохранял в России категорию «бесцензурной» печати, но ставил ее полностью под контроль административной власти. Отныне конечной инстанцией в решении судьбы «бесцензурной» книги и органа прессы становился не суд, а Комитет министров.

Сложившаяся на базе закона 1872 г. система административного контроля «бесцензурной» печати опиралась на старый аппарат цензурного управления, который включал в себя несколько структур (столичные цензурные комитеты, Главное управление по делам печати, Министерство внутренних дел и Комитет министров). Административная вертикаль аппарата обеспечивала поэтапное прохождение «бесцензурного»

издания по всем составляющим его инстанциям. На первом этапе книга или орган прессы поступали в местный (Московский или Санкт-Петербургский) цензурный комитет, в зависимости от того, где они были отпечатаны. Его сотрудники давали заключение о возможности выпуска издания в свет или применении к нему закона 7 июня 1872 г. Далее издание отправлялось в Главное управление по делам печати. В обязанности членов Совета этого органа входило выразить свое мнение и довести его до сведения министра внутренних дел. Министр на основании полученных снизу данных определял, разрешить ли публикацию издания или поставить вопрос о ее запрещении перед членами Комитета министров. Таким образом, функции столичных цензурных комитетов и Главного управления в системе административного контроля «бесцензурной» печати носили характер рекомендаций, а главным ее фигурантом становился министр внутренних дел. Однако надо отметить, что его роль в этом процессе носила несколько формальный характер, так как его позиция формировалась мнением Совета Главного управления по делам печати и его главы, которые в свою очередь опирались на отзывы рядовых цензоров. С этой точки зрения, столичные цензурные комитеты представляли важное звено системы, обеспечивая «первотолчок» для последующего административного преследования «бесцензурных» книг и прессы.

За десять лет, с 1872 по 1882 г., в Комитете министров было рассмотрено 61 книгоиздание различного жанра: беллетристика, публицистика, научные труды по истории и философии как отечественных авторов, так и переведенные с других языков. «Бесцензурная» печать, подвергнувшаяся административному преследованию, представляла собой, как правило, сочинения серьезного научного содержания, где рассматривалась общественно-политическая проблематика. Большой объем этих изданий занимала переводная литература (31 наименование), почти столько же сочинений отечественных писателей (30 наименований). Среди авторов запрещенных изданий мы встречаем всемирно известные имена философов-просветителей XVIII в. (Ф.М.А. Вольтера, Д. Дидро), французских писателей (Э. Золя, Г. Флобера), современных философов (Г. Спенсера, Г. Лекки, Л. Штейна, Э. Кине), зарубежных и отечественных публицистов и общественных деятелей (Ф. Лассалья, Л. Блана, В. Берви-Флеровского, А. Скабичевского) и др. Специфической особенностью этой литературы являлось то, что она поднимала и освещала острые социальные и политические проблемы, в основе которых лежали процессы становления гражданского общества и демократии в Европе.

Не имея возможности в рамках статьи подробно рассмотреть всю цензурную практику применения закона 1872 г., ограничимся некоторыми

примерами административного преследования исторической и социально-политической литературы как наиболее острой и злободневной для того периода. Анализ этого ряда источников в достаточной степени продемонстрирует как общее направление правительственной политики в области цензуры и печати, так и раскроет проблему взаимодействия власти и общества.

Практически все исторические сочинения, подвергнувшиеся административному преследованию по закону 7 июня, являлись переводными с немецкого, французского и английского языков и представляли из себя книги серьезного научного содержания. Хронологический и тематический спектр этих работ довольно однообразен. В основном это работы, посвященные истории XIX в. и затрагивавшие революционные события в Европе. Исключение составили только книга Г. Финлея по истории Византии и популярные биографические очерки И. Шерра, охватывающие сюжеты от Древней истории до Нового времени.

Первым «бесцензурным» изданием этой группы, к которому был применен закон 7 июня, оказался русский перевод книги Гарридо «Современная Испания», отпечатанный в Петербурге в 1869 г. под редакцией И.А. Рождественского. В книге Гарридо описывалась история Испании с начала XIX в. и объяснялось современное экономическое отставание этой страны от мировых держав и ее политическая нестабильность наличием монархического образа правления и влиянием католической церкви. Санкт-Петербургский цензурный комитет арестовал книгу в 1869 г. и возбудил судебное преследование. Цензор Н. Леман в иске, направленном в прокуратуру, назвал книгу настоящим «республиканским памфлетом», особый вред которой заключался в цитировании автором речей оппозиционных депутатов, прокламаций и демократической конституции 1812 г., что являлось, на его взгляд, как бы «сборником готовых образцов и практических приемов для революционных движений» [3, с. 68]. Т.е. цензурное ведомство фактически настаивало на запрещении издания за опубликование в нем исторических документов. Однако судебные органы затягивали процесс разбирательства, а с выходом закона 7 июня издание передали в Главное управление по делам печати. В Совете Главного управления было отмечено, что книга «не имеет серьезного научного содержания», но заключает в себе вредные суждения, касающиеся «монархической власти, основных начал воинской дисциплины и принятых православной церковью религиозных верований» [5, оп. 11, 1872, д. 72, л. 56], поэтому подлежит действию закона 7 июня. С этим вердиктом министр внутренних дел А.Е. Тимашев 11 июля 1872 г. выступил в Комитете министров, где книга была названа «памфлетом,

направленным против монархической власти и отчасти против религиозных верований и обычаев» [5, оп. 21, ч. I, 1872–1905, д. 797, л. 1]. Комитет вынес решение о ее запрещении.

Не прошел цензуру и русский перевод книги профессора Тюбингенского университета Вильгельма Мюллера «Политическая история новейшего времени» (СПб., 1872), где автор рассматривал внутреннюю и внешнюю политику ведущих европейских государств: Франции, Пруссии, Италии, Англии, России с 1816 по 1868 г.

Цензор Н.Е. Лебедев отметил тенденциозность интерпретации автором действий политики европейских правительств: «Живые обещания монархов и простодушное доверие к ним народа, народные поиски и погони за конституционной свободой, вечная реакция и бесплодные революции, монаршие ареопаги, насмерть воюющие со всякой тенью свободы».

Некорректными показались цензору характеристики Мюллером российских царей и их политики. Например, портрет Александра I. «Мягкий, впечатлительный, благородный и увлекающийся, он был большой охотник до политических реформ; богатый доброй волей, он блистал отсутствием энергии, способностью преследовать раз поставленную цель до конца». Совсем в неблагоприятном свете Мюллер выставлял Николая I и особенно его политику в Польше. «После восстания имя Николая не для одной Польши, но и для всех государств стало синонимом застоя, реакции и гробового спокойствия». Против издателя было возбуждено судебное преследование, которое не состоялось. Главное управление обвинило книгу во «вредной тенденциозности при описании исторических событий последнего пятидесятилетия» и в отсутствии «беспристрастного, объективного повествования» [Там же, оп. 11, 1872, д. 60, л. 6]. Этого было достаточно, чтобы убедить Комитет министров запретить книгу 20 февраля 1873 г. за «противомонархические воззрения и оправдание вооруженного восстания народов...» [Там же, оп. 21, ч. I, 1872–1905, д. 797, л. 4 об.].

Подобная обвинительная формулировка часто применялась к историческим сочинениям, но не была единственной. Ряд исторических сочинений были обвинены цензурой в изложении теории социализма, как, например, «Биография и деятельность Роберта Овена» Артура Бута (СПб., 1870), «История Февральской революции 1848 г.» Луи Блана (СПб., 1872) и книга немецкого ученого Л. Штейна «История социального движения во Франции с 1789 г.» (СПб., 1872).

Если книги исторической тематики, запрещенные постановлениями Комитета министров, были представлены русскими переводами сочинений европейских ученых, то издания публицистического жанра,

задержанные на основании закона 7 июня, в большинстве своем принадлежали отечественным авторам, которые на страницах своих книг поднимали острые социально-политические проблемы российской действительности. Из переводной литературы этой группы можно назвать только три издания. Это собрания сочинений Армана Карреля, французского журналиста, редактора газеты «National», известного своими антимонархическими и республиканскими воззрениями, сочинения капитана Росселя, участника Парижской коммуны, и сборник статей и речей известного деятеля немецкого рабочего движения, социалиста Фердинанда Лассалья. Хотелось бы подробнее остановиться на цензурной истории именно этого издания, т.к. Лассаль, хотя и отстаивал идеи социализма, принадлежал к правому умеренному крылу западной социал-демократии. Он отнюдь не являлся сторонником революционных методов борьбы за интересы рабочего класса, а предлагал ненасильственные способы решения рабочего вопроса, такие как агитация, стачечное движение, проведение социальных реформ. В данном случае цензура проявила четкий последовательный поход: не пропускать в печать никаких социал-демократических идей, даже самых умеренных.

Первый том сборника сочинений Лассалья, изданный в августе 1870 г., свободно поступил в продажу, второй в ноябре того же года был арестован, и против издателя Н.П. Полякова Санкт-Петербургский цензурный комитет возбудил судебное преследование. Надо сказать, что Николай Поляков являлся одним из самых ярких представителей идейных российских издателей. Его деятельность на этом поприще пришлась на период с 1865 по 1873 гг. Он тщательно подходил к выбору выпускаемых им книг, отдавая предпочтение социально-экономической и политической тематике. Именно Поляков стал первым издателем «Капитала» Карла Маркса, издавал таких нежалуемых цензурой авторов, как Вольтер, Гоббс, Н.А. Добролюбов, П.Л. Лавров, В.В. Берви и других. Кроме того, Поляков был связан с кружком «чайковцев» и поставлял им свою книжную продукцию. Отношение Полякова к книжному делу не как к коммерческому, а как к идейному предприятию в конечном итоге привело его к полному разорению. Полякова вполне можно назвать как самого пострадавшего издателя от действий закона 7 июня.

Изданная в 1870 г. книга Лассалья – вторая по счету (после книги Гарридо «Современная Испания»), которая попала на рассмотрение в Комитет министров уже в августе 1872 г. (до этого момента она без движения пролежала в суде). Выдвинутые Цензурным комитетом обвинения сводились к двум: «за одобрение стачек и стремление волновать рабочие

массы и за возбуждение ненависти и вражды в одном сословии против другого». Однако прокуратура искусственно затягивала процесс «ввиду шаткости и малой обоснованности выставляемых обвинений» [3, с. 72]. После же издания закона 7 июня книга отправилась на рассмотрение в Комитет министров, при этом ее обсуждение здесь проходило дважды и первое заседание является ярким примером замалчивания дискуссий в Комитете. В фондах III отделения хранится письмо, датированное 16 августа 1872 г., от товарища шефа жандармов Н. Левашова к председателю Комитета министров П.Н. Игнатьеву, из которого следует, что при обсуждении книги Лассаля господа министры не поддержали Левашова в его желании запретить книгу, а высказали мнение о «необходимости более подробного ознакомления с ней, в виду возможности пропустить некоторые статьи» [2, л. 4]. Левашов сослался на Высочайшее повеление, по которому якобы и была книга задержана, но привести в доказательство данные, от какого числа вышло это повеление и в каких выражениях, он не смог. Впоследствии выяснилось, что никакого повеления и не было, а книга была задержана на основании обоюдного согласия со стороны III отделения и Главного управления по делам печати. Левашов в данном письме к Игнатьеву указывал, что оба тома Лассаля содержат в себе собрание «отдельных речей и брошюр, излагающих теорию крайнего социализма и все эти статьи одинаково вредны» [Там же]. В заключении Левашов просил Игнатьева сообщить членам Комитета министров, что книга эта никак не может быть выпущена в свет. Дело было пересмотрено, и 22 августа 1872 г. книга была запрещена постановлением Комитета министров за «кошунственное порицание христианской веры, нападки на принцип собственности и осуждение принципа монархической власти» [5, л. 2].

Как «сочувствующая учению крайнего социализма» была охарактеризована и книга российского либерального адвоката, брата известного революционера Николая Утина, Евгения Утина «Франция в 1871 г.». Первоначально в 1871 г. в декабрьском номере «Вестника Европы» была опубликована его статья «Франция и французы после войны», за которую журнал получил предостережение. Через год автор несколько расширил содержание этой работы и напечатал ее отдельным изданием на правах «бесцензурной» печати. Цензором Лебедевым был наложен на книгу арест, и Санкт-Петербургский комитет возбудил против автора и издателя Утина судебное преследование, которое и в этом случае не успело состояться. Главные претензии цензуры к книге Утина заключались в том, что автор критиковал монархию, защищал Коммуну и восхвалял доктрины Интернационального общества [4, с. 196]. Когда изда-

ние рассматривалось в Комитете министров 3 апреля 1873 г., министр внутренних дел Тимашев отметил, что, несмотря на тот факт, что «поричание монархии, сочувствие к республике, снисходительность к Интернациональному обществу» относятся к Франции и французскому обществу, но для автора пример Франции является образцом для подражания, за которым должны следовать другие народы, поэтому «вредная тенденциозность» книги становится очевидной [3, с. 86]. Окончательный вердикт Комитета министров заключил, что сочинение Утина содержит «весьма враждебное отношение к монархическому началу и полное сочувствие как учению крайнего социализма, так и революционным народным движениям и республиканскому образу правления» [5, оп. 21, ч. I, 1872–1905, д. 797, л. 4 об.].

Надо сказать, что цензура пристально следила за появлениями в печати публикаций, посвященных Парижской коммуне. Поскольку официальная государственная позиция расценивала движение коммунаров как «позорное пятно на цивилизации Франции», то любая иная точка зрения подвергалась осуждению и запрету. Так, по инициативе все того же Лебедева, были запрещены цензурой за революционную пропаганду, помимо книги Утина, русский перевод совместной работы двух французских буржуазных радикалов П. Ланжеле и П. Коррье «История революции 18 марта» (СПб., 1873), «Посмертные записки, сочинения и письма» участника Парижской коммуны капитана Росселя (СПб., 1872) и сборник статей В.В. Берви «Исследования по текущим вопросам» (СПб., 1872).

Таким образом, рассмотрев правительственную политику по отношению к «бесцензурной» печати, мы можем заключить следующее. Причинами ужесточения цензурного гнета к этому роду изданий явилась, во-первых, независимая позиция судов, выносивших оправдательные вердикты в пользу печати и, во-вторых, активизация революционного движения, во многом находившегося под влиянием, с точки зрения власти, «вредных и опасных» учений, содержащихся в «бесцензурной» литературе, свободно распространявшейся в империи.

При анализе цензурной практики можно выделить три основных мотива административного запрещения такой литературы. Авторам инкриминировались безнравственность, атеизм, политическая неблагонадежность, проявлявшаяся, как представлялось цензорам, в пропаганде идей гражданской свободы, демократии и социализма.

Рассмотрение практики применения закона 7 июня на фоне общего развития книжного дела убеждает в том, что он все же не причинил *количественного* ущерба российскому столичному книгоизданию. Комитетом

министров за десятилетний период было запрещено 65 изданий, что составило в среднем 6,5 книг в год. То есть преследование «бесцензурной» печати не стало масштабным. Но при определении объективных результатов этого преследования следует учитывать другие показатели. Можно утверждать, что *качественно* книжный рынок пострадал существенно. Последствием цензурной контрреформы 1872 г. явилось то, что с книжных прилавков практически исчезла социально-политическая, философская, историческая литература, затрагивающая злободневные вопросы современности. Рынок наполнялся учебниками по математике, юриспруденции, анатомии, иностранным языкам и т.д. Читатель, при естественном стремлении к познанию себя и окружающего его мира, фактически оказался «загнанным» в технические науки, в легкую беллетристику и был оторван от передовой научной мысли, от информации о глобальных явлениях современной жизни.

Проанализированные факты убеждают в том, что, проводя цензурную контрреформу, власть, с целью оградить читателей от источника оппозиционных идей, рассчитывала заглушить социальную остроту общественной печати. Но в итоге закон 7 июня 1872 г. причинил ущерб не только печати, но и авторитету самой власти. Запретительная практика самодержавия в отношении печатного слова подтолкнула процесс радикализации общественных настроений, и внутривластный конфликт продолжал нарастать.

Библиографический список

1. Антонова Т.В. Общественное значение издательской деятельности Н.А. Полякова. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1980.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109 (III отделение). 3-я экспедиция. Оп. 156. 1871 г. Д. 221.
3. Добровольский Л.М. Запрещенная книга в России. М., 1962.
4. Куниский С.Д. Царское правительство и Парижская коммуна 1871 г. // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. Т. XXXVII. Вып. № 3. 1946.
5. Российский государственный исторический архив. Ф. 776 (Санкт-Петербургский цензурный комитет).
6. Чернуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати 60–70-х гг. XIX в. Л., 1989.

А.А. Орлов

История пребывания экспедиции И.Ф. Крузенштерна в Кантоне в 1805–1806 гг.

В статье рассматривается история пребывания экспедиции И.Ф. Крузенштерна в Кантоне (Гуанчжоу) в 1805–1806 гг. Эпизод показан через призму взаимоотношений россиян и британцев, оказавшихся на Востоке в чужой и для тех, и для других среде. В этой ситуации россияне и британцы начинали чувствовать себя европейцами, носителями общей культуры. Прибалтийский немец Крузенштерн, его соратник украинец Ю.Ф. Лисянский и шотландец Джеймс Драммонд легко нашли общий язык, потому что придерживались сходных жизненных ценностей.

Ключевые слова: И.Ф. Крузенштерн, Ю.Ф. Лисянский, директор фактории британской Ост-Индской компании в Кантоне Дж. Драммонд, первая русская кругосветная экспедиция 1803–1806 гг.

В XVIII в. в связи с расширением границ Российской империи на Дальнем Востоке и в Северной Америке возникла необходимость надежно защитить новые владения, изучить прилегающие к ним водные просторы, завязать взаимовыгодную морскую торговлю с азиатскими странами. Помочь в этом могла организация кругосветной экспедиции с заходом кораблей во все интересующие российское правительство порты и районы мирового океана. Активным сторонником и пропагандистом этой идеи стал капитан-лейтенант И.Ф. Крузенштерн. Он имел большой опыт дальних плаваний на британских кораблях у берегов Северной Америки, ходил в Южную Америку и Ост-Индию, побывал в Китае [7, с. 192–194; 9, с. 14–17]. Крузенштерн неоднократно обращался к высшим российским сановникам с проектом организации такой экспедиции.

Император Александр I, вынашивавший планы переориентации мировых торговых путей с океана на Евразийский материк, мог увидеть в проекте Крузенштерна возможность хорошо изучить некоторые районы, через которые проходили предполагаемые торговые пути. Российское правительство было особенно заинтересовано в расширении торговли с Китаем и Японией. Поэтому в 1802 г. началась подготовка экспедиции, возглавить которую поручили Крузенштерну. Официально перед ней поставили следующие задачи: доставить в Северную Америку и на Камчатку грузы Российско-американской компании, переправить посольство камергера Н.П. Резанова в Японию, установить торговые связи с Кантоном и провести научные исследования в Тихом океане.

Российское правительство приложило максимум усилий для организации экспедиции. Крузенштерн настаивал на необходимости предварительного уведомления всех морских держав «...о дружественном принятии сей эскадры в их портах и о вспоможении оной в случае нужды...» [1, л. 1]. Министр иностранных дел гр. А.Р. Воронцов просил посла в Лондоне (своего брата) С.Р. Воронцова заручиться поддержкой британского кабинета на случай посещения российскими моряками владений короля Георга III. Великобритания, конечно, не была заинтересована в появлении новых конкурентов в одной из зон ее экономических интересов, но в преддверии очередного этапа тяжелой борьбы с Францией остро нуждалась в поддержке России. Поэтому британское правительство ответило согласием на просьбу последней и предписало послу в Петербурге адмиралу Дж.Б. Уоррену обещать экспедиции необходимое содействие [3, с. 173]. С.Р. Воронцов, всегда горячо поддерживавший планы расширения влияния России в Юго-Восточной Азии, от своего имени отправил письмо руководителям британской торговой фактории в Кантоне с просьбой оказать российским путешественникам всю возможную помощь [5, с. 18].

Франция после разрыва в 1803 г. Амьенского мира с Великобританией также стремилась заручиться поддержкой или хотя бы благожелательным нейтралитетом России. Ради этого правительство Первого консула генерала Наполеона Бонапарта благосклонно отнеслось к просьбе содействовать Крузенштерну. Французский министр иностранных дел кн. Ш.М. Талейран лично уведомил российского посла в Париже А.И. Моркова о том, что всем французским судам дано повеление предоставлять экспедиции «в случае надобности всякое от них зависящее пособие» [1, л. 46–47].

26 июля 1803 г. экспедиция отправилась в далекий путь из Кронштадта. Перед отплытием суда посетил император со своими министрами, чем еще раз было подчеркнуто значение, придававшееся российским

правительством этому предприятию [8, с. 18]. Пройдя по Балтийскому и Северному морям, корабли вышли в Атлантический океан, обогнули Южную Америку, достигли Маркизских и Гавайских островов, после чего разделились. «Надежда» под командованием Крузенштерна отправилась к Японии и далее к Петропавловску-Камчатскому, а «Нева» под командованием капитан-лейтенанта Ю.Ф. Лисянского, также служившего в молодости волонтером на британском военном флоте [6, с. 16–18; 7, с. 192–194], должна была обследовать владения Российско-американской компании (РАК) в Северной Америке. Встреча двух судов назначалась в Кантоне – единственном китайском порте, через который с 1757 г. велась торговля с иностранцами.

«Надежда», имевшая в трюме небольшое количество шкур морских бобров (каланов) и котиков, прибыла к китайским берегам 20 ноября 1805 г. Корабль вошел в принадлежащий португальцам порт Макао (Аомэнь). Здесь Крузенштерн хотел встретиться с директором фактории британской Ост-Индской компании в Кантоне Дж. Драммондом (Друммондом), с которым он познакомился во время своего первого пребывания в Китае в 1798 г. Капитан надеялся получить от него обстоятельную и достоверную информацию о Цинской империи [12, с. 124]. Но британская фактория в полном составе уже переехала в Кантон. Тогда Крузенштерн написал ему письмо, уведомляя о своем прибытии в Макао. «Друммонд, по получении известия, что я пробуду здесь недель несколько, поспешил оказать нам свои услуги, уступя мне собственный свой дом, который красивым положением и великолепным во внутренности убранством отличается перед всеми другими домами, наипаче же перед португальскими. Услужливость Друммонда сим не ограничилась. Он приказал очистить и другой дом, принадлежащий Ост-Индской компании, для офицеров корабля нашего, желавших здесь на берегу пожить», – писал Крузенштерн [8, с. 252].

После прихода 3 декабря в Макао «Невы» с гораздо более значительным грузом американской пушнины и серебра корабли экспедиции совместно перешли к острову Вампу (Хуанпу) в устье р. Чжуцзян (Жемчужной). Крузенштерн рассчитывал, что до его визита в Кантон в Пекине окажется посольство гр. Ю.А. Головкина, который предупредит Цинское правительство о прибытии кораблей. Но в декабре 1805 г. посол все еще находился на российско-китайской границе и не имел никакой возможности связаться с Пекином. Поэтому неожиданное появление русских судов в китайских водах вызвало удивление кантонских чиновников и породило оживленную переписку между властями провинции Гуандун и Пекином [10, с. 878–879].

Управляющий морскими таможнями Кантона (в русских документах его должность именуется гоппо) Янь Фэн все же позволил до получения официального разрешения сначала одному, а потом другому кораблю войти в порт. Он собирался присвоить себе ввозную пошлину, составившую в соответствии с водоизмещением «Невы» 3 977 испанских пиастров (ок. 19 885 руб.) [13, р. 600]. Но до получения разрешения наместника провинций Гандун и Гуанси У Сюнгуана, который в это время находился в отъезде, Янь Фэн медлил с разрешением на разгрузку [10, с. 347–348]. От капитанов требовали одного объяснения за другим: что за корабли, не военные ли они, с какой целью пришли в Кантон, какой груз имеется на борту, когда намереваются уйти и т.д. [Там же, с. 348–350]. Китайские купцы из сообщества «Гонг» без разрешения властей не имели права заключать какие-либо сделки с иностранцами. Положение осложнялось тем, что корабли не могли бесконечно долго находиться в Кантоне, т.к. можно было упустить благоприятное для навигации время года. В этой ситуации на помощь россиянам вновь пришли британцы.

Первым из них «Неву» посетил купец Биль (фамилия дана в русской транскрипции), совладелец торгового дома «Биль и Моньяк», который вел в городе крупные дела и имел обширные связи с китайскими торговцами [14, с. 22–28]. Биль, также как и Драммонд, был лично знаком с Крузенштерном. Он пригласил капитанов поселиться в его доме и предложил свои услуги в качестве посредника в торговле с китайцами. Однако при всем расположении к россиянам и готовности помочь, купец не забыл и о своей выгоде. Находившийся в составе экспедиции приказчик РАК Ф.И. Шемелин надеялся, что тот не запросит комиссионных больше, чем 2% со 100% прибыли – общепринятую в европейской торговле норму. Но, как сообщал Шемелин в Петербург, «...Биль, по здешним торговым обыкновениям, не согласился меньше взять пяти процентов со ста, и гг. капитаны на том до приезда моего в Кантон с ним уже решились» [5, с. 18]. Впрочем, Билю очень трудно было подыскать для россиян торговых партнеров из числа китайцев. Как писал Крузенштерн, «нам не причиняли в открытии торгового дела в Кантоне ни малейшего препятствия; однако, невзирая на то, нельзя было найти охотника из сообщества Гонг, который купил бы наш груз, и согласился бы отвечать за все по торговым делам» [8, с. 254].

Почему же никто из членов «Гонга» не хотел пойти на контакт с россиянами? На китайского купца, ведущего торговлю с иностранцами, власти возлагали всю ответственность за правильное совершение коммерческой сделки, а также за поведение его контрагентов. Недаром такой торговец назывался «купцом благонадежности». При этом

китайские чиновники безжалостно грабили своих купцов, требуя с них многочисленные подарки и взятки. Сама процедура страхования груза и получения разрешения на торговлю часто превращалась только в предлог для дачи взятки гоппо [8, с. 274]. Не зная, получат ли неожиданные гости, в конце концов, разрешение на торговлю в Кантоне или нет, купцы «Гонга» не решались пойти на такие значительные траты. С огромным трудом Билю удалось уговорить младшего из членов этого сообщества Ли Яньюя (россияне называли его Луквой) взять на себя обязанности «купца благонадежности».

Хорошо зная нравы китайских чиновников, Биль посоветовал капитанам через Ли Яньюя заранее «отблагодарить» Янь Фэна. Средство оказалось действенным. Вскоре разрешение на торговлю было получено и можно было приступить к разгрузке кораблей. Но тут возникло очередное затруднение. Торговля на наличные деньги велась в Кантоне редко, чаще всего производился натуральный обмен, при котором иностранные товары меняли на чай, фарфор и ткани (нанку и шелк). Однако Шемелин, по словам Крузенштерна, никак «...не соглашался брать чай, а хотел продать груз корабля “Невы” на чистые деньги» [Там же, с. 270]. (Видимо, ему были даны соответствующие инструкции от Главного правления РАК.) Биль приложил немало сил для того, чтобы убедить приказчика обменять хотя бы часть российских товаров на чай. Он же посоветовал Шемелину, как лучше привести пушнину, подпорченную небрежной упаковкой, а также огнем и водой от случившегося во время плавания пожара, в товарный вид, какие китайские изделия и по какой цене следует закупать, предупредил о возможных враждебных акциях датских купцов, опасавшихся уменьшения своих доходов от торговли чаем с Петербургом [5, с. 19–20].

При всех стараниях Биля эта операция не может считаться успешной в коммерческом плане. По данным Крузенштерна, груз российских судов был продан за 190 тыс. пиастров («Невы» – за 178, «Надежды» – за 12 тыс.). Самые ценные бобровые шкурки он решил не продавать, т.к. за них не давали более 20 пиастров (ок. 100 руб.), а в Москве такая шкурка стоила бы 200–300 руб. Из 190 тыс. пиастров, по словам капитана, 100 тыс. были получены наличными деньгами, а на 90 тыс. Ли Яньюй доставил чай разных сортов [8, с. 254]. По сведениям Шемелина, которые следует признать более точными, за весь груз было получено только 176 605 пиастров [5, с. 21]. Главную причину уменьшения выручки приказчик видел в сложившейся в Кантоне неблагоприятной обстановке на рынке пушнины. Если в 1804 г. морских бобров продавали здесь по 23–24 пиастра за шкурку, то в 1805 г. британцы и американцы привезли

мехов намного больше, и цена одной шкурки упала до 18 пиастров. Биль же смог договориться с Ли Яньюем о продаже российской пушнины только по 17 пиастров за самые ценные образцы. «Спрашивал я его, – писал Шемелин, – может ли г-н Биль еще постараться, чтоб достать лучшие, нежели сии цены? Он отвечал, что давали другие купцы за товары ваши гораздо ниже, но эта цена последняя и, по его мнению, хорошая, которой больше получить уже он не надеется» [5, с. 21]. Видимо, Крузенштерн не очень глубоко вникал в суть операции. В своей книге он делает такой прогноз: в Кантоне «...цена лучшего морского бобра не упадет никогда ниже 20 или много (в крайнем случае. – А.О.) 18 пиастров» [8, с. 270]. Для руководителя экспедиции была важна не прибыль, а сам факт установления коммерческих связей с Кантоном. При условии их дальнейшего развития оставалась надежда на получение крупных доходов в будущем.

Шемелин вынужден был заранее оправдываться перед компанией за результаты неудачной торговой операции. «Вероятно, что главному правлению [РАК] может все то показаться не весьма приятным, но оно благоволит рассудить, что торговля везде имеет свои законы и отношения. Мы можем только с своей стороны сказать, что нами все то сделано, что можно было сделать. Здесь не зависит от воли продавца, что сходно ему взять, но что дадут, тем всякий должен быть доволен» [5, с. 21]. В то же время, чтобы снять с себя обвинение в неудаче торговли с китайцами, приказчик перекладывал часть вины на капитанов, особенно на Лисянского. Стремление последнего к географическим открытиям помешало «Неве» прийти в Кантон в августе 1805 г., когда там не было ни одного иностранного корабля с пушниной, указывал он. Страсть Лисянского к открытию новых земель и островов «привела в забвение выгоды компании и свою должность», т.к. во время долгого плавания «Нева» сильно пострадала от штормов и не раз садилась на мели. Из-за этого «...товары компанейские были подмочены, часть оных на знатную сумму изгнана и за борт в море выброшена... Я полагаю, убыток от сего компании простираться должен до 80 000 рублей, и это, кажется, случилось все от новых открытий», – заключал приказчик РАК [Там же, с. 22]. Обвинения Шемелина вряд ли обоснованны, поскольку корабли не имели права прибыть в Китай раньше, чем посольство Головкина окажется в Пекине.

Продав свой груз, россияне начали загружать суда китайскими товарами. Неожиданно наместник провинции прислал приказ остановить погрузку и задержать отплытие кораблей до тех пор, пока из Пекина не пришлют ответ на донесение об их прибытии. Около судов была выставлена вооруженная охрана. Капитаны выразили решительное несогласие с этим шагом, но поскольку у них не было права лично вступать

в сношения с китайскими властями [4, с. 158], они обратились за помощью к главе британской фактории. «Я изъявил подозрение мое на китайцев Драммонду, который, уверив, что таковые своевольные, насильственные поведения здешнего правительства бывают нередки, некоторым образом меня чрез то успокоил», – писал Крузенштерн [8, с. 254]. Но Драммонд не ограничился только выражением словесного сочувствия. В записках Крузенштерна и Лисянского говорится почти одинаково: он «принял участие в нашем деле с величайшим рвением» (Крузенштерн); «взялся за дело весьма охотно» (Лисянский).

По совету Драммонда Крузенштерн отправил Ли Яньюя с жалобой к гоппо, и после этого охрана с судов была снята. Капитан также написал письмо наместнику провинции с требованием как можно скорее отпустить корабли из Кантона. Это письмо Крузенштерн и Лисянский предварительно показали Драммонду. Тот «...предложил созвать к себе купцов Гонга и составить из сочленов английской фактории избраннейший совет (select com[m]ittee), в коем находились Стаунтон, Робертс и Паттель, дабы дело представилось в важнейшем виде, и могло быть действительнейшим» [Там же, с. 255]. Кроме того, директор фактории лично посетил первого из членов «Гонга» купца Панкикву (имена купцов Панкиквы и Мауквы приводятся в соответствии с их написанием в русских источниках) и просил его принять участие в совещании импровизированного комитета помощи. Панкиква, которого Крузенштерн характеризует как человека малоумного, тщеславного и ненавидящего всякого европейца, под «неважным предлогом» уклонился от этой встречи. Тогда Драммонд отдал письмо капитана второму купцу «Гонга» Маукве, чтобы тот официально вручил его гоппо. На следующее утро Мауква принес письмо обратно, объяснив: он не мог передать его Янь Фэну, «...потому что оно содержит в себе выражения, каковых китайский государственный чиновник не привык слышать; вместо того приготовил он письмо другое, наполненное уничижительными выражениями и требовал, чтобы мы его подписали. На сие не могли мы согласиться», – сообщал Крузенштерн [Там же, с. 255].

Выход из тупика был найден Драммондом. Он посоветовал написать «самое краткое» письмо, в котором просить разрешения на скорейшее отплытие кораблей, аргументируя это тем, что иначе они не смогут вовремя вернуться домой. Крузенштерн немедленно приготовил требуемое письмо, которое снова было передано гоппо через Маукву. Однако прежде чем вручить его наместнику провинции, по требованию Янь Фэна в тексте пришлось сделать еще одно изменение. По словам Крузенштерна, «малозначащая сия перемена обнаруживает в себе свойства

и сведения даже и знатнейшего китайца» [8, с. 256]. Поскольку Драммонд дал обещание отправить в Россию все официальные бумаги, которые будут присланы российским морякам из Пекина, китайцы требовали, чтобы в письме к наместнику было упомянуто о взаимной торговле Великобритании и России, «...ибо в противном случае Друммонд, по мнению их, не мог бы принять на себя такое поручение» [8].

Следует напомнить, что все иностранные государства, представители которых торговали с Цинской империей, считались ее вассалами. За ними не признавалось право общаться между собой по политическим вопросам, поэтому необходимо было говорить только о коммерческих связях, существующих между двумя «варварскими», с точки зрения китайцев, странами. Купцы «Гонга» предлагали также указать в качестве причины скорейшего отхода кораблей то обстоятельство, что все северные моря зимой замерзают. Это соответствовало китайским географическим представлениям того времени.

Требуемые исправления были немедленно внесены и письмо вновь передано гоппо. Прошло шесть дней, в течение которых не было никакого ответа. Поэтому Крузенштерн просил Драммонда еще раз пригласить к себе купцов «Гонга» и потребовать через них срочной аудиенции у наместника. Желание капитана было исполнено, и в назначенный час британцы, россияне и китайцы (даже Панкиква) собрались в доме британской фактории. «Друммонд, по объявлении им снова несправедливого с нами поступка, требовал решительно, чтобы весь Гонг отправился к гоппо и представил бы ему настоятельно о нашем положении, до коего доведены мы без всякой причины», – писал Крузенштерн [Там же, с. 256]. В ответ Панкиква советовал не торопиться и подождать еще несколько дней, поскольку «...по введенному обряду, гоппо и наместник удерживают всякое дело по три дня и тогда уже делают решение...» [Там же]. Несмотря на это, британцы настояли на необходимости срочного визита китайских купцов к Янь Фэну, а в случае отказа последнего решить дело под предлогом отсутствия приказа наместника провинции – к У. Сюнгуану, от которого также потребовать ответа. Если же и наместник откажется высказаться прямо, они должны были просить у него аудиенции для Крузенштерна.

Подобные решительные действия увенчались полным успехом. Янь Фэн, видимо, испуганный тем, что наместник (а через него и император) может получить конкретную информацию о взяточничестве и волоките в таможах Кантона, поспешил разрешить дальнейшую погрузку товаров на российские корабли и обещал вскоре предоставить им право покинуть порт. Он явно хотел, чтобы они быстрее ушли в море. Подтверждает это

предположение тот факт, что гоппо через несколько дней лично посетил «Надежду» и просил о встрече с капитаном – случай редчайший в отношениях китайских чиновников с торгующими иностранцами. Крузенштерна не было в этот день на судне, поэтому Янь Фэн встретился с Лисянским. «При переговоре Лисянского с гоппо казался последний даже озабоченным о скорейшем выходе нашем из Кантона и обещался прислать нам достоверно через два дня паспорта, которые мы, в назначенный срок, действительно получили», – писал Крузенштерн [8].

9 февраля 1806 г., после выполнения китайскими властями всех формальностей, корабли, наконец, покинули Кантон. Вскоре они благополучно пересекли Южно-Китайское море и вышли в Индийский океан. Но помощь Драммонда российским морякам на этом не закончилась. Как только они покинули порт, из Пекина пришел строгий приказ императора Юн Яня (правил под девизом Цзяцин) об их задержании и аннулировании всех сделок, заключённых между китайцами и россиянами. Янь Фэн и У. Сюнгуан, допустившие нарушение правил торговли, были сурово наказаны [4, с. 158–159]. Драммонд немедленно известил о случившемся находившегося в Кантоне капитан-лейтенанта М.И. Миницкого. Директор фактории писал ему о том, что «...если бы они (российские суда. – А.О.) были здесь, было бы невозможно сказать, не сочтёт ли деспотическое Правительство (arbitrary Government) выгодным для себя задержать их на несколько месяцев. И скорее [всему виной] предубежденность Мандаринов, чем какая-либо неудовлетворенность [возможной] торговлей, [поэтому] недовольство Императора сглажено, хотя [официально] высказано, что, производя торговлю через Кяхту, для Русской нации нет необходимости торговать через Кантон, [поскольку последнее] может привести к серьёзному недовольству жителей районов у Татарских границ» [2, л. 252, 252 об.].

Далее он выражал надежду на возможность достать копию императорского указа и переслать ее Крузенштерну, которому желал счастливого продолжения плавания. И Драммонд не обманул. В императорском указе в качестве главной причины отказа от морской торговли с Россией действительно выдвигался следующий тезис: морская торговля приведет к уменьшению сухопутной через Кяхту и к разорению купцов, занимающихся этой торговлей [10, с. 603–606]. Кроме того, Драммонд передал Миницкому письмо с описанием всего случившегося для Н.Н. Новосильцева, принимавшего в качестве президента петербургской Академии наук деятельное участие в подготовке экспедиции [3, с. 171].

В августе 1806 г., через шесть месяцев после выхода из Кантона, «Надежда» и «Нева» благополучно вернулись в Кронштадт, завершив, таким

образом, первое российское кругосветное путешествие. Из тех задач, которые ставились перед экспедицией в 1803 г., удача сопутствовала только географическим открытиям моряков. Миссия Резанова в Японию окончилась провалом, морскую торговлю с Китаем завязать также не удалось. Цинское правительство не пошло на это, опасаясь не только уменьшения доходов от кяхтинской торговли, но и того, что россияне будут собирать в Кантоне разведывательную информацию о Китае [13, р. 363–364].

Правительство Александра I, стремясь сгладить негативное впечатление от этих неудач, а также от неудачи посольства Ю.А. Головкина, задержанного китайцами в монгольской Урге, намеренно выдвинуло на первый план мифический успех кантонского эпизода. Официальная газета «Санкт-Петербургские ведомости» в сентябре 1806 г. сообщила читателям: хотя посольство и не добралось до Пекина, «...Российский Двор неоднократно получал удостоверения в том, что Китайское Правительство пребывает [по отношению к нему] в тех же неперменных дружественных своих расположениях: *к чему новым оплотом послужить может благосклонный прием в Кантоне двух Российских кораблей, недавно оттуда возвратившихся* (курсив мой. – А.О.)» [11, с. 811]. Эти причины сделали неактуальной саму цель посольства и привели к его отзыву в Петербург, говорилось далее в газетной заметке. О британской помощи не было сказано ни слова.

В памяти современников экспедиция Крузенштерна осталась как подвиг, открывший океаны планеты для кораблей под российским флагом. «К отправлению... вторично судов в те части света россияне, конечно, могут быть ободрены толь благополучным мореплаванием и возвращением в свои порты Невы и Надежды», – писал священник российского посольства в Лондоне Я.И. Смирнов своему другу вице-адмиралу П.В. Чичагову [2, л. 248 об.]. Священник, однако, не сумел верно определить побудительные мотивы решения императора Юн Яня об отказе от морской торговли с Россией. В более позднем письме к Чичагову он связывал этот факт с тем, что китайцы боятся растущей мощи России.

Таким образом, вышеприведенные факты свидетельствуют о более глубоких, богатых и разносторонних взаимных представлениях британцев и россиян друг о друге, нежели об этом говорилось до сих пор в научной литературе. Естественно, речь здесь идет об уникальном периоде в жизни России. В начале XIX в. под воздействием государственных реформ Александра I в широких слоях российского общества распространились либеральные настроения. Британцы не могли не вос-

принять это как новый знак европеизации России. (Примечательно, что информация об экспедиции Крузенштерна и о посольстве Головкина дошла до них для того времени довольно быстро. Журнал «Литературная панорама» [The Literary Panorama] не позже марта 1808 г. сообщил об этом читателям. В 1813–1814 гг. в Лондоне на английском языке были изданы записки Крузенштерна и Лисянского.) В этой ситуации неизбежно ломались стереотипные представления о «чужаках». Тем более зримыми подобные процессы были, когда подданные России и Великобритании встречались на Востоке в чужой и для тех, и для других среде. В этих условиях они быстрее и лучше всего начинали чувствовать себя европейцами, носителями общей культуры. Прибалтийский немец Крузенштерн, украинец Лисянский и шотландец Драммонд легко нашли общий язык, потому что придерживались сходных жизненных ценностей.

Библиографический список

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 1 (Административные дела). III-20 (1803 г.). Д. 1.
2. АВПРИ. Ф. 184 (Российское посольство в Лондоне). Оп. 520. Д. 1.
3. Болховитинов Н.Н. Н.П. Резанов и первое русское кругосветное плавание 1803–1806 гг. // Новая и новейшая история. 1997. № 3. С. 167–186.
4. Воскресенский А.Д. Китайские хроники о пребывании И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского в Гуанчжоу // «И не распалась связь времен...». К 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 1993.
5. Внешняя политика России XIX и начала XX веков. Документы российского Министерства иностранных дел. Серия 1. 1801–1815 гг. Т. III. М., 1963.
6. Думитрашко Н.В. Ю.Ф. Лисянский и первые кругосветные плаванья // Лисянский Ю.Ф. Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803–1806 гг. М., 1947.
7. Кросс Э.Г. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII в. СПб., 1996.
8. Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве». М., 1950.
9. Пасецкий В.М. Иван Федорович Крузенштерн. М., 1974.
10. Русско-китайские отношения в XIX в. Материалы и документы. Т. 1. 1803–1807 гг. / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 1995.
11. Санкт-Петербургские ведомости. 1806. № 72 (7 сентября).
12. Сопленков С.В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX в.). М., 2000.
13. Fu Lo-shu. A Documentary Chronicle of Sino-Western Relations (1644–1820). Part II. Tucson, 1966.
14. Greenberg M. British Trade and the Opening of China, 1800–1842. Cambridge, 1951.

И.Г. Жиряков

Февральские события 1934 г. в Австрии: последняя попытка восстановить демократическую форму правления в Первой Австрийской Республике

В статье изучены события февраля 1934 г. в Первой Австрийской Республике, которые автор рассматривает как последнюю попытку восстановления в стране демократической формы правления. Австрофашизм, обосновывавший установление своей диктатуры необходимостью защиты независимости Австрии против угрозы германской аннексии, оказался неспособным отстоять независимость страны.

Ключевые слова: Первая Австрийская Республика, австрофашизм, хаймвер, Христианско-социальная партия Австрии, Социал-демократическая партия Австрии, канцлер Энгельберт Дольфус.

О событиях в феврале 1934 г. в Австрии существует немало исследований, в которых говорится о самоотверженной борьбе австрийского рабочего класса против фашистской реакции в стране. В них утверждается, что австрийский рабочий класс не смог воспрепятствовать установлению неприкрытой диктатуры так называемого австрофашизма; «участники февральских боев 1934 г. потерпели поражение»; «режим фашистского хеймвера восторжествовал» [4, с. 87].

Это действительно так. Однако февральские события 1934 г. надо рассматривать шире – как последнюю попытку всех прогрессивных сил в стране защитить, или, точнее, восстановить (поскольку государственный переворот состоялся в марте 1933 г.) демократическую форму правления.

Австрия обладала в полной мере всеми признаками демократического государства с момента образования Первой республики в 1918 г. Ее развитие шло довольно успешно. Конституция Австрийской Республики, принятая в 1920 г., устанавливала республиканскую демократическую форму правления, предусматривала введение поста президента с представительными функциями, двухпалатного законодательного органа, нижняя палата которого должна была избираться всем взрослым населением страны. Правительство во главе с канцлером несло ответственность перед парламентом. Новая Австрия фактически являлась федерацией:

население города Вены и восьми земель избирали земельные собрания (ландтаги), пользовавшиеся широкими правами самоуправления.

В 1929 г. в конституцию были внесены изменения, которые предусматривали усиление президентской и исполнительной власти.

Политическая жизнь 1920-х гг. развивалась в обстановке идеологического противостояния двух больших партий Австрии – Христианско-социальной партии и Социал-демократической партии.

Лидером Христианско-социальной партии был Игнац Зайпель, который рассматривается исследователями «либо как крупный интеллектуал и спаситель Австрии от экономической катастрофы, правоверный католик и великий государственный деятель, либо же как демонический черный человек, символ клерикального фашизма и носитель антидемократических идей» [3, с. 365].

Зайпель вел свою партию в «четко антимарксистском направлении». Им все больше овладевало желание «устранить из политической жизни левых, которых он ненавидел всей душой». Укреплявшиеся с годами антипарламентские и антидемократические идеи Зайпеля, выступавшего сторонником однопартийного государства под католическим знаменем, быстро распространялись в консервативном лагере, их разделяли и развивали деятели хаймвера.

Хаймвер (нем. Heimwehr – отряды самообороны) – «Союз защиты родины» – националистическое военизированное объединение. Хаймвер был создан в основном из солдат, демобилизованных после первой мировой войны. У этого объединения некоторое время не было единого руководства и политической программы, но были активные региональные группы.

В распоряжении хаймвера оказались военные запасы, укрытые от контроля Лиги Наций: несколько десятков тысяч винтовок, пулеметы, тяжелое вооружение. Многие австрийские промышленники субсидировали хаймвер в расчете на политические дивиденды, значительные средства поступали и из-за границы – от Венгрии и Италии.

В своей агитации хаймвер учитывал массовое недовольство парламентской демократией, выражавшей якобы эгоистические интересы политиков, чуждые простому народу. Социальной базой военизированных формирований была крестьянская молодежь, люмпенизированные в результате послевоенных кризисов средние городские слои. Корпус функционеров формировали отставные офицеры и «интеллектуальный пролетариат», среди последнего были и потомки аристократии. Хаймвер вербовал в свои ряды и консервативно настроенных рабочих, которые отказывались вступить в профсоюз и потому вытеснялись с предприятий.

Социальным христианам удалось перестроить хаймвер в нужном им направлении и создать из них «партийную армию».

Опираясь на христианское социальное учение (провозглашенное папой Львом XIII в 1891 г. в энциклике «Рерум новарум» и в 1931 г. получившее развитие в булле папы Пия XI «Квадрагезимо анно»), ненавидевшие марксизм и демократию хаймверовцы хотели построить «сословное государство», основой которого стали бы сословия, сформированные не по признаку рождения, а по роду профессиональных занятий. Так они надеялись положить конец борьбе классов и создать «христианский» режим. Неоромантические идеи в изложении профессора Венского университета Отмара Шпанна, оказавшего влияние на целое поколение молодых консерваторов, требовали авторитарной власти и сильного «вождя».

В мае 1930 г. в «Корнойбургской клятве» хаймвер заявил об отказе от демократии западного образца и потребовал создания сословного однопартийного государства, что представляло собой чисто фашистскую программу («Мы возьмем власть в государстве. Мы отвергаем демократию и парламентаризм. Мы являемся приверженцами принципов фашизма»).

В ноябрьских выборах 1930 г. (как выяснилось потом, они на долгое время стали последними парламентскими выборами) хаймверовцы участвовали как «Отечественный блок»; за них проголосовало почти 100 тыс. чел. [3, с. 367].

В Социал-демократической партии Австрии существовали два течения, одно из которых возглавлял умеренный К. Реннер, выступавший против кардинальных реформ (он считал, что вначале надо выбраться из нужды и «научить народ демократии»). Другое течение было представлено австромарксистами, отстаивавшими особый австрийский путь к социализму.

«Левая» австрийская социал-демократия пользовалась безраздельным влиянием среди австрийских рабочих. Она насчитывала 650 тыс. членов (это в стране с 6,5 млн. жителей) и на апрельских выборах в парламент в апреле 1927 г. получила 1,5 млн. голосов (компартия – всего 17 тыс.). 43% всех поданных голосов получила социал-демократия [5, с. 111]. Австромарксизм находился в зените своего процветания. Еще только 350 тыс. «недостающих» избирательных бюллетеней (так рассуждали Отто Бауэр и его ученики), и знаменитые 51%, парламентское большинство, достигнуты, и начнется демократический парламентский путь вступления в социализм, мирное завоевание диктатуры пролетариата.

На австрийской политической сцене конкуренцию австромарксистам пытались составить коммунисты, но они так и не смогли обеспечить своей партии поддержку широких масс.

Социал-демократы в 1923 г. образовали собственную военизированную организацию – шуцбунд, ее численность также доходила до 100 тыс. чел. [2, с. 72]. В отличие от военизированных формирований правого толка, шуцбундовцы заявляли о готовности защищать конституционные устои Первой республики.

На политической сцене Австрии существовали еще некоторые политические объединения. Фракция легитимистов призывала к возвращению Габсбургов, а Пангерманская партия активно выступала за объединение с Германией.

На выборах в парламент, состоявшихся 17 октября 1920 г., Христианско-социалистическая партия (ХСП) обошла социал-демократов. До абсолютного большинства ей не хватило всего шести мандатов. Правительство, сформированное по итогам октябрьских выборов 1920 г., формально было коалиционным, т.к. в него входили три представителя националистов. Однако все ключевые посты принадлежали выходцам из ХСП. Сам Зайпель отказался от канцлерского поста.

Исполнительная власть государства (в т.ч. жандармерия, полиция и кадровая армия) при социально-христианском правительстве была очищена от «неблагонадежных элементов» (левых) и все больше становилась инструментом власти консерваторов.

Несмотря на демократическое конституционное устройство, политический режим Первой республики сохранял немало авторитарных черт. Политическая система Австрии по-прежнему основывалась на покровительстве, вмешательстве сверху и интригах, процветала всепроникающая коррупция.

К этому надо добавить звучавшие и справа, и слева призывы радикальной оппозиции к насилию, которые делали эту оппозицию в глазах социальных групп, контролировавших государственную власть, серьезной угрозой, что провоцировало ответные репрессии.

После прихода Гитлера к власти Австрия оказалась под прямым нажимом германских националистов, которые теперь открыто стремились к аншлюсу. Поток германских нацистских газет и иллюстрированных изданий хлынул в Австрию. Австрийская национал-социалистическая партия стала главной агентурой германского фашизма и милитаризма. Ею непосредственно руководил член германского рейхстага «имперский инспектор» Тео Хабихт. Военные организации партии (СА и СС) снабжались из Германии оружием и взрывчатыми веществами. Передачи радиостанции в Мюнхене ежедневно использовались для нападков на независимость Австрии. Из бежавших в Германию австрийских национал-социалистов был сформирован «Австрийский легион», которому предназначалась роль ударной группы в деле аннексии Австрии. Внутри

австрийской буржуазии резко усилилась борьба между различными группировками. Часть буржуазии открыто вступила в союз с германским милитаризмом. Нацистская партия при этом систематически консолидировала все прогитлеровские силы в Австрии.

В начале лета 1933 г. великогерманская партия, а также часть антиклерикального «Ландбунда» перешли под руководство нацистов. Другая часть австрийской буржуазии, хотя и выступавшая за соглашение с Германией, но стоявшая вместе с тем за сохранение государственной независимости Австрии, ориентировалась на Муссолини, который хотел добиться для Италии господствующих позиций среди европейских держав, имевших реваншистские тенденции, и поэтому противился расширению границ Германии до Бреннера [4, с. 89].

После ряда государственных визитов австрийского канцлера Дольфуса в Италию и Венгрию в 1934 г. были подписаны т.н. римские протоколы, оформившие блок Рим–Будапешт–Вена. Это привело к тому, что хаймвер (непосредственная агентура Муссолини в Австрии) занял ключевые позиции и практически стал главной силой, определявшей политику правительства [Там же, с. 90].

Дольфус открыто повел подготовку к установлению диктатуры в стране. Причем надо иметь в виду, что австрофашизм обосновывал установление своей диктатуры необходимостью защиты независимости Австрии против угрозы германской аннексии. Дольфус считал необходимым ликвидировать все атрибуты буржуазной демократии, называя их «революционным хламом».

4 марта 1933 г. в связи с конфликтом в парламенте все три его председателя сложили свои полномочия. Правительство немедленно объявило, что парламент «сам себя распустил» и что власть перешла к правительству. Федеральный канцлер Энгельберт Дольфус правил на основании статей военно-экономического закона 1917 г., предоставляющих правительству чрезвычайные полномочия. Это было «начало конца» демократии. Федеральный канцлер пытался завершить установление авторитарного корпоративного государства [1, с. 31].

7 марта правительство приняло решение о запрещении демонстраций и собраний и введении предварительной цензуры для всех органов печати. 1 мая были запрещены все манифестации, а улицы оцеплены воинскими частями. 26 мая была запрещена Коммунистическая партия, а немногим позднее и военная организация социал-демократической партии – «Республиканский шуцбунд».

Деятельность социал-демократической партии и профсоюзов все более ограничивалась. Собрания этих организаций запрещались, а центральный

орган социал-демократов из-за цензурных препон все чаще выходил в свет с большими белыми пятнами [4, с. 90]. В течение 1933 г. австрофашизация страны шла полным ходом.

Австрийский народ вполне мог остановить наступление австрофашизма. Диктатура Дольфуса имела чрезвычайно узкий социальный базис и была раздираема внутренними противоречиями. Внутри ее с самого начала образовалось 2 лагеря – лагерь хаймвера, ориентированный на Францию и Италию, и лагерь национал-социалистов, ориентированный на гитлеровскую Германию. Это обстоятельство ослабляло диктатуру и облегчало борьбу против австрофашизма.

Крупнейшей демократической политической силой Австрии была Социал-демократическая партия. Ее организации насчитывали сотни тысяч членов. В лице «Республиканского шуцбунда» Социал-демократическая партия располагала имевшей значительные склады оружия, подготовленной в военном отношении рабочей гвардией, численность которой достигала нескольких десятков тысяч человек. Руководимые социал-демократами профсоюзы оказывали огромное влияние на коллективы предприятий. Социал-демократическая партия на последних парламентских выборах в 1930 г. достигла наибольшего успеха, получив 43% голосов. Она укрепила свои позиции также на выборах в ландтаги в 1932 г. [Там же].

Когда Дольфус 4 марта 1933 г. распустил парламент, широкие массы рабочего класса были твердо намерены нанести решительный контрудар. Эти настроения были настолько сильны, что руководство Социал-демократической партии было вынуждено что-то предпринять. Карл Реннер, отставка которого с поста председателя парламента дала Дольфусу предлог для государственного переворота, назначил на 15 марта заседание парламента. Если бы было организовано широкое выступление масс в защиту этого заседания, Дольфус, без сомнения, был бы вынужден отступить. Но он знал, что руководство Социал-демократической партии в действительности не хотело такого выступления, поскольку первой же реакцией правления партии на роспуск парламента был призыв «к спокойствию и благоразумию». Поэтому Дольфус объявил, что назначенное Реннером заседание он будет рассматривать как собрание, «о котором не было сообщено полиции», и, следовательно, «недозволенное», и что в случае необходимости при помощи полиции он воспрепятствует его проведению [Там же, с. 91].

И все же 15 марта это «собрание» состоялось. На нем со стороны руководителей социал-демократов не последовало призыва к решительным действиям в защиту демократии. Социал-демократ Отто Лейхтер

в своей книге «Австрия в 1934 г.», опубликованной под псевдонимом Пертинакс, писал о 15 марта 1933 г., что «этот день означал смерть парламента» [8, s. 186].

Даже после этих дней Социал-демократическая партия могла еще организовать выступление масс и преградить путь австрофашизму. 16 и 17 апреля 1933 г. состоялась чрезвычайная общеавстрийская конференция социал-демократической партии. К. Реннер открыто высказался против выступлений, надеясь на возможные переговоры с Дольфусом и поддержку западных стран. Но ни переговоров, ни поддержки Англии, Франции и Италии не произошло.

Отто Бауэр, который говорил о своей готовности умереть, если буржуазия отнимает у него его идеал – демократию, за которую он борется, действовал нерешительно [5, с. 113]. Лидер австромарксистов успокаивал рабочих надеждой на вмешательство западных держав. «Все еще возможно, – утверждал он, – что благодаря внешним обстоятельствам правительство сможет вернуться к конституции путем переговоров с социал-демократией!» [6]. Этой надежде на готовность австрофашистов к переговорам большое значение придавалось и в последующие месяцы. На самом же деле такой готовности никогда не существовало.

В сентябре 1933 г. Дольфус объявил, что «время марксистского руководства народом» прошло и он (Дольфус) полон решимости установить «авторитарное» правление.

17 сентября совместное заседание правления Социал-демократической партии и правления профсоюзов составило ответ на заявление Дольфуса. Были сформулированы четыре пункта, в связи с которыми должен был состояться призыв к генеральной стачке: в случае роспуска Социал-демократической партии, роспуска профсоюзов, смещения с поста бургомистра Вены или опубликования фашистской конституции [5, с. 114].

Американский историк Гулик в книге «От Габсбурга до Гитлера» писал относительно этих решений: «Руководители снова с успехом удержали от действий оппозицию, которая требовала применения быстрых мер, чтобы остановить контрреволюцию. Результатом было то, что правительство снова выиграло время...» [7, s. 227].

В конце января 1934 г. в Австрии была проведена мобилизация хаймвера, и австрофашистский переворот начался. Раньше всего под нажимом хаймвера выборное правительство провинции Тироль было заменено австрофашистским комитетом.

1 и 2 февраля были заняты партийные дома Социал-демократической партии и произведены массовые аресты социал-демократических

районных функционеров. 6, 7 и 8 февраля был совершен переворот в Верхней Австрии, Штирии и Бургенланде.

11 февраля Дольфус заявил: «Мы сможем, по-видимому, уже в скором времени приступить к осуществлению наших планов. В последнее время верное отечеству население всех провинций во главе с преданными родине военными союзами снова со всей решительностью высказалось за мою программу. Всеобщим требованием является ее возможно быстрое выполнение. Опираясь на это требование населения, я позабочусь о том, чтобы перестройка государства была произведена возможно быстрее» [4, с. 93].

Хаймвер бурно требовал роспуска Социал-демократической партии, самоликвидации Христианско-социалистической партии, полной ликвидации всех парламентских учреждений, смещения всех социал-демократических бургомистров [5, с. 114].

В первых числах февраля 1934 г. начались решительные действия хаймвера и государственной власти в направлении полной фашизации органов государственной власти и устранения остатков «демократии».

Первым актом были занятия социал-демократических партийных домов и обыски в них с целью конфискации оружия [8, s. 184].

12 февраля 1934 г. вооруженные отряды полиции приблизились к Партийному дому социал-демократов в Линце, собравшиеся в нем шуцбундовцы открыли огонь. Так началась вооруженная антифашистская борьба. Она быстро распространилась на рабочие кварталы Линца.

Рано утром Дольфус уже дал распоряжение занять Партийный дом социал-демократической партии в Вене, сместить социал-демократического бургомистра столицы и назначить вместо него правительственного комиссара. Дольфус подписал распоряжение о роспуске Социал-демократической партии, Свободных профсоюзов, а также всех других рабочих организаций, о конфискации их имущества и введении военно-полевых судов.

После этого начались выступления в Вене и других городах. Четыре дня продолжалась борьба. Героизм почти 20 тысяч рабочих, взявшихся за оружие, не смог предотвратить поражения. Австрофашизм мстил самым жестоким образом. Военные суды выносили один смертный приговор за другим. Тысячи рабочих были брошены в тюрьмы.

Как известно, 25 июля 1934 г. Дольфус был убит нацистами. Его преемник Шушниг через четыре года без борьбы капитулировал перед Гитлером и предал независимость Австрии. Австрофашизм, обосновывавший во многом установление своей диктатуры необходимостью защиты независимости Австрии против угрозы германской аннексии, оказался неспособным отстоять независимость страны, стал ее могильщиком.

Библиографический список

1. Австрия. Факты и цифры. Издано Отделом печати при Ведомстве федерального канцлера. Вена, 1980.
2. Ватлин А.Ю. Австрия в XX веке. М., 2006.
3. Воцелка К. Культура, общество, политика / Пер. с нем. М., 2007.
4. Костман Е. Некоторые уроки борьбы австрийских рабочих против фашизма (февраль 1934 г.) // Вопросы истории. 1959. № 4.
5. Шенау А. Революционные бои австрийского пролетариата (1927–1934 гг.) // Борьба классов. 1934. № 3.
6. Arbeiterzeitung. 1933. 16 April.
7. Gulick Ch.A. Oesterreich von Habsburg zu Hitler: Funf Bande. Wien, 1948. Bd. 4.
8. Pertinax. Osterreich 1934. Zurich, 1935.

И.Г. Жиряков, О.В. Максимова

Основные этапы австрийско-советских отношений после заключения Государственного договора: позиции правящих политических партий

В статье изучены основные этапы развития отношений между Австрийской Республикой и СССР после заключения Государственного договора 1955 г. Особое внимание авторы обращают на позиции правящих политических партий Австрии (Австрийской народной партии, Социалистической партии Австрии, Австрийской партии свободы).

Ключевые слова: Австрийская Республика, австрийско-советские отношения 1955–1991 гг., Государственный договор 1955 г., Австрийская народная партия, Социалистическая партия Австрии, Австрийская партия свободы.

Отношения между Австрией и СССР после заключения Государственного договора 1955 г. можно условно разделить на три этапа.

Первый этап относится к 1955–1969 гг. – времени коалиционных правительств Австрийской народной партии и Социалистической партии

Австрии, а также однопартийного правительства Австрийской народной партии.

Особенностью политической жизни Австрии после Второй мировой войны в течение двадцати лет было то, что ведущие партии страны – Австрийская народная партия (АНП) и Социалистическая партия Австрии (СПА) не собирали в отдельности большинства голосов избирателей и создавали правительственную коалицию.

Главную роль в выработке внешнеполитического курса коалиционного правительства играла АНП. Федеральным канцлером страны в годы коалиционного правления неизменно назначался представитель Австрийской народной партии: Л. Фигль (1945–1953), Ю. Рааб (1953–1961), А. Горбах (1961–1964), И. Клаус (1964–1970).

Должность министра иностранных дел в 1945–1959 и в 1966–1970 гг. занимали члены АНП – К. Грубер, Л. Фигль, Л. Тончич-Зоринь, К. Вальдхайм [13, с. 184]. Надо отметить, что в эти годы сформировался внешнеполитический механизм, под которым понимается «вся совокупность определенным образом организованных и воздействующих государственных органов, принимающих постоянное участие в процессе разработки и осуществления тех или иных внешнеполитических решений государства» [5, с. 30–31].

Внешнеполитический механизм включает в себя как органы общеполитического руководства – парламент, главу государства, правительство, так и специализированные органы управления в сфере внешних отношений, среди которых главным является ведомство иностранных дел.

Исследование внешнеполитического механизма австрийского государства дает возможность установить, что в силу своего конституционного положения и сложившейся практики решающая роль в формировании и проведении внешней политики Австрии принадлежит Федеральному канцлеру как главе правительства и министерству иностранных дел.

В функции Федерального канцлера Австрии входят: определение основных направлений внешнеполитического курса страны; участие в назначении и освобождении руководящих работников внешнеполитической службы; определение внешнеполитической компетенции правительственных органов, министерств и ведомств; участие в решении вопросов войны и мира путем проявления инициативы перед парламентом, а также путем контрассигнования президентских решений, распоряжений и приказов; проведение переговоров и участие в заключении договоров путем контрассигнования президентских актов; руководство заключением и заключением административных (межправительственных) соглашений [6, с. 111].

Главным оперативным звеном, проводящим внешнюю политику Австрии, является министерство иностранных дел. Согласно закону о федеральных министерствах 1973 г., его центральный аппарат и органы зарубежного представительства несут главную ответственность за поддержание и развитие связей с зарубежными государствами и международными организациями [1, с. 288–289]. В компетенцию МИД входят: дела, касающиеся международного права; переговоры о государственных договорах; дела, относящиеся к экономической интеграции и культурному сотрудничеству; охрана интересов австрийских граждан и их имущества за границей и другие вопросы.

В те годы главную роль в выработке внешнеполитического курса играли канцлеры и министры иностранных дел, представлявшие Австрийскую народную партию.

АНП была создана в 1945 г. лидерами бывшей христианско-социальной партии и являлась наследницей ее идей [5, с. 69]. По своему характеру и политике АНП – правая политическая партия, выступающая под флагом христианской социальной доктрины. Эта партия пользовалась довольно большой поддержкой австрийского населения. И эту поддержку не хотели замечать и признавать противники АНП, в частности, австрийские коммунисты. Они оценивали АНП как «традиционную партию капиталистов и крупных землевладельцев» [8, с. 15].

Австрийская народная партия была единственной политической партией в стране (и одной из немногих в Европе), которая еще в годы «холодной войны» поддерживала принципы мирного сосуществования.

Время «холодной войны» – это годы резкого противостояния двух социально-экономических систем, которое не раз ставило мир на грань катастрофы. Хорошо известна критическая оценка «имперской» внешней политики Советского Союза в те годы. Справедливости ради следует признать, что США и европейские страны не были такими идеалистами в своей внешней политике, как склонны сегодня утверждать некоторые западные и отечественные исследователи. Жесткое применение военной силы, тайные операции, нарушение норм международного права и морали были нередким явлением в западной политике на протяжении десятилетий «холодной войны».

В таких условиях многие ответственные политические деятели Австрии не могли не прийти к пониманию того, что только на пути мирного сосуществования можно было избежать ядерной войны.

Отечественная исследовательница Е.Р. Ельянова пишет: «Коммунистические идеологи с гордостью утверждали, что историческую неизбежность и «теоретические основы мирного сосуществования» государств с различным общественным строем были разработаны Лениным, что

этот принцип был положен в основу внешней политики СССР и других социалистических стран, что, наконец, этот принцип был принят и другими государствами, ссылаясь при этом на Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, включающий десять принципов международного общения, получивших, по мнению тех же коммунистических идеологов, международное признание как кодекс мирного сосуществования.

Правда, при этом забывался тот факт, что долгие годы принцип мирного сосуществования рассматривался коммунистическими партиями как своеобразная форма классовой борьбы на международной арене. Отказавшись потом от этого «теоретического положения», правящие компартии социалистических стран, тем не менее, всегда подчеркивали, что их политика мирного сосуществования сочетается с солидарностью с борьбой трудящихся в капиталистическом мире и массовыми антиимпериалистическими движениями, что эта политика способствует росту антиимпериалистических сил, ограничивает возможности империализма для агрессивных действий на международной арене» [3, с. 139–141].

И все-таки, справедливо подчеркивает Е.Р. Ельянова, надо признать, что при всей критической оценке принцип мирного сосуществования в годы «холодной войны» стал единственно возможным вариантом развития международных отношений.

Среди первых европейских государств, вставших на путь мирного сосуществования, была Австрийская Республика.

Разумеется, Австрийская народная партия не была едина в выборе внешнеполитического курса, в подходе к вопросу о взаимоотношениях между Австрией и Советским Союзом, другими социалистическими странами. Внутри АНП шла острая борьба между разными течениями, выражающими интересы различных групп австрийского населения.

Представители умеренного крыла во главе с Ю. Раабом, защищавшие интересы той части австрийского общества, которая настороженно, даже с неприязнью относилась к росту влияния в стране западногерманского капитала, выступали за строгое соблюдение Австрией обязательств по Государственному договору и закону о нейтралитете, за развитие хороших отношений со всеми странами, в т.ч. с Советским Союзом.

Причем с течением времени Ю. Рааб и его единомышленники становились все более горячими сторонниками стратегии мирного сосуществования. «Мы хотим со всеми народами жить в дружбе, – говорил Ю. Рааб, – развивать с ними торговлю, проводить культурный обмен» [26, s. 73]. Мы подтверждаем, подчеркивал он в июле 1960 г., что «считаем весьма позитивной идею сосуществования» [Там же, s. 87].

Политический портрет председателя АНП Ю. Рааба не был, конечно, однозначным. В партии он считался сторонником «консервативного» курса, в смысле старого, традиционного. За ним закрепилась слава «сильного» человека. Современники сравнивали его с Аденауэром, а начало 1950-х гг. называли «эрой Рааба» [2, с. 77]. Но, тем не менее, он сделал немало для укрепления нейтралитета своей страны, для развития взаимовыгодных отношений между Австрией и Советским Союзом.

В конце 1950-х гг. в Австрийской народной партии ускорился процесс выдвижения на первый план т.н. «реформаторов». Будущий лидер АНП И. Клаус в своих мемуарах будет объяснять это тем, что Ю. Рааб и его единомышленники якобы уже не соответствовали задачам времени [18, с. 351].

В феврале 1960 г. на VIII внеочередном съезде АНП Ю. Рааб заявил о своем уходе с поста председателя партии, а ее новым руководителем был избран 308 голосами из 329 А. Горбах [27, с. 489].

В апреле 1961 г. председатель АНП А. Горбах назначается федеральным канцлером Австрии. Отвечая на вопрос о планах нового правительства в области внешней политики, А. Горбах заявил, что он намерен следовать внешнеполитическому курсу Ю. Рааба, строго выполнять Государственный договор и соблюдать нейтралитет. А. Горбах подчеркнул, что он придает большое значение дружественным отношениям между Австрией и СССР и намерен содействовать их укреплению. И, действительно, австрийско-советские отношения развивались поступательно.

«Вплоть до 1966 г. результаты выборов существенно не менялись, политическая система Австрии во главе с «Большой коалицией», ведущей силой которой была Австрийская народная партия, оставалась прежней. Руководящее ядро этой партии (Юлиус Рааб, Леопольд Фигль) сменилось другой группировкой — после «переходного канцлера» Альфонса Горбаха в 1964 г. пришел Йозеф Клаус» [4, с. 415].

К середине 1960-х гг. борьба двух группировок в Австрийской народной партии закончилась окончательной победой «реформаторов» над сторонниками «старого» направления в партии. В сентябре 1963 г. на IX съезде АНП в Клагенфурте председателем партии был избран И. Клаус, стоявший намного правее А. Горбаха [27, с. 348–349].

Новый лидер «реформаторов» вполне определенно высказывался во внешней политике – за переговоры о вхождении Австрии в «Общий рынок». Он и его коллеги по партии рассматривали нейтралитет только в военном аспекте.

Однако новые лидеры АНП не могли не видеть те огромные выгоды, которые несла стране политика постоянного нейтралитета. Эта политика обеспечивала Австрии независимость, политическое и экономическое

благополучие, широкое поле деятельности для сотрудничества со всеми странами независимо от их общественно-политических систем.

В апреле 1964 г. И. Клаус, возглавив новое правительство, выступил на заседании Национального совета с заявлением. Во внешней политике, заявил И. Клаус, «Австрия будет и в дальнейшем руководствоваться принципом соблюдения постоянного нейтралитета и вытекающими из него обязательствами» [22, s. 173–175].

И. Клаус и его единомышленники в оценке сущности политики мирного сосуществования солидаризировались с широко распространенным на Западе в те годы мнением на этот счет [Там же, s. 173–175].

На парламентских выборах 1966 г. выявились важные сдвиги в предпочтениях избирателей. АНП получила 85 мандатов, т.е. абсолютное большинство (соцпартия – 74, Австрийская партия свободы – 6). Получив 48,3% голосов избирателей и 85 мандатов в Национальном совете, АНП сформировала однопартийное правительство [28, s. 297–298].

В неудаче СПА большую роль, несомненно, сыграл «казус Оль». Бывший президент Австрийского объединения профсоюзов, впоследствии министр внутренних дел и второй председатель парламента, был вынужден в 1964 г. выйти из СПА из-за злоупотреблений профсоюзными деньгами. Он организовал недолго просуществовавшую Демократическую прогрессивную партию, которая в 1966 г. получила те три процента избирателей, что были потеряны СПА [4, с. 435].

Накануне 1966 г., на последней стадии существования коалиционного правительства, между обеими большими партиями возник конфликт, оказавшийся непреодолимым, – «казус Габсбурга». Отто Габсбург-Лотарингский, сын последнего императора Карла, до начала шестидесятих годов, как и вся его семья, считал законными свои права на престол; в таком случае должно было сохранять силу принятое в 1919 г. решение об их изгнании из страны «в интересах безопасности Республики». Отто, его мать и брат с сестрой не имели права приезжать в Австрию.

В шестидесятих годах обстоятельства изменились, потому что Отто Габсбург-Лотарингский решил сделать требуемое законом заявление об отречении от престола. Одной из причин такой перемены стратегии стала его деятельность в качестве президента Панъевропейского союза, требовавшая большей свободы передвижения, в т.ч. и для пропагандистской деятельности в Австрии.

АНП принципиально заняла положительную позицию, в то время как «в СПА всплыли старые страхи перед Габсбургами и вражда к ним. Социалисты настаивали на том, что визит Отто опасен для внутреннего спокойствия в стране». Тем не менее, заявление об отречении было сделано

и вступило в силу, и приезде Габсбурга больше ничто не препятствовало. Позднее Бруно Крайский разрешил приехать в Австрию бывшей императрице Ците, которая решительно отказывалась заявить об отказе от прав на престол [4, с. 436].

Австрийская народная партия могла и продолжить существование «большой коалиции», но все-таки решила создать однопартийное правительство во главе с Йозефом Клаусом. Социалистическая партия стала пугать опасностью повторения тенденции развития Первой республики, ведь большинство политиков АНП старшего поколения, как и новый федеральный канцлер, были в свое время связаны с австрофашизмом [Там же, с. 436].

Программное заявление однопартийного правительства АНП не отличалось значительно от программы «Большой коалиции». Однако вскоре установление единоличной власти АНП сказалось на внешней политике Австрии. Новое руководство заявило, что толкование международных обязательств, вытекающих из конституционного закона о постоянном нейтралитете, является исключительно компетенцией австрийского правительства [23, с. 101].

Что касается Государственного договора, в котором зафиксированы определенные международные обязательства, в первую очередь запрещение в любой форме аншлюса, то он вообще не был упомянут в правительственном заявлении [Там же, с. 101–104].

Для руководства АНП было характерно тогда стремление уйти от понятия сущности нейтралитета, навязываемого извне. Оно ограничивало его только нейтралитетом военным. «Мы приняли решение о нейтралитете по собственному усмотрению. Поэтому мы оставляем за собой право в любое время давать ему свою собственную интерпретацию», – говорил председатель АНП И. Клаус [14, с. 130]. И с этим утверждением отчасти нельзя было не согласиться.

В те годы руководство АНП высказывалось за участие Австрии в международной жизни, за развитие сотрудничества с Советским Союзом.

На парламентских выборах в 1969 г. АНП потерпела поражение, собрав только 44,7% голосов избирателей, и уступила власть Социалистической партии Австрии [28, с. 297–298]. Однако было бы ошибочно считать, что, став оппозиционной партией, АНП полностью утратила свои былые позиции в политической жизни страны. Она по-прежнему оставалась влиятельнейшей партией Австрии, с мнением которой по внешнеполитическим вопросам считалась СПА.

Второй этап в австрийско-советских отношениях относится к 1970–1982 гг. и связан с однопартийным правлением Социалистической партии Австрии.

На парламентских выборах 1970 г. Социалистическая партия Австрии (СПА) выиграла семь новых мандатов и стала сильнейшей фракцией в парламенте (81 мандат получила СПА, 79 – АНП и 5 – АПС). Крайский, имея поддержку в некоторых вопросах со стороны Австрийской партии свободы, рискнул сформировать правительство меньшинства. Когда результаты местных выборов подтвердили тенденцию роста влияния СПА, были объявлены новые выборы, во время которых впервые следовало избрать 183 депутата вместо прежних 165. Получив 93 мандата (АНП – 80, АПС – 10), СПА добилась абсолютного большинства и сохранила его в течение 13 лет – до 1983 г. [4, с. 438].

Социалистическая партия Австрии является преемницей Социал-демократической партии, основанной еще в 1889 г. Как политическое течение австрийская социал-демократия была разгромлена в годы второй мировой войны. После войны вес и авторитет этой партии росли; СПА много лет входила в правящую коалицию Австрии.

К началу 1970-х гг. СПА насчитывала около 700 тыс. членов. К СПА примыкало около 35 организаций и фракций. Особенно тесны были отношения партии социалистов с Объединением австрийских профсоюзов (ОАП), насчитывающим более 1,6 млн. чел. На 1970 г. 75% состава ОАП представляла СПА и лишь 17% – АНП [25, с. 42].

Линия Социалистической партии Австрии по актуальным проблемам международных отношений определялась ее съездами [11; 12]. Большое влияние на выработку внешнеполитического курса СПА оказывал ее председатель Б. Крайский; он же – Федеральный канцлер Австрии.

Формирование и проведение внешней политики во многом зависит от личности канцлера, его профессиональной подготовленности и интереса к международным делам. Б. Крайский, возглавлявший австрийское правительство с 1970 по 1983 гг., оказывал решающее влияние на внешнюю политику Австрии и пользовался большим авторитетом не только в стране, но и за рубежом. Политика активного нейтралитета, которую в 1970-е и начале 1980-х гг. проводило австрийское правительство во главе с Б. Крайским, снискала стране признание и уважение международного сообщества.

Возвращаясь к характеристике внешнеполитических позиций СПА и ее лидера Б. Крайского, важно подчеркнуть, что в основе этой позиции лежал тезис об идеологической и политической принадлежности Австрии к западному миру, об «исторической приверженности к Западу».

В правительственном заявлении Крайского в 1971 г. были намечены основные задачи внешней политики нейтральной Австрии, идущей в русле мирного сосуществования. «Австрийское правительство будет

стремиться продолжать сотрудничество со всеми государствами, независимо от их общественно-политического строя, и развивать дружеские отношения со всеми народами» [11, s. 170]. Этому реалистическому курсу, сформулированному еще в конце 1950-х гг., Крайский оставался верен всегда.

Б. Крайский всегда считал, что мирное сосуществование отнюдь не означает мирного сосуществования идеологий. На XXIII съезде СПА в марте 1976 г. он отметил, что сосуществование между государствами «вовсе не распространяется на идеологическую сферу» [19, s. 567]. В том же году Крайский в одном из интервью заявил, что «об идеологическом сосуществовании не может быть и речи» [10].

«Разделяя идею мирного сосуществования, не исключающего противоречий различных социально-экономических систем, Крайский призывал к честному соревнованию, на пути которого, по его мнению, Запад имеет громадные шансы», – пишет исследовательница О. Михасюк [7, с. 40]. Б. Крайский, как один из первых европейских политиков послевоенного времени, не только принял идею сосуществования, но и выступил с предложением ее конструктивного развития.

Б. Крайский много места в своих выступлениях отводил австрийско-советским отношениям. «Если говорить о наших отношениях с Советским Союзом за последние 20 лет, то есть со времени подписания Государственного договора, они развиваются в желаемом направлении» [9], – отмечал он во время визита в СССР в мае-июне 1974 г.

С точки зрения Крайского, сотрудничество малых стран с великими державами чрезвычайно важно для разрядки напряженности; налицо и взаимная выгода всестороннего экономического сотрудничества. Крайский делал реалистический вывод: австрийская внешняя политика должна строиться на основе мира и дружбы со всеми странами без различия их политических систем.

Помимо почти обязательного для его речей исторического сравнения международного положения Первой и Второй австрийских республик и развернутого тезиса об исключительном для судеб разрядки значения Государственного договора, Крайский всегда выдвигал ряд предложений, направленных на углубление и расширение взаимовыгодного австрийско-советского сотрудничества.

В Австрии в 1979 г., как раз в период начавшегося осложнения международных отношений, состоялись выборы в Национальное собрание. Социалистическая партия, победив на выборах, создала однопартийное правительство, которое вновь возглавил Б. Крайский. И очень примечательно, что в заявлении нового правительства СПА в парламенте страны

особо подчеркивалась приверженность Австрии идеям разрядки, политике постоянного нейтралитета, мирного сосуществования [24, s. 132–135].

Очередные парламентские выборы в Австрии состоялись в апреле 1983 г. Эти выборы внесли существенные изменения в расстановку политических сил в стране. Социалистическая партия получила 90 мандатов в парламенте, народная партия – 81 мандат, партия свободы – 12 мандатов [15]. Таким образом, СПА осталась сильнейшей парламентской партией. Однако сам Крайский охарактеризовал итоги выборов как поражение партии и заявил об уходе с поста главы правительства.

После окончания «холодной войны» навсегда ушло в прошлое идеологическое противостояние в международных отношениях. Однако, к сожалению, на смену этому противостоянию пришло другое. Сегодня Европа разделена другими – не менее глубокими противоречиями – экономическими, этническими, религиозными и т.п. Вновь необходимы политическая воля и искренние стремления европейских государственных и политических деятелей устранить все препятствия на пути создания объединенной Европы. И здесь очень кстати было бы обратиться к суждениям и опыту практической деятельности Б. Крайского.

Третий этап в австрийско-советских отношениях охватывает 1983–1991 гг.; это время «малой» и «большой» коалиций в правлении Австрии.

С потерей абсолютного большинства на парламентских выборах 1983 г. об однопартийном правительстве социалистической партии уже не было и речи. Преемник Крайского – Фред Зиновац – заключил соглашение о коалиции с Австрийской партией свободы, пошедшей под руководством Норберта Штегера либеральным курсом. «Младшему партнеру» были отданы четыре министерских портфеля: вице-канцлера, юстиции, обороны и торговли.

АПС была создана на базе распавшегося в 1955 г. «Союза независимых», включавшего немало бывших нацистов и судетских немцев.

В книге «Демократия и конституция в Австрии», вышедшей в Вене в 1971 г., дается характеристика избирателей АПС на начало 1970-х гг. Кто голосовал за АПС на выборах? Лица «свободных профессий и предпринимателей» – 7% от общего числа избирателей АПС, служащие – 26%, рабочие – 17%, крестьяне – 15%, пенсионеры и домохозяйки – 35%. [13, s. 299].

В партии, насчитывающей около 30 тыс. членов, было немало сторонников пангерманизма. Австрийские коммунисты считали, что АПС нельзя сегодня классифицировать как немецко-националистскую партию. Однако в ней, подчеркивают коммунисты, по-прежнему существует довольно большое немецко-националистское крыло [30, s. 346].

В апреле 1968 г. IX съезд АПС принял Программу партии, в которой отрицалось существование самостоятельной австрийской нации. Центральный печатный орган АПС газета «Neue Front» писала в июне 1969 г.: «Принадлежность к германскому народу – не поворот назад, а устремление в будущее. Перед австрийским государством, как свободной частью германского отечества, стоит задача: с созданием своей культуры усилить борьбу за интересы германского народа» [20].

Характеризуя АПС, Б. Крайский в одном из интервью отмечал, что это весьма неоднородная политическая партия. С одной стороны, в ней существуют подлинно либеральные тенденции, подчеркивал Б. Крайский, с другой – там имеются люди с очень реакционными взглядами [21].

В 1970 г. на X съезде АПС высказалась за нейтралитет Австрии, но только в военной области.

В сентябре 1986 г. состоялся очередной съезд АПС, на котором «националистическое» крыло в партии взяло верх, избрав своего представителя Й. Хайдера руководителем партии. Победа в АПС крайне правой группировки создала новую политическую ситуацию.

После съезда Федеральный канцлер Ф. Враницкий, заменивший на этом посту и на посту Председателя СПА Ф. Зиноваца, заявил, что новый председатель АПС «не может гарантировать преемственность федерального курса», который проводил его предшественник на посту лидера партии [16].

Враницкий разорвал коалицию с АПС и попытался политически изолировать Хайдера. Однако новые выборы имели негативные результаты для СПА, потерявшей еще четыре мандата (СПА – 81, АНП – 78, АПС – 16, «зеленые» – 8). Значительный успех Австрийской партии свободы затмил имевший немалое значение для Австрии приход в парламент «зеленых» [4, с. 446–447].

Выборы в парламент Австрии в 1986 г. принесли изменения в политическую расстановку сил. Они подтвердили очевидный факт: стабильная система «двух с половиной партий» ушла в прошлое. Впервые в парламент попали представители «зеленых», за которых проголосовала четверть миллиона избирателей.

С 12 до 18 человек увеличила свою фракцию Партия свободы. Ее депутаты заняли места на крайне правом фланге политического спектра. Неофашистские группировки в стране заявили о своей поддержке Хайдера, который в ходе предвыборных митингов не скупился на националистические выпады. Зарубежная пресса писала о том, что «коричневые тени над Австрией вновь становятся длиннее». Риторика лидера АПС сумела отвлечь часть избирателей от двух крупнейших партий [17]. Компартия

расценила этот успех АПС как «проявление сдвига вправо в стране», но предостерегла от того, чтобы считать правыми тех, кто голосовал за АПС, оказавшись обманутыми ее политической и социальной демагогией [29].

Социалистическая партия Австрии сохранила относительное большинство в парламенте, но расстановка сил в парламенте не оставляла социалистам иного выбора, кроме возвращения к «большой коалиции», хотя это и противоречило новым тенденциям политической культуры, растущей мобильности электоральных предпочтений населения страны, его готовности принять новые партийно-политические комбинации.

16 июня 1986 г. был приведен к присяге «новый двухпартийный кабинет» СПА и АНП, который возглавил представитель СПА Австрии Ф. Враницкий.

Приходится отметить, что ни Ф. Зиновац, ни Ф. Враницкий, сменившие Б. Крайского на посту федерального канцлера, не обладали таким широким политическим кругозором и международным авторитетом, как их предшественник. Отсутствие у обоих большого опыта в вопросах внешней политики и те проблемы внутри страны, с которыми они столкнулись, возглавляя коалиционные правительства, не могли не повлиять на активность австрийской внешней политики.

В новом коалиционном правительстве один из самых важных постов – министра иностранных дел – был отдан председателю АНП А. Моку, деятелю правого консервативного толка, предпринимавшему попытки проводить свою независимую линию в австрийской внешней политике.

В федеральном правительстве канцлер Австрии при разработке и принятии внешнеполитических решений сотрудничает, прежде всего, с министром иностранных дел, поскольку его министерство занимает доминирующее место в сфере внешних отношений. Наиболее важные внешнеполитические вопросы рассматриваются на заседаниях правительственного кабинета и после их обсуждений принимаются соответствующие решения.

С приходом АНП в правительство в ее политических установках практически ничего не изменилось. Эта партия, как уже отмечалось, не раз заявляла, что стоит за соблюдение Государственного договора и проведение Австрией политики постоянного нейтралитета, сохранение добрососедских австрийско-советских отношений. Вместе с тем многие деятели АНП трактовали нейтралитет только в военном аспекте, выступали за более тесные политические и экономические связи с ФРГ и другими странами Запада.

В целом, характеризуя позиции политических партий Австрии по вопросам проведения политики постоянного нейтралитета, развития

австрийско-советских отношений, следует отметить сходность этих позиций. Политика постоянного нейтралитета (имеется в виду ее существо, а не конкретные направления) оставалась вне партийных споров и дискуссий. Оставались сходными позиции политических партий Австрии, представленных в парламенте страны, по вопросам развития австрийско-советских отношений – все они придерживались курса на добрососедство, при имеющихся, конечно, различиях в методах и средствах проведения этого курса.

При этом нельзя не заметить, что парламентские партии страны – СПА, АНП и АПС, – выступая за межгосударственное сотрудничество с СССР, категорически были против «идеологического нейтралитета». Согласно их концепции, постоянный нейтралитет возлагает обязанности на государство, а не на его граждан. «Идеологического нейтралитета», как утверждали в Австрии, не может быть. Изо дня в день средствами массовой информации пропагандировалась идея об «идеологическом единстве» Австрии с Западом.

Жестко освещали некоторые австрийские средства информации внешнюю политику социалистических стран и, прежде всего, СССР. Тема антикоммунизма присутствовала на страницах австрийской печати, в программах радио и телевидения высмеивались «достижения реального социализма».

В Советском Союзе болезненно реагировали на критику в свой адрес, исходящую из дружественной Австрии. Там подчеркивали, что курс на добрососедство и сотрудничество с Советским Союзом приобретает реальный и долговременный характер не только в том случае, когда он находит отражение в действиях правительства Австрии, но и когда укрепляется в сознании людей, в общественном мнении.

В СССР считали, что укреплению внешнеполитических позиций Австрии, повышению эффективности ее нейтрального курса должен служить отказ влиятельных австрийских кругов от участия в организуемых западными странами пропагандистских акциях, которые являлись, по его мнению, не столько проявлением идеологической борьбы, сколько вариациями «психологической войны».

С распадом СССР, с образованием новой Российской Федерации и взятием ею курса на развитие демократических ценностей, эта проблема в наших отношениях с Австрией исчезла сама собой.

Очередные выборы в Национальный совет Австрии состоялись в октябре 1990 г. На них с небольшим отрывом от соперников победила СПА. АНП добилась самых низких результатов с 1945 г. – 32%, в то время как доля голосов, поданных за АПС, возросла до 17%.

Большая коалиция во главе с Враницким продолжила свою работу. С объединением Германии в 1990 г. Австрия стала подвергать ревизии политику нейтралитета, внося поправки к Государственному договору, которые позволяли развивать сотрудничество с германскими вооруженными силами. Австрия была единственным нейтральным государством, разрешившим пролет над своей территорией самолетов НАТО во время войны в Персидском заливе.

В этот период, как известно, СССР столкнулся с большими внутренними проблемами, которые так и не мог решить, что привело, в конечном счете, к его распаду. Время плодотворного и всеобъемлющего сотрудничества Австрии с СССР закончилось.

Библиографический список

1. Австрийская Республика. Конституция и законодательные акты. М., 1985.
2. Величко О.И. Социальная доктрина католицизма и рабочий класс Австрии. М., 1978.
3. Ельянова Е.Р. Общественно-политические взгляды Бруно Крайского: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.
4. Воцелка К. История Австрии. Культура, общество, политика. М., 2007.
5. Кожемяков А.С. Структура и механизм взаимосвязи внутренней и внешней политики государства // Взаимосвязь и взаимовлияние внутренней и внешней политики. М., 1982.
6. Лейбо Ю.И. Внешнеполитический механизм буржуазных стран Центральной Европы: Австрия, ФРГ, Швейцария. М., 1984.
7. Михасюк О.Н. Внешняя политика нейтральной Австрии и актуальные проблемы европейских и международных отношений (1970–1983 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.
8. Мури Ф. Демократическая и социалистическая альтернатива для Австрии // Проблемы мира и социализма. 1974. № 4.
9. Правда. 1974. 29 мая.
10. Arbeiterzeitung. 6.12.1976.
11. Das Neue Programm der SPÖ, beschlossen vom ausserordentlichen Parteitag in Wien am 14. Mai 1958 // Österreichische Sozialdemokratie im Spiegel ihrer Programm. Wien, 1971.
12. Das Neue Programm der SPÖ, beschlossen vom ausserordentlichen Parteitag in Wien am 20. Mai 1978 // Arbeiterzeitung. 21.05.1978.
13. Demokratie und Verfassung in Osterreich. Wien, 1971.
14. Der Spiegel. 1967. № 18.
15. Die Presse. 1983. 27 April.
16. Die Presse. 1986. 15, 16, 17 September.
17. Die Presse. 1986. 24 Nowember.
18. Klaus J. Macht und Ohnmacht in Osterreich. Wien, Munchen, Zürich, 1971.
19. Kreisky B. Reden. Bd. 2. Wien, 1980.
20. Neue Front. 1969. 26 Juni.
21. Neue Zeit. 1977. 13 Jänner.

22. Österreichische Zeitschrift für Außenpolitik. 1964. № 2/3.
23. Österreichische Zeitschrift für Außenpolitik. 1966. № 2.
24. Österreichische Zeitschrift für Außenpolitik. 1979. № 2.
25. Pelinka A. Struktur und Funktion der politischen Parteien // Das politische System Österreichs. Wien, 1977.
26. Raab J. Selbstporträt eines Politikers. Wien, Köln, Stuttgart, Zürich, 1964.
27. Reichhold L. Geschichte der OVP. Graz, Wien, 1975.
28. Vodopivec A. Die Dritte Republik: Machtstruktur in Österreich. Wien, 1977.
29. Volksstimme. 1986. 25 November.
30. Weg und Ziel. 1982. № 10.

В.И. Козловская

Геополитический подход и его роль в изучении всеобщей истории*

Геополитический подход, включающий в себя геоэкономический и этногеополитический компоненты, играет важную роль в изучении всеобщей истории (в т.ч. и античной). Еще более раздвинутыми могут оказаться научные горизонты при попытке совместить столь комплексно трактуемый геополитический подход с хронополитическим, ибо очевидно, что исторические судьбы человеческих сообществ определяются еще и особенностями их пространственно-временного континуума.

Ключевые слова: геополитический подход, геополитика, географический детерминизм, геоэкономический подход, государствоцентризм, этногеополитический подход, этногеоцентризм, хронополитический подход, цивилизация, аккультурация, интеграция, международный актор.

В 1960–1970-х гг., когда отечественные специалисты в области исторической науки впервые обратились к геополитике как к научной теории [3; 4, с. 193–213; 9, с. 326–376; 10, с. 66; 11, с. 45–51; 16, с. 257–258; 19; 20], они увязывали ее с политикой экспансионизма и оправдывавшей ее идео-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (исследовательский проект № 08-01-00080а).

логией [8]. Только с начала 1990-х гг. геополитика стала использоваться как ключ к пониманию основных закономерностей, тенденций, факторов политических (в т.ч. международных) перемен, а нередко и как инструмент для раскрытия первопричин соответствующих событий, сокрытых в таинственной первооснове мира. В результате возникла концепция контролируемого пространства как основы мирового порядка. Однако ограниченность потенциала географического детерминизма как основы отечественной геополитики, в изучении вопросов внешней и международной политики и, особенно, для обоснования ее идеологической мотивации потребовала совершенствования этого инструментария, приведшего к оформлению в исторической науке современного варианта геополитического подхода. Остановимся на кратком анализе его потенциала с особым вниманием к возможностям его применения в изучении вопросов международных отношений в разные периоды всеобщей истории.

Описываемый в геополитических терминах исторический процесс выявляет ряд имманентно присущих ему принципиальных структурных и фундаментальных политических констант: во-первых, противостояние Запада и Востока как двух противоположных цивилизационных начал, во-вторых, необходимость укрепления мощи государства как гаранта существования его общества в борьбе с враждебными внешними силами и т.д. При этом государство изучается как территориальный, пространственный феномен, а в основе политического процесса находится постулат о важности контроля государства над пространством, поскольку расширение территориального контроля якобы способствует росту военного, экономического, демографического и иного ресурсного потенциала государства [18, с. 201–202].

Таким образом мощь государства непосредственным образом связывается с размером и характером его территории, а климат, ландшафт, почвы, геология, особенности транспортных коммуникаций и, главное, его пространственное местоположение определяют цели внешней политики и возможности их осуществления. Поэтому геостратегия государства понимается всецело в терминах завоевания, прямого контроля (военного, политического и т.д.) над соответствующими территориями, наиболее адекватная тому иллюстрация – особенности жесткого противостояния двух мировых систем эпохи «холодной войны» XX в.

Как видим, в отечественной науке рубежа XX–XXI столетий геополитика определялась в рамках теории географического детерминизма, являвшейся особенно популярной в конце XIX в., а префикс «гео-» ориентировал всего лишь на изучение географического, пространственно-территориального фактора характеристики поведения государства на международной

арене и, говоря широко, в истории вообще. Индивид как феномен рассматривался как человек пространственный, по характеру деятельности предопределяемый пространством, сформированный такими специфическими качествами пространства, как рельеф, ландшафт и т.п. [6]. Основным же геополитическим актором и, следовательно, единицей анализа являлись государства, этносы, культуры, цивилизации. Считалось, что, чтобы увидеть зависимость человека от ландшафта и иных детерминант, следовало дистанцироваться от конкретного индивида и, напротив, обратить внимание на сообщества, человеческие агломерации и т.д.

Еще и сегодня, по прошествии значительного времени после завершения эпохи «холодной войны», видимо, по инерции продолжает считаться, что конфигурация системы международных отношений во всеобщей истории определяется неким фундаментальным дуализмом, противостоянием отличных друг от друга сил, а само противостояние обусловлено геополитикой. Эти силы, как и прежде, локализуются по географическому принципу – это теллуократии и талассократии, сухопутные и морские державы. Сухопутное могущество связывается с фактором фиксированности пространства и стабильности его качественных параметров. В цивилизационном плане это якобы находит выражение в склонности к оседлости, консерватизму, незыблемости норм и традиций, коллективизму и иерархичности. «Морское могущество», в свою очередь, – это адаптивность, динамизм, инновационность, а приоритетами являются мореплавание, торговля, индивидуализм и автаркия, предприимчивость и предпринимательство [4, с. 13; 13, с. 402–403].

В 2000-х гг. в использовании геополитического подхода становится все более очевидной эффективность, по крайней мере, двух следующих методологических принципов.

1. Следует исходить не столько из принципа территории, сколько из диверсификации интересов государств, с одной стороны, и негосударственных и надгосударственных акторов мировой политики (например, транснациональных корпораций, надгосударственных образований и т.д.) – с другой.

2. Геополитика, как следствие, должна отказаться от классического варианта географического детерминизма и от чисто количественного и описательного способа осмысления реальности.

Важно принимать во внимание также роль экономического фактора и учитывать его воздействие не только на экономические процессы, но и на неэкономические. Можно констатировать, что в современной российской науке экономические конфликты вообще стали выдвигаться на первое место в определении сферы фундаментальных противоречий.

Так возрастает роль «реал-политики» [7, с. 28–29], когда экономические действия государств объявляются основой для достижения ими собственных политических интересов. Все более однозначно признается влияние военно-политических и технологических достижений, демографического фактора, причем не просто с точки зрения количества, численности, темпов роста населения, а с учетом культурно-образовательного и физического качества этих параметров, адаптации человеческого ресурса к «высокой» динамике экономических, социальных, политических процессов [17]. Как говорил еще в 1990-х гг. К.С. Гаджиев, известный специалист по геополитике, «гео-» сегодня – это «всепланетарность масштабов, параметров, измерений, с одной стороны, и большое влияние экономики на эволюцию геополитической ситуации, с другой» [2].

Итак, смысл современной геоэкономики – показать чрезвычайный рост влияния мировой экономики на участников системы международных отношений, которая уверенно теснит государство (субъект № 1 эпохи «холодной войны») с его ведущей ролью на международной арене; сегодня в мировой политике и международных отношениях отдаются приоритеты такому международному актору, как транснациональные корпорации.

Эта методологическая метаморфоза не проходит незамеченной отечественными специалистами по всеобщей истории, в том числе и такими, казалось бы, «отстраненными» от современности, как антиковеды. В российской науке об античности 2000-х гг. растет число исследований, посвященных различным аспектам международной торгово-экономической деятельности народов Средиземноморья и их континентальных союзников. Изучаются транспортные средства и их технические возможности, торговые пути и их комбинации (например, по типу: морской – речной – сухопутный), взаимодействие участников многоступенчатой и сложно организованной торговли, ее принципы, характер и механизмы. Особое внимание уделяется не столько фактам противостояния и открытого противодействия в области мировой экономики, как это было во второй половине XX в., сколько вопросам экономического сотрудничества и партнерства. Средиземноморье воспринимается как целостный культурно-исторический комплекс; как его органическая часть изучается Черноморье с таким его специфическим «анклавом», каким являлось Приазовье.

Геоэкономический принцип, как более объединяющий, нежели разъединяющий, представляется мне (специалисту, в первую очередь, по истории туземных, а не античных обществ Западного Средиземноморья) вполне работающим. С его помощью находит вполне адекватное объяснение регистрируемой современной археологией факт сосуществования на едином пространстве не столько оппозиционных пар в строгом смысле

слова (например, типа: греки – иберы), сколько представителей гораздо большего числа общностей. В частности, современная археология регистрирует в единых, с хронологической точки зрения, культурных слоях таких удаленных друг от друга западсредиземноморских центров, как Уэльва, Ампуриас, Кадис, Марсель и др., вариант соотношения керамики и иных артефактов (произведенных либо привезенных греками, этрусками, пунийцами, иберами, кельтами в одни и те же порты, в одно и то же время и порой даже на одних и тех же транспортных средствах), который вполне логично подводит к выводу о мирном взаимодействии их производителей и/или поставщиков.

Таким образом, с введением в научный оборот геоэкономического компонента геополитического подхода при изучении всемирной истории становится все более уязвимой первооснова рассматриваемого нами подхода – принцип государствоцентризма, то есть признания государства как фактически единственного актора международных отношений, поскольку даже в древний отрезок времени в международной жизни, наряду с государствами, участвовали и другие субъекты. Напомним, что ими рано (еще в эпоху архаики) стали храмовые общины и другие ассоциации (например, торговцев или ремесленников), а в период расцвета античной эпохи – еще и надгосударственные союзы типа Делосского и Пелопоннесского в «сердце» Греции, Сиракузского или Панионийского на ее периферии. Аналогичная ситуация имела место и на Древнем Востоке. Эти международные акторы, во-первых, имели негосударственные и надгосударственные властные структуры и казну, во-вторых, выступали от имени членов своих объединений и, в-третьих, этими характеристиками отличались от федеративных по своему устройству образований. Классическим примером может служить I Афинский морской союз, сложившийся, как известно, в V в. до н.э. для отражения персидского нашествия и члены которого на международной арене действовали сообща, принимая решения путем совместного голосования союзников, как это делалось ими в рамках каждого отдельно взятого союзного полиса. Древнейший Рим явился создателем Римско-Италийского союза подобного же типа, успешно существовавшего, кстати сказать, весьма продолжительное время.

Как видим, принцип государствоцентризма предполагает неоправданно скромный интерес к негосударственным акторам (фирмам, корпорациям, ассоциациям, храмам, банкам), обнаруживает дефицит внимания к геоэкономике, к идее увязки геополитики с этногеополитикой. На этой последней пришло время остановиться специальным образом.

Современной исторической науке очевидно, что проблема границ должна рассматриваться не столько в территориально-политическом,

межгосударственном аспекте (они не всегда совпадают с границами этносов), сколько в русле духовно-этической совместимости этносов и их комплементарности, то есть потребности ужиться друг с другом по принципу взаимодополняемости. Методологически важно стремиться объединять то, что взаимодополняемо или потенциально совместимо, а также то, что соотносится и коррелирует. «Пионером» такого подхода, как говорят П.А. и А.П. Цыганковы, можно считать Ю. Бородая, который пишет: «Национальные границы призваны разъединять искрящиеся контакты, объединяя то, что совместимо, – хотя бы в обозримой перспективе. В этом суть этногеополитического» [1, с.131–132; 16, с. 291].

Так в геополитическом подходе выделяется еще один его параметр, который определяется как этногеополитический. С учетом его возможностей «этнический субъект» может быть охарактеризован не просто сквозь призму единства занимаемой им территории, а и с точки зрения его целенаправленности, мотивированности, структурированности, согласованности, интегративности, результативности в рамках пространственно-временного пребывания. Интегрирующим фактором в этническом коллективном взаимодействии выступает социальная ориентированность этнического субъекта [15, с. 11]. Итак, сущностью этногеополитики является не столько государствоцентризм, сколько этногеоцентризм.

В свете этногеополитического подхода следует иметь в виду, что, как и для сторонников цивилизационного подхода, этнос – это не субъект политики, а тип человека – создателя и носителя определенной культуры, в то время как его основным критерием выступает идентичность [5, с. 309; 11, с. 11; 14, с. 92–93], возникающая во взаимодействии множества акторов – элит, бюрократии, общества. Идентичность, с точки зрения ее структуры, – это в первую очередь совокупность следующих компонентов:

- культурная самоидентификация, или набор данных, который воспринимается как признак нации;
- особенности языка, выполняющего коммуникативные функции;
- политико-конституционный статус региона до и после его включения в состав национального государства;
- относительный экономический потенциал и автономный характер его развития [13, с. 236].

С учетом названных характеристик можно констатировать, что проблема идентичности в международных отношениях, как и в исторической науке в целом, не принадлежит к числу легко решаемых. Ее исследование требует одновременного внимания к таким, на первый взгляд, отдаленным от нее параметрам, как конфессиональный, гендерный, социально-

профессиональный и др. Трудно обойтись и без привлечения возможностей факторного анализа.

Подводя итоги нашего тезисного анализа возможностей современного варианта геополитического подхода в изучении всеобщей истории, включающего в себя, как мы старались обозначить, по крайней мере, геоэкономический и этногеополитический компоненты, следует сказать, что важность его роли трудно недооценить. Его использование открывает новые теоретико-методологические и конкретно-исторические горизонты в исследовании даже такой отдаленной исторической эпохи, как античность.

В заключение отметим, что еще более раздвинутыми окажутся научные горизонты истории при попытке совместить геополитический подход с хронополитическим, ибо очевидно, что исторические судьбы человеческих сообществ определяются еще и особенностями их пространственно-временного континуума. Чем более медленную временную ритмику избирает сообщество, тем вероятнее сужение его традиционного пространства как следствия вторжения на его территорию более динамичных групп. Однако комплексное использование этих двух подходов требует самостоятельного внимания.

Библиографический список

- 1.Бородай Ю. Пути становления национального единства // Наш современник. 1995. № 1.
- 2.Гаджиев К.С. Геополитика: история и современное содержание дисциплины // Полис. 1995. № 4.
- 3.Дугин А.И. Геополитика. М., 1997.
- 4.Дугин А.И. Основы геополитики. М., 1998.
- 5.Залевски М., Энло С. Вопросы идентичности в международных отношениях // Теория международных отношений на рубеже столетий. М., 2002.
- 6.Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М., 2001.
- 7.Лебедева М.М. Мировая политика. М., 2009.
- 8.Лукин В.П. «Центры сил»: концепция и реальность. М., 1983.
- 9.Панарин А.С. Восстановление прерогатив континента как программа будущего // Панарин А.С. Политология. М., 2000.
10. Панарин А.С. Евразийский проект в миросистемном контексте // Восток. 1995. № 2.
11. Панарин А.С. Онтология террора // Геополитика террора. М., 2002.
12. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М., 2002.
13. Петрелла Р. Националистические и региональные движения в Западной Европе // Этнос и геополитика. М., 2002.
14. Пивоваров Ю.С. Историсофия или антропология? // Глобализация. Конфликт или диалог цивилизаций? М., 2002.
15. Платонов Ю.П. Этнический фактор. Геополитика и психология. СПб., 2002.

16. Российская наука международных отношений: новые направления / Под ред. П.А. Цыганкова, А.П. Цыганкова. М., 2005.
17. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 4.
18. Цыганков П.А. Теория международных отношений. М., 2009.
19. Шахназаров Г. Грядущий миропорядок. М., 1981.
20. Шахназаров Г. С вождями и без них. М., 2000.
21. Шахназаров Г. Миропорядок цивилизаций? // Pro et Contra. 1998. № 3–4.

Л.А. Ломач

Этапы развития и противоречия мирового хозяйства

В статье кратко изложены основные этапы развития мирового хозяйства, их особенности и противоречия. Рассмотрены вопросы интернационализации и глобализации мирохозяйственных связей, господства транснациональных компаний, плюсы и минусы глобализации. Освещены причины нынешнего планетарного экономического кризиса, предложены пути выхода из кризиса для России.

Ключевые слова: мировое хозяйство, транснациональные корпорации, глобализация, регионализация, глобальные проблемы, мировой экономической кризис, реструктуризация экономики, инновации.

Мировое хозяйство (всемирное хозяйство, мировая экономика) – это совокупность национальных стран, объединенных международным разделением труда, торгово-производственными, финансовыми и научно-техническими связями. Это сложная система, включающая международную торговлю товарами и услугами, международное движение капитала, международную миграцию рабочей силы, международную торговлю знаниями (передачу технологий), международные валютно-расчетные отношения.

Современные национальные хозяйства многих стран взаимосвязаны не только международным разделением труда (в силу традиционных, экономических и природных предпосылок), но и гигантскими по своим масштабам производственно-сбытовыми структурами, глобальной

финансовой и информационной сетью. Усиливается мощь и влияние промышленных, транспортных, банковских и иных транснациональных корпораций (ТНК). К ним относятся крупнейшие американские, канадские, японские, а также западноевропейские корпорации. По данным ООН, в мире сейчас насчитывается более 80 тыс. ТНК, из них 450 – наиболее мощные, годовой оборот каждой из которых составляет свыше 1 млрд. долл., при этом каждая имеет филиалы более чем в 20 странах мира [2, с. 48]. В создании конечного продукта в форме промежуточных товаров, полуфабрикатов участвуют производители многих стран, т.е. производство становится интернациональным.

Возникновение мировой экономики как общепланетарной системы начинается в эпоху Великих географических открытий, создавших условия для перехода от региональных и континентальных экономических отношений ко всемирным. В XV–XVI вв. мировая торговля и мирохозяйственные связи стали приобретать новое качество. Географические открытия привели к ускоренному развитию международной торговли драгоценностями, пряностями, благородными металлами, рабами. Особое место в становлении межрегиональных и межконтинентальных связей сыграл морской транспорт. Сегодня 80% грузов в международном сообщении перевозится морским транспортом.

В XVI в. основные торговые пути стали смещаться из Средиземного моря в Индийский и Атлантический океаны. Одним из важнейших последствий развития морских сообщений стал колониализм. Уже тогда были заложены основы международного разделения труда общего типа: колонии занимались добычей сырья, производством сельхозпродукции, метрополии – переработкой и производством готовых изделий.

На рубеже XVIII–XIX вв. в результате машинного переворота (т.е. перехода от мануфактуры к капиталистической фабрике) западноевропейские страны безоговорочно доминировали в мире по производству промышленных товаров и в целом по готовой продукции, в то время как другие участники мирохозяйственных отношений выступали в роли поставщиков аграрно-сырьевых товаров.

На рубеже XIX–XX вв. в результате индустриализации транспорта возникают трансконтинентальные железнодорожные системы и трансокеанский пароходный транспорт. Происходит концентрация производства и капитала, возникают монополистические объединения и, как следствие, резкое увеличение объема вывоза капитала из ведущих стран. Это означало, что мирохозяйственные отношения охватили уже не только сферу обращения, но и сферу непосредственного производства. Более половины капиталовложений направлялось на развитие сырьевых отраслей

развивающихся стран, а средства для развития инфраструктуры финансисты вкладывали в страны с развитой экономикой.

Становление мирового хозяйства завершилось к началу XX в. По своей социально-экономической структуре оно не было однородным. Его ядро, состоявшее из государств монополистического капитализма, окружали страны, находящиеся на различных ступенях общественного развития: от феодальных до полукапиталистических и капиталистических. Надо отметить, что мировая система хозяйства формировалась в основном на однотипной частнокапиталистической собственности. Но это единство в начале XX в. было нарушено образованием СССР и во второй половине 40-х гг. – мировой системы социализма, базирующейся на общественной собственности на средства производства, землю и природные ресурсы.

Развитие мирового хозяйства XX в. можно разделить на 3 периода.

Первый период – 1920–30-е гг. – характеризовался кризисными явлениями: из мирохозяйственных связей выпала Россия, первая мировая война нарушила устойчивость экономических связей. Необычайно затяжной и глубокий экономический кризис перепроизводства товаров 1929–33 гг. охватил, начавшись в США, весь капиталистический мир. Снижение промышленного производства продолжалось в течение трех лет, затем наступила продолжительная депрессия. Кризис проявлялся и в сфере обращения – снижением цен. Однако в монополизированных отраслях степень снижения цен была не слишком значительной.

Второй период – конец 40-х – 80-е гг. – начался с резкого усиления экономической мощи США в годы Второй мировой войны. Далее последовал распад колониальных империй в середине 60-х гг. и образование большой группы развивающихся стран, национализировавших иностранную собственность, а также появление на мировой арене экономически сильных стран (Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Кувейт, Саудовская Аравия и пр.). В 50–80-е гг. происходит сближение уровня развития США и других промышленно развитых стран с наиболее мощной экономикой, выделяется группа стран «большой семерки»: США, Япония, Великобритания, Германия, Франция, Италия, Канада. Далее следует кризисная полоса 70–80-х гг., не нарушившая, однако, внешнеэкономических связей. Создаются институты глобального управления: ООН (Организация Объединенных Наций), ВТО (Всемирная Торговая Организация), МОТ (Международная организация труда), МАГАТЭ (Международное агентство по атомной энергии) и др.

Началом третьего периода в развитии мирового хозяйства можно считать два последних десятилетия XX в. В результате развала мировой системы социализма в восточно-европейских странах произошли

процессы формирования социально-экономических структур, близких к аналогичным структурам западных государств, т.е. перевод экономик на рыночные условия хозяйствования и более глубокую их интеграцию в мировое хозяйство. Международные экономические отношения трансформировались во всемирные, международный рынок – в глобальный.

В число субъектов мирового хозяйства входят национальные государства, международные экономические интеграционные группировки, транснациональные компании, международные экономические и финансовые организации, консорциумы и корпорации. Основным субъектом мирового хозяйства является государство. Его роль в экономике проявляется прежде всего в создании гарантированных рынков для предпринимателей и компаний внутри страны и за рубежом, в участии в накоплении капитала с целью создания наукоемких производств и конкурентоспособных товаров, регулировании внешнеэкономических связей в общенациональных интересах, т.е. проведении политики протекционизма.

Крупными игроками в мировом хозяйстве являются корпорации с международным участием. Международные корпорации представляют собой крупные объединения промышленных, торговых, транспортных, банковских компаний, деятельность которых выходит за пределы страны базирования и обеспечивает им благоприятные условия для производства, транспортировки, сбыта товаров и услуг. Обычно это акционерные компании с участием предпринимателей разных стран.

Возникновение международных корпораций связано с углублением международного разделения труда (МРТ), специализации и кооперирования производства. Участие предприятий и фирм в МРТ объективно приводит к переброске некоторых производств за рубеж, концентрации производства и капитала, росту объемов и масштабов производства. Крупные компании могут направить значительные средства на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), эффективную рекламу и побеждать конкурентов в результате острой борьбы на мировом рынке.

В экономической литературе выделяют три вида международных компаний: транснациональные корпорации (ТНК), многонациональные корпорации (МНК) и международные корпоративные союзы (МКС).

ТНК – крупные экономические компании, имеющие преимущественно однонациональный акционерный капитал и однонациональный контроль за его деятельностью. Работа за рубежом организуется через сеть филиалов и дочерних компаний, не имеющих хозяйственной и финансовой самостоятельности. К крупнейшим ТНК относятся такие компании, как американская нефтяная компания «Эксон» (действует более чем в 100 странах мира), «Интернешнл телефон энд телеграф» (ИТТ; имеет

более 300 филиалов в 70 странах), немецкий концерн «Маннесман» (действует в металлургической промышленности, в машиностроении, приборостроении, строительстве, торговле, финансах, объединяет более 150 компаний, из которых около 100 расположены за рубежом), швейцарская «Нестле» в пищевой промышленности и пр.

МНК – это корпорации, концерны, производственные единицы, тресты, которые являются международными потому, что контроль над ними осуществляет не одна страна. Так, нефтяная англо-голландская компания «Ройал Датч-Шелл» была создана с участием английских и голландских предпринимателей.

Международные корпоративные союзы (МКС) чаще всего создаются как специализированные объединения, обычно в виде консорциумов для решения крупных экономических задач с большими инвестициями в научные изыскания, производство, предоставление кредита. Иными словами, происходит образование международных корпоративных альянсов между ТНК. Их цель – развивать и продвигать на рынки новые технологии, используя сравнительные преимущества филиалов в разных странах. Подобные союзы стали своего рода адаптацией к усилению конкуренции на мировом рынке, поскольку дают возможность объединить усилия в технологической сфере, снизить риск при совместном инвестировании в крупные проекты.

Международные экономические организации являются особым субъектом мирового хозяйства. Это прежде всего крупные международные банковские и финансовые структуры, созданные на взносы стран-членов и пополняющие свои счета за счет хозяйственно-финансовой деятельности. В 1944 г. были созданы две международные финансовые организации: Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития (МБРР). В настоящее время в МВФ входят 182 государства. Его задачей является содействие сбалансированному росту мировой торговли, устойчивости валютных курсов, предоставления странам-членам кредитов. МБРР, первоначально созданный для финансирования послевоенного восстановления западноевропейских государств, предоставляет долгосрочные займы в целях стимулирования экономического развития.

Наиболее распространенной организационной формой транснационализации являются транснациональные корпорации (ТНК) – компании, капитал которых является национальным по принадлежности и международным по сфере деятельности. В настоящее время ТНК, занятые в производстве электроники и электрооборудования, имеют наибольшие зарубежные активы. Объединенный товарооборот их зарубежных филиалов составляет около 80% мировых продаж электроники (бытовая и промышленная электроника, средства телекоммуникаций, электрооборудования).

В последнее время на рынке капиталов становится заметнее роль ТНК из небольших стран (Бельгия, Нидерланды, Швеция, Финляндия и т.д.), т.к. ограниченные возможности национальных рынков заставляют их искать новые.

ТНК в соответствии с колебаниями спроса и предложения перемещают производство с фабрики на фабрику по всему миру, сводят к минимуму простой мощностей ТНК, продлевая жизнь своих изделий: сначала организуют их производство в чувствительном к моде богатом мире, а затем в менее богатых и развивающихся странах. ТНК делают мировую экономику интернациональной.

Транснационализация мировой экономики – это один из процессов, на основе которого возникла и развивается глобализация. Всемирная унификация стандартов жизни и бизнеса, стирание экономических границ создает тенденцию к образованию глобального экономического пространства. Глобально оперирующие фирмы узнаваемы в любой стране: «Макдоналдс», «Ситибанк», «Майкрософт», «Ланком» и т.д.

До последнего времени шел процесс «американизации», т.е. доминирование США в международных отношениях, экспансия их национальных интересов по всему земному шару, распространение американского образа жизни, господство доллара в качестве мировой расчетной и резервной валюты. Однако наряду с возвышением США укрепляются и другие центры мировой экономики, более того, появляются новые. Например, Китай, чья дешевая продукция заполнила рынки большинства стран мира (в т.ч. и развитых), Бразилия, Индия.

Противовесом стихийной глобализации является регионализация, т.е. экономическая интеграция стран-соседей в приоритетных для них областях. Этот процесс является осознанным и управляемым. Целые группы стран на основе взаимных интересов и соглашений объединяются в региональные международные комплексы в разных сферах общественной и хозяйственной жизни. Среди многочисленных интеграционных группировок можно выделить в Западной Европе ЕС (Европейское сообщество), в Северной Америке – НАФТА (Североамериканское соглашение о свободной торговле), в Азиатско-Тихоокеанском регионе – АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество), СНГ – Союз Независимых Государств (бывших республик СССР).

Исторически наиболее четко интеграционные процессы проявились в Западной Европе, где во второй половине XX столетия складывается единое хозяйственное пространство целого региона, в рамках которого формируются общие условия воспроизводства и создается механизм его регулирования: вначале таможенный союз, далее – формирование обще-

го рынка товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, и, наконец, переход к единой валюте – евро. Здесь интеграция достигла наиболее зрелых форм. В ЕС создана система органов надгосударственного управления: Совет ЕС, Комиссия ЕС, Европейский парламент, Европейская Система Центральных Банков, Европейский суд, Европейский социальный фонд, Европейский фонд регионального развития.

Однако ЕС – это не только региональный, но и глобальный хозяйствующий субъект. Десятки стран мира имеют различные экономические договоры с ЕС и пользуются теми или иными преимуществами и льготами в торговых, финансово-кредитных и иных экономических отношениях с этой интеграционной группировкой.

Как уже отмечалось, основная роль в глобализации предпринимательской деятельности принадлежит ТНК. К главным позитивным последствиям глобализационных процессов можно отнести следующие:

- 1) углубление специализации и международного (в т.ч. географического) разделения труда, снижающих затраты на производство определенных товаров и услуг и, следовательно, уменьшающих их стоимость;
- 2) усиление международной конкуренции стимулирует внедрение и распространение передовых технологий, поиск новых рынков, дешевой рабочей силы, регионов с более низким налогообложением;
- 3) мобилизация ТНК значительных объемов финансовых ресурсов позволяет направлять их в первую очередь на НИОКР, внедрение инноваций, привлекать высококвалифицированные научно-технические кадры, передавать технологию путем снабжения собственных аффилированных компаний документами из центра;
- 4) индустриализация развивающегося мира благодаря размещению в его странах современного производства, в первую очередь невысокой или средней технологической сложности;
- 5) сочетание высокоэффективных технологий, разрабатываемых в материнских компаниях, с дешевой (по сравнению с зарплатой головных компаний) и относительно квалифицированной рабочей силой дочерних и внучатых компаний;
- 6) увеличение масштабов международной миграции, использование выходцев из относительно бедных стран в качестве неквалифицированной и малооплачиваемой рабочей силы, что дает однако стране-экспортеру трудовых ресурсов дополнительный источник валютного дохода.

Объединение экономических и политических усилий мирового сообщества создает серьезную основу для решения сложных задач (глобальных проблем) XXI в., связанных с ресурсами (энергия, продовольствие, вода), ростом населения Земли (оно приближается к 10 млрд.), изменением кли-

мата, быстрым распространением инфекционных заболеваний, международным терроризмом.

Вместе с тем глобализация ведет и к негативным последствиям.

1. Современные глобализационные процессы разворачиваются, прежде всего, между промышленно развитыми странами и лишь во вторую очередь охватывают развивающиеся страны.

2. Глобализация укрепляет позиции первой группы стран, дает им дополнительные преимущества, в то же время менее развитые страны скорее становятся объектами, а не субъектами международного разделения труда (МРТ), оставаясь на мировой периферии поставщиками сырья, деталей и узлов, дешевой рабочей силы.

3. «Утечка мозгов» оборачивается технологическим отставанием большинства развивающихся стран, ростом социально-экономического расслоения, маргинализацией населения.

4. В условиях глобализации возможно разрушительное влияние центробежных сил, что приводит к разрыву традиционных связей внутри страны, деградации неконкурентоспособных производств, обострению социальных проблем, агрессивному проникновению чуждых данному обществу ценностей, идей, моделей поведения, образа жизни.

5. Существует возможность перехода контроля над экономикой отдельных стран от суверенных правительств в другие руки, в т.ч. к более сильным государствам, ТНК или международным организациям.

6. Промышленно развитые капиталистические страны стремятся перемещать в развивающиеся страны такие производственные мощности, которые в значительной степени ведут к загрязнению окружающей среды, разрушению биосферы.

7. Взаимозависимость национальных экономик на мировом уровне приводит к тому, что кризис, начавшийся в одной стране (более развитой и мощной), распространяется и на другие страны, превращаясь в мировой экономический кризис, т.е. имеет глобальные последствия.

Таким образом, процесс глобализации можно рассматривать как с отрицательной, так и с положительной стороны: как эксплуатацию десятком высокоразвитых стран всего остального мира (20% стран распоряжаются 80% суммарного мирового ВВП), так и, с другой стороны, как позитивный процесс включения в мирохозяйственные связи стран, отставших от передовых в своем технико-экономическом, социальном и культурном развитии.

Глобальные проблемы – это проявление противоречивого характера прогресса человечества, прежде всего бурного развития производительных сил на базе НТР, в результате чего возникла реальная угроза резкого нарушения сложившихся взаимоотношений между природой

и обществом, между странами и народами, между личностью, обществом и государством, между производством и потреблением и т.д.

Важнейшие глобальные экономические проблемы – сырьевая, энергетическая, продовольственная – являются следствием демографической проблемы, т.е. бесконтрольного роста населения в мире (Китай, Африка, Юго-Восточная Азия, Индия, Индонезия, Южная Америка). В результате закономерно усугубляется мировая экологическая проблема.

Концентрированным выражением всех этих проблем стал самый тяжелый экономический кризис планетарного масштаба за последние 80 лет. Главной причиной обвального кризиса мировой экономики является перепроизводство мировой валюты – доллара США. С 1971 г., когда была отменена привязка доллара к золотому содержанию, обеспечивающемуся золотым запасом США, доллары стали печататься в неограниченных количествах. Покупательная способность доллара обеспечивалась не только валовым внутренним продуктом США, но и ВВП всего мира. Правом же контроля за объемом эмиссии доллара обладает только Федеральная резервная система США (иными словами – Центральный банк США), частная организация, принадлежащая 20-и частным банкам США. С 1971 по 2008 гг. объем долларовой массы в мире вырос в десятки раз, превзойдя во много реальную стоимость товарной массы в мире [3, с. 4].

Такое положение дел было исключительно выгодно и владельцам ФРС, и самому государству США: в течение почти 40 лет оно существовало «не по средствам», во многом за счет остального мира. Валовой внутренний продукт США составляет 20% от произведенного в мире. Получается, что значительная часть стран мира отдает свои товары в обмен на необеспеченные бумаги, огромные богатства перераспределяются в пользу США. На эти практически виртуальные деньги можно скупать совсем не виртуальную, а реальную ликвидную собственность (компании, заводы, золото и др. активы).

Чтобы необеспеченная часть эмиссии долларов не давила на товарный рынок и не вела к обесцениванию доллара, фондовый рынок в значительной степени был превращен в виртуальный. Реально такой фондовый рынок обеспечивался деньгами только на 1–2%, акционерам же, покупающим пакет акций, организаторы виртуального фондового рынка гарантировали ежегодный прирост цены акций на 10–15% к первоначальной стоимости.

А для поддержания спроса, стимулирующего экономический рост, в США с 1980-х гг. начали выпускать кредитные карты, на которые перечислялись ссуды на текущие нужды (потребительский кредит) и специальные ипотечные ссуды на приобретение жилья. Различные кредитующие организации и политики вдохновляли американцев брать кредиты

все чаще и на большие суммы, декларируя ежемесячные выплаты в размере 2–3% займа. Независимые брокеры, имеющие свой процент от сделки, предлагали заемщикам с самыми плохими кредитными историями ипотечную ссуду с прогрессивной процентной ставкой, иногда превышающую стоимость дома, или на сумму в 30 раз большую, чем годовой доход заемщика [1, с. 56].

Такая «экономика долгов» стала выгодна всем – правительству, банкам, промышленности, наемным работникам. Аналогичные финансовые механизмы были созданы в Великобритании, странах ЕС, Китая, а также в нашей стране.

Все, как на фундаменте, держалось на том, что заемщики будут платить, а когда они перестали платить, случился обвал на фондовом рынке США, переброшенный на другие страны. Некоторые американские экономисты еще за несколько лет до кризиса говорили, что надувается большой финансовый «пузырь», грозящий взрывом, но власти не обращали внимания на эти предостережения.

Высокие цены на нефть в последние 8–10 лет решали те же задачи, что и фондовый рынок – связать долларовую массу, но, в отличие от фондового рынка, в реальном товаре. Нефтью связываются деньги не только больших компаний, но и простых граждан: 69% нефти перерабатывается в бензин и дизтопливо. Так что у США, печатающих доллары, была прямая заинтересованность в высших ценах на нефть.

Российский внутренний кризис связан с мировым в той степени, в какой мы зависимы от мировых цен на нефть и на несколько других наших экспортных товаров. Когда возникают кризисы, падают цены на сырьевые товары: инвесторы из развитых стран забирают деньги с развивающихся, рискованных рынков. И это привело к обвалу нашего фондового рынка, а затем сказалось на состоянии банковской системы и реального сектора.

Но все-таки главная причина проблем российской экономики – не мировой кризис, а ее непосредственная зависимость от мировых цен на нефть, газ, металлы. У нас создана монокультурная экономика, которая ни от чего, кроме сырьевых цен, не зависит. Как сказал Президент РФ Д.А. Медведев, мы подсели на «наркотик», который называется «сырье».

В середине 90-х гг. в результате залоговых аукционов 80% ВВП нашей страны оказалось в руках небольшого числа олигархов. Но такая степень монополизации несовместима с рыночной экономикой, поскольку гипермонополии не нужны ни научный прогресс, ни диверсификация. Инвестиции в модернизацию экономики возможны только при наличии конкуренции.

Именно в 90-е гг. и нужно было проводить структурные реформы, выбраковывать безнадежно устаревшие основные производственные

фонды, за счет более разумной инвестиционной политики строить новую экономику. Но кроме разговоров, ничего не было сделано.

Начало двухтысячных – вторая упущенная возможность. Высокие цены на нефть, поток валюты в страну давали возможность реконструировать экономику на основе высоких технологий, переобучать людей, дать приличную зарплату, чтобы производимая ими продукция могла быть конкурентоспособной на внутреннем и внешнем рынках.

Интеграция России в мировую экономику в условиях глобализации, как объективная необходимость, требует участия не только в международном обмене на межотраслевой основе – сырье и топливо в обмен на готовые изделия, но, прежде всего, в международном производстве. Отсюда возникает необходимость широкого привлечения иностранного капитала в виде прямых инвестиций, развития масштабной производственной кооперации с зарубежными ТНК, особенно в наиболее передовых, высокотехнологичных отраслях промышленности.

В условиях кризиса мировой экономики между глобальными монополиями разворачивается жесткая конкуренция за свои выгоды, особенно в отраслях, находящихся на острие научно-технического прогресса. В этой борьбе, кроме экономики, значительную роль играют политика, клановые интересы, предрассудки и т.д. История с неудавшейся покупкой «Опеля» является убедительным доказательством нежелания «General Motors» передать российской стороне новейшие разработки. Далее уместно вспомнить историю с дискриминационной в отношении России поправкой Джексона-Веника к закону о торговле, принятой еще в 1974 г., накладывающей серьезные ограничения на торговлю с США, прежде всего в сфере высоких технологий. Этот реликт холодной войны благополучно существует до сих пор. После распада СССР каждый американский президент обещал ее отменить, и либерал Обама тоже давал торжественные обещания. И тоже забыл о них.

Однако нельзя сказать, что компании западной Европы не желают делиться с нами высокими технологиями. Например, недавно создано совместное предприятие с французским «Рено», которое сейчас занято выстраиванием отношений с АвтоВАЗом. Наилучшим образом у нас складываются отношения с немецким капиталом, пока совместные проекты касаются только банковской сферы и топливно-энергетического комплекса. Эксперты считают, что немцы готовы сотрудничать с нами и в других областях, но не решаются из-за противодействия американцев.

Третий исторический шанс освободиться от экспортно-сырьевой зависимости и войти в группу промышленно развитых стран дает России нынешний экономический кризис. Единственный путь выхода из кризиса для

нашей страны – это обновление основных фондов и технологическая модернизация обрабатывающей промышленности, которая должна удовлетворять, прежде всего, внутренний спрос, а также быть ориентированной на экспорт.

Российские компании, подчас имеющие даже перспективные научные разработки, в одиночку вряд ли могут рассчитывать на серьезные успехи в обстановке ожесточенного давления конкурентов и поэтому заинтересованы в международной кооперации на длительной основе. Импорт капитала стал сегодня показателем успеха экономического развития. В настоящее время наиболее развитые страны (США, западноевропейские страны, несколько новых индустриальных стран в Азии и Латинской Америке и, кроме того, Китай с его быстро растущей экономикой) являются крупнейшими странами-импортерами капитала, т.е. получателями прямых иностранных инвестиций.

Современная наука интернациональна, поэтому для модернизации российской экономики нужны инновационные компании и центры, инфраструктура для работы отечественных научных талантов, а также привлечения иностранных ученых. «Сколково» должно стать новым видом бизнеса для России, которого в стране пока нет. Речь идет о прикладной науке, ориентированной на экспорт, т.е. о продаже научных идей и разработок в виде прав на технологии.

По данным Минэкономразвития, в 2008 г. лишь 9,6% предприятий России разрабатывали и внедряли технологические инновации, тогда как в Германии этот показатель составляет 73%. В структуре китайского экспорта 60% составляет продукция малых предприятий.

Широкая поддержка инновационного малого и среднего бизнеса остается приоритетной задачей государственных структур России. Модернизация и технологическое обновление производства – это вопрос ее выживания в современном мире.

Инновации перестают быть уделом исследователей – затворников, работающих в секретных лабораториях. Теперь промышленные концерны и компании все чаще приглашают к сотрудничеству в разработке новых товаров и услуг своих клиентов и поставщиков. Эксперты ведущих научных центров мира считают, что будущее за открытыми инновационными сетями.

Библиографический список

- 1.Аттали Ж. Мировой экономический кризис. СПб., 2009.
- 2.Международная экономика и международный бизнес / Под ред. В.В. Полякова. М., 2009.
- 3.Причины обвала мировой экономики. М., 2009.

О.А. Гончарова

Концепция гражданского общества в философской и политической мысли России в XVIII–XX веках

В статье анализируется развитие гражданского общества в России как важного общественного явления в философской и политической мысли страны в XVIII–XX вв. Автор приходит к выводу, что гражданское общество невозможно без признания свободы в качестве абсолютной ценности в жизни человека. Справедливость требует стремиться не только к равенству прав, но и к равенству возможностей граждан в реализации своих способностей, а также гарантировать достойное существование тем, кто их лишен.

Ключевые слова: гражданское общество в России, философская и политическая мысль в России XVIII–XX вв., концепция гражданственности.

Гражданское общество как общественное явление рассматривалось многими направлениями русской философии конца XVIII, XIX и начала XX вв. Элементы концепции гражданственности нашли отражение в общественной мысли А.Н. Радищева, А.С. Пушкина, декабристов, в философии революционных демократов, в идеалистической философии XIX – начала XX вв., в историко-материалистической философии [25, с. 76].

Уже в проекте первой русской конституции М. Салтыкова (1610 г.) содержался детально разработанный план государственного устройства; определены права и преимущества всего московского народа, говорилось об установлении порядка высшего управления, об обеспечении неприкосновенности русской православной веры.

Гражданское общество и государство в России второй половины XVII в. было также рассмотрено хорватом Ю. Крижаничем в его трактате

«Политика» [18]. Он оценивал политическое рабство (подданство) как форму беспрекословного подчинения верховной власти, отмечая, что быть рабом царя и народа – дело славное и представляет собой один из видов свободы, к тому же является долгом каждого гражданина, выражает честь, а не унижение. Крижанич подверг критике ряд пороков в русской социальной и политической жизни. Он осуждал раболепие, свойственное «поданным всех чинов и сословий». В плане развития гражданственности интересны предложения Крижанича о развитии промыслов и упорядочении торговли, о планировании распределения ремесел по городам с учетом природных условий.

Но более глубокое и детальное рассмотрение проблем гражданского общества в России можно отнести к концу XVIII – началу XIX вв., что было обусловлено проникновением в страну идей философии Просвещения.

В России особый успех имели идеи Ж.-Ж. Руссо. Руссоистская доктрина срослась с традиционными идеями патриархально-общинных отношений в хозяйственной жизни, сверхцентрализацией государственного управления и сакрализацией царской власти – в сфере политики и господством православия – в духовной жизни.

На русской почве это мировоззрение преломилось по-разному: одних вдохновлял идеал разумного законодателя, просвещенного монарха, для других же главными были священные права человека и гражданина.

Идею гражданственности развивал А.Н. Радищев, ставший основоположником освободительной традиции России. Он выступал за отмену крепостного права, считая, что только коренные реформы (революция) характеризуют право собственности и другие права гражданина, а будущее устройство государства и общества – это свободная федерация городов с вечевыми собраниями [26]. Своеобразным апофеозом развития концепта «гражданин» явилась книга Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», по существу вся посвященная идеям гражданских прав и свобод, идее создания на русской почве гражданского общества [27].

Серьезно отстаивал мысль об обновлении гражданского строя Н.С. Мордвинов, который, находясь несколько лет в Англии, проникся духом английской философии и уважением к гражданскому обществу. В 1801 г. он во время встречи с Александром I высказался за необходимость изменения «гражданского существования», т.е. гражданской свободы и гражданских прав [9]. «Права отдельной личности ни в коем случае не могут подчиняться и приноситься в жертву политическим интересам государства, поскольку подлинное общее благо неотделимо от блага всех отдельных людей. Англия представляет собой лучшее тому доказательство. Своим благополучием она обязана уважению к частной собственности» [19, с. 56–62].

Со взглядами Мордвинова, желавшего перенести в Россию английскую модель гражданственности, тесно связаны идеи его молодого современника – М.М. Сперанского. В подходе к гражданственности интересной представляется мысль Сперанского о том, что державная власть может держать своих подданных в рабстве, которое может принимать две формы. Первая и худшая форма исключает политическую и гражданскую свободы. Вторая, более мягкая форма, также исключает подданных из участия в управлении государством, однако оставляет за ними свободу по отношению к собственной личности и к имуществу. Другими словами, подданные не имеют политических прав, но за ними сохраняются права гражданские [30, с. 5–6].

От трактовок Сперанского существенно отличалось понимание гражданского общества П.И. Пестелем, который продуманно использовал понятие «гражданское общество» в своей программе «Русская правда». Цели гражданского общества и правительства состоят в благоденствии всего общества вообще и каждого из членов общества – в особенности. Субъектом гражданского общества выступает народ, который, принадлежа к одному и тому же государству, составляет гражданское общество [24, с. 59–60, 62–63, 65]. Пестель, рассматривая отношения гражданского общества и правительства, отмечал, что они регулируются законом, а не прихотью властей. Поражение восстания декабристов положило предел мечтаниям о политической свободе индивида. Идейным обоснованием николаевского самодержавия стало «православие, самодержавие, народность». Надежда на обновление мира на основе права не оправдалась, что привело к увлечению в обществе социалистическими идеями или анархизмом.

Представитель русского анархизма М.А. Бакунин практически не употреблял понятие «гражданского общества», однако идеал будущего общественного устройства выражает полное торжество гражданского общества при полном уничтожении государства, олицетворяющего собой насилие. Государство, опирающееся на авторитет церкви, согласно воззрениям Бакунина, является главным врагом и угнетателем народа, поэтому в ходе революционного движения, основанного на социалистических инстинктах, оно должно быть «взорвано», а принцип власти вообще должен быть исключен из жизни людей [28, с. 11].

Консервативное направление развития политической мысли делилось на две ветви, одну из которых представляли идеологи, идеализирующие прошлое, преувеличивающие роль традиций (Н.М. Карамзин, С.С. Уваров, К.П. Победоносцев), другую – славянофилы, выступающие за отмену крепостного права, но против западных идей (А.С. Хомяков, Ф.М. Достоевский, Н.Я. Данилевский).

Представители радикального направления политической мысли России В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.П. Огарев, Н.Г. Чернышевский, Д.И. Писарев рассматривали гражданское общество в контексте критики концепций западноевропейского либерализма. Чернышевский отмечал: «...Либералы почти всегда враждебны к демократам. ...Они хотят политической свободы, но так как политическая свобода почти всегда страдает при сильных переворотах в гражданском обществе, то и самую свободу, высшую цель своих стремлений, они желают вводить постепенно, расширять понемногу, без всяких по возможности сотрясений» [37, с. 480].

Создатель теории «русского социализма» Герцен был уверен, что Россия легче и быстрее, нежели страны Западной Европы, имеет возможность перейти к социалистическому идеалу, дающему наиболее разумное и справедливое решение проблемы личности и общества.

На рубеже XIX–XX вв., при проникновении в Россию либеральных идей, сформировались концепции, приближенные по своему содержанию к западноевропейским. Идеи гражданского общества, правового государства, ценности личной свободы нашли свое отражение в трудах К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина, А.Д. Грановского, С.Ю. Витте, П.Б. Струве.

Трактовка гражданственности занимала важное место в учении Кавелина. Главным он считал ценность личности, полагая, что развитие общества определяется развитием личности. Основной мыслью была идея укоренить в российском обществе чувства законности и справедливости [11, с. 5], т.е. осознание необходимости полного воцарения правильного гражданского и юридического быта, достойного человека, личности, гражданина [12, с. 918–919].

Чичерин много размышлял о путях гражданского развития России, сравнивая их с развивающимися на Западе демократическими институтами и с теми идеями, которые их вызвали к жизни. Он особо выделял конституционное право. Великое значение конституционной школы он видел в том, что она выработала идеал для всех народов, у которых начало свободы получило право гражданства, т.е. для всех народов, способных к развитию и образованию [20, с. 205].

Учение Чичерина четко разграничивает понятия «государство» и «гражданское общество». Последнее выступает как совокупность частных отношений – экономических, умственных, нравственных, религиозных. Над обществом возвышается государство, которое призвано разрешать общественные противоречия и примирять частные интересы отдельных лиц или групп. В числе главных государственных элементов – власть, закон, политическая свобода и общая цель [38].

Чичерин выдвигал программу практических преобразований: превращение самодержавия в конституционную монархию, отмена крепостного права, невмешательство государства в экономическую сферу, свобода частного предпринимательства, формирование частной собственности, обеспечение минимальных гражданских и политических свобод.

В монографии «Политика как наука» разрабатывал теорию гражданственности А.И. Стронин. «В самом обширном смысле граждане суть все жители государства, все члены гражданского общества, не исключая даже ни женщин, ни детей... В самом узком смысле гражданами будут только полноправные члены гражданского общества, т.е. только контингент интеллигенции и правительства. В среднем смысле гражданство представляет собой политический оттенок экономических классов, т.е. всех жителей государства, которым, кроме гражданства, не принадлежит никакая другая политическая роль» [31, с. 303–304].

Становлению гражданского общества в России способствовали введение института земства и правовые реформы 1864 г., когда властям стало очевидно, что без привлечения к управлению общественности страна развиваться не может. В органах земского самоуправления воплотилось стремление общества к самостоятельности, они явились одной из форм децентрализации власти и освобождения от ее всепроникающей опеки. Земская и городская реформы выглядят попытками в тех условиях реализовать невысказанную, но подразумеваемую идею формирования гражданского общества «по-русски». Возможность вообще говорить о гражданском обществе в связи с земством XIX в. появилась, поскольку в основу реформ их авторами – Н.А. Милютиным, С.С. Ланским – были положены принципы выборности и бессловности. Проект реформ был в ходе обсуждения пересмотрен в пользу консерватизма, но в качестве закона, «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» (от 1 января 1864 г.), сыграл большую роль в активизации общественных сил и приближении конституционных перемен (правда, ограниченных Манифестом 17 октября 1905 г.). Согласно «Положению...», органам земства предоставлялось право взимать с населения специальные сборы, размер которых устанавливался в зависимости от стоимости имущества или величины дохода. Полученные средства шли на устройство и содержание местных путей сообщения, построение церквей, благотворительность, развитие местной торговли и промышленности, развитие народного образования, доставку почты по деревням и т.д. Деятельность земских учреждений не имела политических функций [36, с. 75–77].

Несмотря на ограниченность в правах, земства сыграли огромную роль в просвещении огромной массы крестьянства, которая получила право

выбора (по сравнению с земскими учреждениями XVI–XVII вв.) [14, с. 73]. По мнению исследователя социальной истории дореволюционной России Б.Н. Миронова, реформы и общественное самоуправление стали фактором становления гражданского общества [22, с. 287].

Хотелось бы отметить одну особенность идейного климата той эпохи: в 1860-е гг. конституционные идеи играли в русском обществе второстепенную роль, преобладающим же было последовательное воплощение в жизнь либеральной программы. Следовательно, в основу органов земского самоуправления, начавших свою деятельность в 1864 г., легла концепция резкого противопоставления общества государству, следствием которой было убеждение, что вмешательство государства в общественную сферу является нездоровым явлением, а потому общественные проблемы должны решаться силами общества, но не бюрократией, которая отождествлялась с государством.

Наряду с земскими организациями, в середине 1860-х гг. начинают возникать и самодеятельные массовые организации (благотворительные, просветительские организации здравоохранения), роль которых заключалась в побуждении общества к активной деятельности, к освобождению масс от экономической и нравственной униженности.

В отличие от земского, в городское самоуправление не было доступа основной массе горожан: рабочим, служащим и интеллигенции, т.к., согласно заимствованной прусской системе выборов, имущественный ценз был связан с налогами с городских учреждений и недвижимости [14, с. 73].

В этот период очень важным становится осуществление судебной реформы, т.к., если в Европе даже при самых жестоких монархах суды были некоторыми островками справедливости, то в России, даже при просвещенных царях, суд был одним из худших мест, где в одном лице соединялись следователь, обвинитель и судья.

Целью реформы было создать суд, равный для всех, повысить авторитет судебной власти и укрепить в народе уважение к закону. Особое значение имел для России суд присяжных, ставший новым шагом в развитии европейской правовой культуры. «Суд присяжных – лучшая гарантия гражданской свободы... успех превосходит самые смелые ожидания» [8, с. 227].

В направлении демократизации общества работал и новый Университетский устав 1863 г. По нему была расширена автономия университетов в административной и хозяйственной сферах, закреплялось право студентов и преподавателей объединяться в кружки.

В сфере печати происходят значительные изменения, связанные с заменой жесткой предварительной цензуры на ее смягченный вариант – чтение

«вдогонку». Позже всех (1874 г.), была проведена военная реформа. Многолетняя рекрутчина заменялась всеобщей воинской повинностью и резким сокращением сроков службы. Реакция общества на проводимые реформы была неоднозначной. Несмотря на то, что эти реформы были половинчатыми и непоследовательными, их результатом стало значительное отделение общества от государства.

В России к 1917 г. гражданское общество находилось на начальной стадии становления. В нем еще очень слабы были и «третье сословие», и средние слои. На начальной стадии формирования находились политические партии, общественные движения и организации. Достаточно ограничен был их опыт парламентской и государственной деятельности.

Внутренние и внешние условия процесса формирования гражданского общества не способствовали его плавному и эволюционному протеканию, напротив, они выступали одновременно катализатором этого развития и своеобразной формой его блокирования. Это противоречие и разрешилось гражданским кризисом 1917 г. и гражданской войной [33, с. 31]. Установился режим, вытеснивший теоретические и практические ростки гражданского общества. Возможности возрождения идеи и процесса становления гражданского общества были поставлены в зависимость от существующего режима.

Положение о несовместимости тоталитарного государства и гражданского общества давно стало едва ли не аксиомой политической науки. Для сомнений относительно суждений о полном разрушении гражданского общества в условиях тоталитаризма есть достаточно серьезные основания. Маловероятно, чтобы при полном разрушении гражданского общества оно смогло бы в исторически короткие сроки вновь возродиться. Допущение возможности существования гражданского общества в условиях тоталитарной политической системы, на наш взгляд, отнюдь не является заведомо некорректным.

В период военного коммунизма и гражданской войны росткам гражданского общества, которые появились в стране до Октябрьской революции 1917 г., был нанесен ощутимый урон. Крайне неблагоприятные международные и внутренние факторы объективно диктовали резкое усиление государственного централизма, свертывание демократических прав и свобод [15, с. 220].

Разгон Учредительного собрания и фактическая узурпация власти большевиками положили конец едва вставшей на ноги многопартийности: уже к лету 1921 г. окончательно прекратили свое существование все независимые партии Советской России. Далее последовал запрет оппозиционной прессы и запрет на деятельность политической оппозиции. В принятой

на X съезде РКП (б) в марте 1921 г. резолюции «О единстве партии» ЦК поручалось обеспечить «полное уничтожение всякой фракционности». Реальная власть, дающая право принимать окончательные решения, де-факто оказалась в руках партийных органов различных уровней.

После окончания гражданской войны и перехода к НЭПу возникли более благоприятные условия для проявления гражданской активности и, соответственно, для укрепления позиций гражданского общества.

Хотя поле политической деятельности для субъектов гражданского общества оставалось абсолютно закрытым, однако в контексте общей либерализации режима появились возможности для укрепления их автономии от государства. Прежде всего это проявилось в экономической сфере: были ликвидированы трудовые армии, отменены обязательная трудовая повинность и основные ограничения на перемену работы, на смену внеэкономическому принуждению периода военного коммунизма пришли принципы материального стимулирования. В промышленности и торговле возник частный сектор.

Логическим следствием НЭПа стала независимость профсоюзов от государства. Возрождалась добровольность членства в профсоюзах; на них возлагалась обязанность защищать интересы рабочих; нормальной основой для трудоустройства был признан трудовой договор; была признана допустимость забастовок и приняты меры для создания т.н. «конфликтных комиссий».

Со свертыванием НЭПа и переходом к периоду классического тоталитаризма сталинского толка гражданское общество понесло наибольшие потери. Профсоюзы утратили независимость и политическое влияние, всецело оказавшись под всеобъемлющим контролем партийных органов (на каждой ступени профсоюзы действовали под руководством парткома и под контролем администрации).

На смену многочисленным женским, молодежным организациям, действовавшим на началах самостоятельности и самоуправления, пришли новые – комсомол, женсоветы, ОСВОД и т.д. Общим для них было то, что все они создавались по инициативе и по приказу партийных органов. Произошло уничтожение такого важного института гражданского общества, как церковь. Вторая половина 1920–1930-х гг. – это период беспрецедентного давления на церковь и ее служителей, репрессий по отношению к духовенству и верующим, период антирелигиозной пропаганды. Последовательно проводилась линия на ликвидацию церковных кадров и учебных заведений.

С самого начала советское государство и партия большевиков взяли курс на ликвидацию частной благотворительности, осуждая саму идею

ее уместности при социализме. По официальным советским канонам считалось, что при социализме не может и не должно быть бедных и убогих, также как и социально неблагополучных людей. Подлинным решением проблемы может быть только устранение главной причины, порождающей необходимость в благотворительности, – социального неравенства.

Тотальное государствление экономики, ликвидация рынка и частной собственности привели к резкому упрощению социально-классовой структуры общества. Колоссальное деформирующее воздействие на советское общество оказали массовые репрессии. Они насаждали и поддерживали в обществе атмосферу постоянного страха, блокировали проявления подлинно гражданской активности. Антиправовая практика массовых репрессий уничтожала саму мысль о праве как гаранте человеческих прав и свобод. Гражданственность советского человека в официальной идеологии рассматривалась как мера его коммунистической сознательности, как его готовность активно отстаивать официальные ценности в санкционированных режимом формах.

После смерти Сталина и наступившей вскоре хрущевской «оттепели» ситуация стала постепенно меняться. Ученые справедливо отмечают, что хрущевская «оттепель» способствовала политическому раскрепощению общества, десакрализации власти. В хрущевский период в СССР стало формироваться «общество потребления»: появились кооперативные квартиры, телевидение, можно было записаться в очередь на автомобиль. Отказавшееся от массовых репрессий государство уже не вызвало прежнего ужаса, а расширение внешнеэкономических связей и либерализация духовной жизни основательно подрывали веру людей в «победу коммунизма в мировом масштабе». «Вырастало весьма аполитичное поколение, знавшее, что придется жить при этой бездарной и бестолковой системе и что поэтому надо находить свою нишу и устраиваться как можно удобнее, не забывая при этом умения в любой момент отбарабанить без запинки основные догмы марксистско-ленинского учения» [23, с. 79].

На либерализацию режима и общества огромное воздействие оказало изменение внешнеполитической стратегии КПСС. Курс на экономическое и политическое сотрудничество с развивающимися странами привел к тому, что многие советские специалисты получили возможность выехать за рубеж и своими глазами увидеть «другой мир», – а это существенно поколебало их уверенность в превосходстве советского социализма, заставляло задумываться о том, насколько бесспорны каноны официальной идеологии [6, с. 259].

В брежневский период становилось все очевиднее: старые идеологические формулы не обладают прежним мобилизационным потенциалом, слепая вера в них оказалась основательно подорванной за годы хрущевских реформ, положивших начало процессу индивидуализации общества. Люди стали более грамотными, их потребительские стандарты существенно возросли, распространялось неверие в официальные лозунги и идеалы. Хотя, конечно, общество по-прежнему оставалось под неусыпным контролем партийно-государственного аппарата, однако контроль этот с каждым годом становился все менее эффективным, а отчуждение между народом и властью, наоборот, постоянно нарастало. Нарастающий вал социально-экономических проблем, кризис официальной идеологии и морали, – все это делало неизбежной глубокую перестройку всей системы общественных отношений.

Горбачевская перестройка реабилитировала само понятие «гражданское общество», его ценности и институты (гласность, плюрализм, законность, частная собственность, оппозиция, выборы, многопартийность). Центром возрождения и кристаллизации гражданского общества в этот период стали средства массовой информации. На волне гласности возникла политическая оппозиция. Ее зарождение происходило в рамках различных неформальных организаций и движений – экологических, правозащитных, научных обществ, дискуссионных клубов, избирательных объединений.

Закон о кооперации (1988 г.) легализовал частную собственность на средства производства, мелкий бизнес. В 1986 г. был снят запрет на проведение забастовок. Появились стачкомы, независимые профсоюзы, советы трудовых коллективов.

Во второй половине 1980-х гг. был принят ряд мер, объективно работавших на формирование благоприятных для возрождавшегося гражданского общества предпосылок. В 1987 г. Госкомтруд СССР и Президиум ВЦСПС утвердили новое «Общее положение о порядке заключения коллективных договоров», которое существенно демократизировало эту процедуру. Была по-новому сформулирована суть защитной функции профсоюзов (главным средством ее воплощения определялись коллективные договоры). В этом же направлении действовал принятый в 1990 г. Закон СССР «О профсоюзах, их правах и гарантиях деятельности».

Постепенно стала возрождаться находившаяся длительное время под запретом церковная благотворительность; активизировали свою деятельность правозащитные организации; возникли экологические, молодежные, женские объединения, предпринимательские ассоциации,

кооперативы и т.д. В период перестройки были заложены многие важнейшие предпосылки ускорения процесса формирования гражданского общества. Именно перестройка реабилитировала такие важнейшие принципы гражданского общества, как гласность и плюрализм, права человека и веротерпимость.

После августовских событий 1991 г. пришла пора углубленного теоретического осмысления одной из важнейших, если не самой важной для будущего страны, проблемы самоопределения государства и поисков его места в обществе. В Президентском послании Федеральному Собранию (24 февраля 1994 г.) «Об укреплении российского государства: основные направления внутренней и внешней политики» представлен отдельный раздел «Государственная поддержка институтов гражданского общества», в котором говорится: «Без развитого гражданского общества государственная власть приобретает деспотический, тоталитарный характер. Только благодаря гражданскому обществу эта власть становится на службу человеку, становится защитницей свободы».

На вопрос наличия в 1990-е гг. в России гражданского общества большинство российских авторов отвечает отрицательно. После спада массовых общественных движений и гражданских инициатив периода перестройки наступила фаза разочарования в концепции гражданского общества и особенно в возможности ее применения для описания российской действительности. Тезис об отсутствии гражданского общества в России стал более-менее общепризнанным. Некоторые исследователи, которые пишут о традиционной российской политической культуре, представляют ее чаще всего как непреодолимый барьер для формирования гражданского общества в России в ближайшее время, полагая, что идея гражданского общества неудачно заимствована из западной культуры [1, с. 33–41].

Наиболее оптимистичны в вопросе о существовании гражданского общества в России исследователи, которые продолжали и продолжают верить в то, что независимые общественные организации смогут сформировать гражданское общество, более того, уже сами являются институтом гражданского общества. Явно или неявно, все они исходят из предпосылки, что гражданское общество в России возможно, уже даже было в прошлом (до революции 1917 г.) и сейчас его необходимо реанимировать или построить заново, что и делается с переменным успехом. Своими примерами, объектами исследований они наглядно показывают, что, несмотря на все трудности, институты гражданского общества в современной России развиваются. А значит, хотя и высказываются опасения в том, что и эта спонтанная самоорганизация рискует сойти на нет,

формирование в России полноценного гражданского общества – это только дело времени [2, с. 237–257].

Вне всякого сомнения, проблематика гражданского общества многомерна. Вместе с тем до настоящего времени остается открытым и дискуссионным вопрос о том, что же это такое – гражданское общество?

Ряд современных отечественных исследователей гражданского общества убеждены в том, что сегодня нигде еще не существует подлинно демократическое, гражданское общество. Даже на Западе государство превалирует над обществом, а исполнительная власть – над властью законодательной [3, с. 50; 5, с. 14; 35, с. 62]. Считается, что еще нигде в мире не удалось достичь развитого и гармоничного гражданского общества, имеются лишь его фрагменты, элементы, намеки, в каждой стране свои собственные. Ученые, придерживающиеся такой позиции, рассматривают гражданское общество как цель, символ лучшего будущего.

Для современных подходов к раскрытию содержания понятия «гражданское общество» характерно при всем многообразии взглядов, позиций авторов, разделение сфер действия гражданского общества и государства.

В качестве наиболее характерных вариантов в определении гражданского общества обычно рассматриваются два подхода [21, с. 18]. Гражданское общество как наиболее широкая социальная универсалия, объединяющая весь комплекс общественных отношений, противоположных государству в любой его форме; все, что не относится к государству, власти, администрации. Гражданское общество как продукт развития буржуазных рыночных отношений; как феномен западной цивилизации с присущей только ему формой организации общественных отношений.

В зависимости от позиции исследователей, выводятся и определения гражданского общества. «Это система внесударственных общественных отношений и институтов, дающих возможность человеку реализовать его гражданские права и выражающих разнообразные потребности, интересы и ценности членов общества» [16, с. 12]. «...Это совокупность соответствующим образом организованных, исторически сложившихся форм совместной жизнедеятельности, определенных общечеловеческих ценностей, которыми руководствуются люди во всех сферах общества – экономической, социальной, политической и духовной» [32, с. 14]. «...Наивысшая стадия и наиболее совершенная форма человеческой общности, включающая в качестве структурных элементов добровольно сформировавшиеся первичные общности людей – семьи, корпорации, ассоциации» [4, с. 27]. «...Устойчивая система горизонтальных связей, общественно-политических ориентаций и норм общественного

поведения, вырастающая непосредственно из отношений собственности, но не сводящаяся к ним» [17, с. 73]. «...Сложно структурированная система межличностных отношений и порожденных ими частных интересов, в основе которых лежит частная собственность, а следствием является индивидуальная свобода и правовая защищенность каждого его члена, обеспечиваемая государством» [34, с. 17] и т.д.

Различия в этих определениях относятся скорее к вопросу о природе и происхождении гражданского общества, а не к его современным проявлениям. Так, авторы «первого подхода» подчеркивают негосударственный характер структурных образований внутри него, независимость индивидуальных проявлений и самоорганизацию взаимодействий между элементами гражданского общества [29]. Вторая точка зрения связывает появление гражданского общества, а, следовательно, и выделение его признаков, с развитием буржуазной демократии: «Фактически гражданское общество – общий знаменатель подлинной демократии и эффективной рыночной экономики» [7, с. 78].

Важнейшим результатом естественноисторического пути развития человеческой цивилизации является возникновение и становление гражданского общества и правового государства. Правовое государство основано исключительно на верховенстве права. Записанное в Конституции РФ положение о том, что Россия есть демократическое федеративное правовое государство, предоставляет широкое поле деятельности по созданию действительно правового государства на территории России. Сложность современного этапа реализации идеи правовой государственности в России характеризуется следующим обстоятельством: формирование правового государства немыслимо вне факта наличия гражданского общества, т.е. существования автономных, суверенных, свободных личностей, обладающих частной собственностью [14, с. 223–245].

Процесс формирования правового государства осложняет кризис российской политической системы. Несовершенство и противоречивость действующих конституционных положений в совокупности не создают в политической сфере действенного механизма сдержек и противовесов.

В 2002 г. в России прошел Гражданский форум, именно власть заговорила о необходимости создания гражданского общества. О несформированности гражданского общества в современной России заговорили вновь в связи с трагическими событиями в Беслане 1 сентября 2004 г. 6 ноября 2004 г. указом Президента РФ В.В. Путина утвержден Совет по содействию развитию институтов гражданского общества и прав человека.

В последнее время тема эффективности гражданского общества находится в центре внимания. Все больше инициатив направлено на развитие

гражданского общества в России [13]. Гражданское общество, в отличие от политического с его вертикальными структурами иерархических взаимоотношений, с необходимостью предполагает наличие горизонтальных, невластных связей, подосновой которых является производство и воспроизводство материальной жизни, поддержание жизнедеятельности общества [10, с. 240].

Гражданское общество невозможно без признания свободы в качестве абсолютной ценности в жизни человека. Свобода не может сохраниться в обществе, не стремящемся к справедливости. Такое общество обречено на раскол между теми, чья свобода подкреплена материальным благополучием, и теми, для кого она – синоним изнурительной бедности. Исходом этого раскола могут стать либо социальные потрясения, либо диктатура привилегированного меньшинства. Справедливость требует стремиться не только к равенству прав, но и к равенству возможностей граждан в реализации своих способностей, а также гарантировать достойное существование тем, кто их лишен.

Библиографический список

1. Белокурова Е.В. Концепция гражданского общества в российском прочтении: обзор публикаций последних лет // Граждане и власть: проблемы и подходы. СПб., 2001. Вып. 5.
2. Белокурова Е.В. Модели взаимодействия третьего сектора с региональными органами власти в России // Гражданское общество: первые шаги. СПб., 2000.
3. Бессонов Б.Н. Гражданское общество: история, сущность, проблемы развития. М., 1998.
4. Варывдин В.А. Гражданское общество // Социально-политические науки. 1992. № 8.
5. Государство, гражданское общество и процесс демократизации в Латинской Америке. М., 1995.
6. Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России. М., 2000.
7. Дарендорф Р. Дорога к свободе: демократизация и ее проблемы в Восточной Европе // Вопросы философии. 1990. № 9.
8. Джаншиев Г.А. Сборник статей. М., 1914.
9. Иконников В. Граф Мордвинов. СПб., 1873.
10. Исаев Б.А., Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России. СПб., 2009.
11. Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989.
12. Кавелин К.Д. Собр. соч. Т. 4. СПб., 1900.
13. Как разбудить гражданское общество? // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 120. 29 сентября 2004 г.
14. Кальной И.И., Овчинников Г.В. и др. Гражданское общество: истоки и современность. СПб., 2002.

15. Клямкин И.М. Почему трудно говорить правду // Новый мир. 1989. № 2.
16. Кочетков А.П. Россия на пороге XXI в. М., 1998.
17. Красин Ю., Галкин А. Гражданское общество: путь к стабильности // Диалог. 1992. № 3.
18. Крижанич Ю. Политика. М., 1997.
19. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995.
20. Либерализм в России. М., 1996.
21. Магомедов К.О. Гражданское общество и государство. М., 1998.
22. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. СПб., 2003.
23. Мирский Г.И. Судьба советской элиты: самоубийство или трансформация? // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 9.
24. Пестель П.И. Русская правда // Антология мировой философии: В 4 т. Т. 4. М., 1972.
25. Политология на российском фоне. М., 1993.
26. Радищев А.Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1952.
27. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М.-Л., 1964.
28. Романенко Л.М. Гражданское общество. М., 1995.
29. Серебряков С.Л. Гражданское общество, рациональность, ответственность // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 3.
30. Сперанский М.М. Введение к Уложению государственных законов. СПб., 1899.
31. Стронин А.И. Политика как наука. СПб., 1872.
32. Тощенко Ж.Т. Социология. М., 1994.
33. Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества / Под. ред. З.Т. Голенковой. М., 2000.
34. Троегубов А.Г. Гражданское общество как социально-философская категория: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 1995.
35. Федотов А.С. Гражданское общество: проблемы развития и современные формы. Саратов, 2004.
36. Черных А.И. История России XIX – начала XX вв. М., 1998.
37. Чернышевский Н.Г. Соч. в 2-х тт. М., 1986. Т. 1.
38. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М., 1894–1898. Ч. 1–3.

А.В. Самохин

Концепции политического устройства России в классическом евразийстве

Евразийство – идейно-политическое течение русской эмиграции 20-х гг. XX в. Концепции классического евразийства о политическом устройстве России представляли собой взгляд на евразийскую государственность как коренным образом отличную от западной. Отличие евразийского проекта государства заключалось в особом учении об органической демократии (или демотии) и идеократии.

Ключевые слова: евразийство, идеократия, демотия, органическая демократия.

Евразийство – идейно-политическое течение русской эмиграции 1920-х гг., созданное плеядой выдающихся общественных деятелей. Среди создателей евразийства – филолог, философ и лингвист кн. Н.С. Трубецкой (1890–1938), географ, экономист П.Н. Савицкий (1895–1965), историк культуры, богослов Г.В. Флоровский (1893–1979), историк, геополитик Г.В. Вернадский (1877–1973), правовед и политик Н.Н. Алексеев (1879–1964) и др. Евразийство стало реакцией определенных кругов белой эмиграции на революцию 1917 г., попыткой преодоления социокультурных проблем, стоящих перед новой, Советской Россией на пути самобытности. Евразийцы объявили Россию отдельной цивилизацией с уникальным содержанием, требующим всестороннего раскрытия и анализа. Несмотря на свое исчезновение в конце 30-х гг. XX в., евразийство затем возродилось в работах некоторых авторов конца XX в. (А.Г. Дугин, А.С. Панарин, В.Я. Пашенко, Р.Р. Вахитов и др.).

Автор статьи уже неоднократно обращался к исследованию раннего евразийства в предыдущих своих работах [7–13]. В данной статье рассматриваются особенности отношения евразийцев к тому политическому устройству России, которое они хотели бы установить. Для этого следует сосредоточиться на анализе идей основных теоретиков евразийства.

В области взглядов на государственное устройство евразийцы осуществили синтез старых славянофильских представлений о «правде народной» и современных им теорий народной демократии 20-х гг. XX в. Основоположники евразийства выразили свое отношение к желаемой (идеальной) государственной власти в двух концепциях: концепции идеократии и концепции демотии.

При этом евразийцы не только выдвигали свой идеал политического устройства, но и критиковали другие политические течения и предлагаемые ими формы власти.

Впервые концепция идеократии была выражена в статье «Подданство идеи» П.Н. Савицкого (1923). В ней он развертывает последовательную историософскую концепцию «идеалоправства». Согласно этой концепции, «историческая личность создается в обстановке и при посредстве исторической идеи» [6, с. 9]. Евразийство и должно было стать именно такой идеей, великой, «огромной, всесторонней и положительной, соравной и превосходящей историческую идею коммунизма» [Там же]. Носителем такой идеи, по мнению П.Н. Савицкого, становится интеллигенция, духовные и интеллектуальные представители народа. При этом любая долговечная форма правления от монархии до демократии «...есть та или иная форма существенного идеалоправства» [Там же, с. 10]. Как пример П.Н. Савицкий приводит три исторически известных типа правления, одушевленных идеями: «Древний Восток, где господствовала *религиозная идея*», Рим с национально-религиозной идеей во главе и, наконец, Англию, где всем правила «*идея правового государства*» [Там же]. У России, по его мнению, другое призвание: ее идея имеет двоякое – и национальное, и мировое значение. Впервые евразиец признает некоторую положительную роль коммунизма: «возрожденная национальная Россия должна в полной мере сохранить в положительном виде то *мировое чувство*, которое в извращенной форме запечатлено в коммунизме» [Там же, с. 12]. Это мировое чувство заключается в признании большевиками вселенской миссии России. Но эта миссия должна быть направлена не на цели мировой революции, а на развенчание романогерманизма («европоцентризма») и несение Западу света истинной Веры.

Пока же, как утверждает П.Н. Савицкий, раз у эмиграции нет ни единого центра, ни государства, ни общепризнанного лидера, то она должна перейти в подданство евразийской идее. Эта идея и станет основой нового мира, созданного на базе православной духовности и «широчайшего культурно-национального и государственно-созидательного размаха» [Там же, с. 17].

Идеи П.Н. Савицкого получили дальнейшее развитие в работах П.П. Сувчинского, Н.Н. Алексеева и Н.С. Трубецкого. Так, П.П. Сувчинский в статье «Монархия или сильная власть» (1927) рассматривает проблему приемлемости для России новой монархии. Он доказывает, что все преимущества и недостатки монархии коренятся в ее отделенности от государственно-правовых отношений, от всего народа, при этом народный суверенитет совершенно отрицается. В заключении автор

делает вывод: «Нужно искать будущие формы русской государственности в принципе *народной автократии*, наилучшим образом сочетающем в себе народный суверенитет с началом *народоводительства*» [14, с. 24]. Таким образом, в идее народной автократии мы видим предвосхищение идей Трубецкого об идеократическом строе правления, который не может существовать без широкой поддержки народных масс, и поэтому с евразийской точки зрения не совместим с абсолютной монархией.

Взгляд Н.С. Трубецкого на идеократию отличался от идей П.П. Сувчинского и П.Н. Савицкого большей теоретической разработанностью и глубиной. В таких своих статьях, как «О государственном строе и форме правления» (1927), «Идеократия и армия» (1928), «Об идее-правительнице идеократического государства» (1935), он подробно разъясняет суть евразийского учения об идеократии. В этих работах он обрисовывает государственный идеал евразийства, исходя из нескольких важных установок.

Во-первых, для евразийства не важна конкретная форма правления, мыслитель пишет о коренном заблуждении эмигрантских партий, которые делятся на республиканские и демократические. В отличие от П.П. Сувчинского (и, как мы увидим далее, от Н.Н. Алексеева), Трубецкой утверждает: «Если подойти к вопросу о монархии и республике именно трезво, ... то становится ясно, что вопрос этот не является центральным, ... разница между монархией и республикой... сводится, строго говоря, лишь к тому, что в монархии функции главы государства бессрочные, тогда как в республике эти функции присущи данному лицу только в течение определенного срока» [16, с. 481]. Таким образом, по мнению Н.С. Трубецкого, важен не характер длительности пребывания правителей у власти, а нечто совсем иное.

Во-вторых, Н.С. Трубецкой отстаивает мысль об органическом происхождении государства, считая его похожим на живое существо (следуя в этом представлением Т. Гоббса и Платона). В таком государственном целом «можно всегда выделить некий государственный (правительственный) актив». Государства, таким образом, различаются не по форме правления, а по виду отбора этого актива (или элиты) из основной массы населения. Н.С. Трубецкой выделяет два типа такого отбора, ранее существовавшего в европейских цивилизациях:

- аристократический (военно-аристократический, бюрократически-аристократический);
- демократический (плутократически-демократический).

Первый из них выбирается по наследственному признаку, второй – по признаку доступа в элиту профессиональных политиков-плутократов.

Н.С. Трубецкой резко критикует республиканскую демократию западного типа, замечая, что «правлящий слой при демократическом строе состоит из людей, профессия которых состоит не столько в улавливании и отражении фактического общественного мнения разных групп граждан, сколько в том, чтобы внушать этим группам граждан разные мысли и желания под видом мнения самих этих граждан» [16, с. 484]. Таким образом, согласно мыслителю, закон истории состоит в смене аристократий на демократии, а упадок последних логически требует возникновения нового типа отбора элиты («правлящего слоя»). Н.С. Трубецкой указывает на то, что революции XX в. в России и Италии привели к первым, несовершенным формам этого нового строя.

«Под идеократией разумеется строй, в котором правящий строй отбирается по признаку преданности одной общей идее-правительнице... Идеократическое государство имеет свою систему убеждений... (носителем которой является объединенный в одну единственную государственно-идеологическую организацию правящий слой)» [15, с. 518]. Как уже было сказано, под эту терминологию подпадает два типа государств: советский и фашистский. У этих государств имелся правящий класс, подобранный по принципу преданности одной единственной идее (марксизм-ленинизм и фашизм/нацизм). Однако в евразийском проекте четко определены черты подлинно идеократического государства. Согласно им, во-первых, идеократическое государство является более или менее социалистическим, т.е. оно вмешивается и в экономику, и в идеологию ради общественного блага, во-вторых, государством управляет «правлящий слой». При этом идея-правительница «правлящего слоя» должна соответствовать культуре и духу всех народов, населяющих это государство (для всех народов России-Евразии это евразийство), также идеократическому государству необходима автаркия. Автаркия предполагает собой полную религиозную, идеологическую, политическую и социально-экономическую независимость от любых других государств.

У Н.Н. Алексеева, другого теоретика евразийства, в работе «Теория государства» (1931) мы видим размышления о причинах возникновения идеократии. Так, Н.Н. Алексеев считал, что сама природа власти является идеократической. Критикуя марксистскую теорию власти, ставящую государственную власть в зависимость от классово-экономических отношений, он отмечает: «Численное преобладание, и, следовательно, физическая сила находится в руках у неимущих... они составляют в капиталистическом обществе те кадры армии, на которых физически держится классовое государство. Таким образом, теория классовой власти не объясняет нам... загадочную мощь, которой пользуются имущие,

удерживая по большей части руками самих неимущих обладание землей и средствами производства. По-видимому, дело здесь... в способности имущих властвовать над душами неимущих» [1, с. 484–485]. Из этого Алексеев делает вывод, что правящий слой изначально возникает благодаря идейному единству властвующих и подвластных.

Таким образом, учение об идеократии занимает центральное место в концепциях евразийцев, посвященных государственному устройству и общественному идеалу. Евразийцы считали важным подчеркнуть отличие евразийского культурного мира от европейского, и именно поэтому придавали такое значение идеократии в евразийском государстве. Кроме того, они хотели, в отличие от марксизма, выдвинуть власть идеи, а не экономических отношений.

Согласно пониманию классических евразийцев, отбор в элиту гарантийного государства должен был происходить на основе «демотии» или органической демократии Советов как естественной исторической формы организации социума в Евразии. Для этого они предлагали реформировать Советы, созданные в большевистской России, с целью передачи им больших полномочий и власти. При всем этом они являлись сторонниками активной государственной социальной политики. Они хотели создать в качестве инструмента для такой политики партию нового евразийского типа, подбор в которую осуществлялся бы по признаку преданности евразийской идее. В соответствии со всем выше сказанным евразийцы мыслили и экономическую деятельность государства, считая возможным закрепить за демотическими органами власти также и хозяйственные функции.

Наиболее полно теория органической демократии (демотии) была разработана евразийцами в статье «К вопросу о преобразовании советского государственного строя» [4, с. 78–80], авторство которой, скорее всего, можно приписать редакторам VI Евразийского сборника (1929). В этой статье дается подробное описание демотии, по всем параметрам противопоставляемой западной демократии. Последняя «основной государственной клеткой считает абстрактного индивидуума, ... потому демократия эта по идее атомистична и механистична, по практике – эгоистична и буржуазна» [Там же, с. 78]. В противовес абстрактной единице западной демократии евразийцы выдвигают территориальный принцип построения социального целого. Основной ячейкой общества для них «является единица населенной территории, объединенная общими экономическими и культурными интересами» [Там же, с. 79], т.е. город с прилегающими к нему сельскими районами. Это составляет округ, во главе которого стоит окружной съезд. Евразийцы предлагали

организовать новое евразийское государство в виде союза автономных округов.

Верховной властью в таком государстве является Всероссийский съезд окружных депутатов, который выбирает государственного старшину и ЦИК съезда. Система органической демократии, таким образом, удивительно похожа на советский строй, однако лишенный того параллелизма, который создавало сосуществование органов государственной и партийной власти в СССР. Евразийцы снимают это дублирование, т.к. у них в верховном законодательном органе половина мест принадлежит правящей евразийской партии, а половина – представителям различных профсоюзных объединений и коллективных объединений.

Таким образом, эта концепция являлась неким особым рецептом для России-Евразии, отрицающим демократию парламентских буржуазных государств, фашистский корпоративизм и предлагающим реформировать советскую систему. В этом евразийство выступило как подлинное пореволюционное течение, признавая именно Советы главным положительным результатом свершившейся народной революции.

У евразийских концепций идеократического и демотического строя нашлось немало критиков в эмиграции с разных позиций. Одним из первых критиков идеократического строя выступил выдающийся философ-персоналист Н.А. Бердяев. В своей статье, озаглавленной «Утопический этатизм евразийцев» (1927), Н.А. Бердяев открыто называет евразийство «соблазном» и в основном критикует их концепцию идеократического государства. Он отмечает, что идеократия евразийцев очень похожа на коммунистическую идеократию, а также на идеи римлян. «С точки зрения истории идей в идеократии вы узнаете старую утопию, изложенную в «Республике» Платона. Совершенное государство Платона есть абсолютная тирания» [2, с. 303]. Государство, с его точки зрения, «должно быть сильным, но должно знать свои границы» [Там же]. Подлинная же идеократия, по Бердяеву, «возможна лишь в Царствии Божьем». Философ, всю свою жизнь защищавший свободу человеческого духа от утеснения, считает любое государство греховным, а вмешательство государства в личную жизнь гражданина даже с целью привести ее к общему благу – недопустимым.

В своей критике Н.А. Бердяев ближе к либералам-западникам. Он является сторонником свободы личности, апеллирует к духовным ценностям Европы и ему антипатична попытка евразийцев построить государство, которое бы заботилось о культуре нации. Философу кажется, что культура и политика – две вещи несовместные.

В 1926 г. П.Н. Милуков дал еще более резкую критику политических концепций евразийства, назвав статью «Русский расизм». В этой статье он прямо называет евразийцев расистами: «Таков тот вариант славянофильства, который стараются реставрировать в наши дни евразийцы – настоящие русские расисты». А науку, выводами которой пользуются евразийцы, он считает «специальным подбором для заданной цели учений, давно потерявшим право гражданства в науке» [5, с. 332]. Среди этих концепций логическим образом оказывается и идеократия. По мнению П.Н. Милукова, учение евразийства последовательно воссоздает прошлое допетровской Руси, опирается на радикальных националистических мыслителей и поэтому идеократия, основанная на предпочтении всего русского, будет ничем иным, как азиатской деспотией. Сравнивая политическое устройство евразийства с азиатской империей Чингисхана и с диктатурой Ленина, П.Н. Милуков замечает: «Можно себе представить, что выйдет, когда с «мужеством» Константина Леонтьева и «неистовостью», свойственной русской государственности, эта программа будет выяснять ее у евразийцев в деталях... Тогда мы увидим окончательно, к чему велись некоторые хорошие старые слова, которыми... евразийцы продолжают прикрывать неумолимый “расизм” своей “идеологии”» [Там же, с. 334–335].

Таким образом, либеральная критика подчеркивала, прежде всего, сходство евразийской теории идеократии с ленинизмом, а также с дореволюционной имперской государственностью. Считая и то, и другое – неправильными, вредными формами государственности, либеральные критики отстаивали в своих работах идею отсталости, абсурдности евразийства как реакционного течения.

Критика политических концепций евразийства П.М. Бицилли, автора, на первых порах публиковавшегося в «Евразийских сборниках», а затем отошедшего от евразийцев, также представляет собой определенную ценность для исследователя. В своей статье «Два лика евразийства» [3, с. 279–291], опубликованной в 1927 г., он делит евразийство на две составляющие, «два лика», один из которых повернут к Европе, а другой – к Азии. Далее, критикуя второй лик евразийства, П.М. Бицилли рассматривает «идею государства». Критика евразийцами демократии для него выглядит абсурдно. Государство, по П.М. Бицилли, вышло из идеи «общей воли», которая может иметь совершенно разное воплощение – от монарха до парламентских партий, и критиковать конкретное воплощение этой общей воли представляется ему совершенно бессмысленным занятием.

В заключение, оценивая евразийские политические концепции, нельзя не отметить их ценности для современного политического аналитика.

Если концепция идеократии кажется совершенно отставшей от сегодняшнего времени, копией тоталитарных идеологий 1930-х гг., то демотия, понимаемая как многоступенчатая выборная народная демократия, так и не была реализована в реальности, что оставляет открытым вопрос о ее пригодности в мире современных представительных демократий.

Библиографический список

1. Алексеев Н.Н. Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи // Русский народ и государство. М., 2000. С. 484–485.
2. Бердяев Н.А. Утопический этатизм евразийцев // Между Европой и Азией: Евразийский соблазн / Сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М., 1993. С. 303.
3. Бицилли П.М. Два лика евразийства // Между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993. С. 279–291.
4. К вопросу о преобразовании советского государственного строя // Евразийский сборник. Кн. VI. Прага-Париж, 1929. С. 78–80.
5. Милуков П.Н. Русский расизм // Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997. С. 332.
6. Савицкий П.Н. Подданство идеи // Евразийский Временник. Кн. III. Берлин, 1923. С. 9.
7. Самохин А.В. А.С. Панарин как представитель «академического» неоевразийства и его критики // Актуальные проблемы гуманитарных наук: Сб. научных ст. / Отв. ред. В.М. Утенков. Вып. 13. М., 2007. С. 198–206.
8. Самохин А.В. Доктрина евразийства и неоевразийства и ее актуальность для современной России // Приоритетный национальный проект: «Образование, итоги и перспективы». Материалы V международной научной конференции (2 октября 2009 г.). М., 2009. С. 131–138.
9. Самохин А.В. Евразийство и геополитическая стратегия современной России // Актуальные проблемы гуманитарных наук: Сб. научных ст. / Отв. ред. В.М. Утенков. Вып. 12. М., 2006. С. 221–230.
10. Самохин А.В. Евразийство как идейное течение XX века и его оценка идеологическими оппонентами // Актуальные проблемы гуманитарных наук: Сб. научных ст. / Отв. ред. В.М. Утенков. Вып. 11. М., 2005. С. 212–223.
11. Самохин А.В. Исторический путь евразийства как идейно-политического течения // Актуальные проблемы гуманитарных наук: Сб. научных ст. / Отв. ред. В.М. Утенков. Вып. 8. М., 2003. С. 183–192.
12. Самохин А.В. История современного евразийства как идейно-политического преемника евразийства 20-х годов // Актуальные проблемы гуманитарных наук: Сб. научных ст. / Отв. ред. В.М. Утенков. Вып. 9. М., 2004. С. 220–230.
13. Самохин А.В. Современное левое евразийство как наследник евразийства 20-х годов XX века // Актуальные проблемы гуманитарных наук: Сб. научных ст. / Отв. ред. В.М. Утенков. Вып. 10. М., 2004. С. 194–203.
14. Сувчинский П.П. Монархия или сильная власть? // Евразийская Хроника. Вып. IX. Париж, 1927. С. 24.

15. Трубецкой Н.С. Об идее-правительнице идеократического государства // Наследие Чингисхана. М., 1999. С. 518.
16. Трубецкой Н.С. О государственном строе и форме правления // Наследие Чингисхана. М., 1999. С. 481.

А.В. Грозин

Мифологизаторство в современной историографии Казахстана: политологический аспект проблемы

Как и на всем пространстве бывшего СССР, в Казахстане за годы суверенитета активное развитие получило «историческое мифотворчество». Изучение любой проблемы истории страны оказывается под прямым влиянием различных направлений «альтернативной истории». Особенностью ситуации в Казахстане является слабое противодействие распространению мифологического переосмысления истории со стороны академической науки. В республике имеет место взаимосвязь государственного идеологического строительства и научных изысканий. Доминирование мифов в дальнейшем будет означать ориентацию общества на раскол и конфликт, а не на консолидацию.

Ключевые слова: историография Казахстана, мифотворчество, стереотипы, Н. Назарбаев, государственное идеологическое строительство.

Историческая наука современной Республики Казахстан испытывает серьезное влияние различных ненаучных веяний, которые обобщенно можно охарактеризовать как мифологизаторство. При этом изучение любой проблемы истории страны оказывается под прямым влиянием этого «нового мифотворчества».

Энергия мифотворчества, высвобожденная лозунгами превратно толкуемого методологического плюрализма и альтернативности академизму, в борьбе с подлинно научным знанием одерживает в Казахстане верх. Противостояние это, по нашему мнению, более чем общественно

значимо. Доминирование мифов будет означать ориентацию общества на понимание национальной идеи не как цели всей гражданской нации, всего общества республики, а сепаратной идеи той или иной самообособляющейся группы, цель которой, в конечном итоге, все та же тоталитаристская претензия на «кистину в последней инстанции», курс на «величие», если не в настоящем, то хотя бы в прошлом.

История – одно из мощнейших средств мобилизации чувства коллективной идентичности, которое способно в равной степени выступать орудием как интеграции и созидания, так и раскола общества (особенно полиэтнического казахстанского).

Теоретически можно понять и объяснить любые заблуждения и ошибки в интерпретации исторических фактов, однако вопиющие проявления их конъюнктурной фальсификации, навязывание обществу несостоятельных и прямо лживых положений, должны получать отпор от интеллектуальной части общества. Однако в Казахстане не отмечается какого-либо противодействия добросовестных ученых псевдоисследователям истории, авторам «альтернативных» историй, профанам, возомнившим себя историками. Единственным исключением до сих пор остается коллективная работа Н. Масанова, Ж. Абылхожина и И. Ерофеевой, изданная в 2007 г. Впрочем, она была издана небольшим тиражом в тысячу экземпляров, и после смерти Н. Масанова серьезных попыток противодействия псевдоисторикам в республике не предпринималось.

Объясняется «робость» казахстанских ученых перед «тюркологами» и прочими «нетрадиционными историками» рядом моментов. Как указал Нурбулат Масанов, «над нами все время довлеет какой-то комплекс неполноценности. Некоторые из нас хотят сказать, что мы такие «крутые», такие цивилизованные, самые умные, древние и красивые. Такой нарциссизм приводит к отказу от всего того, что в стереотипном мышлении считается плохим, первобытным. Дескать, кочевая культура была настолько не престижна и примитивна, что занимала в нашей истории по отношению к городской культуре и оседлому земледелию чуть ли ни третьестепенное место. Но все это неправда, это просто старые имперско-великодержавнические мифы. Они давно существуют и по-прежнему создаются, они очень живучи. Но я призываю своих сограждан к здравому смыслу, призываю к тому, чтобы не взирать завистливо на другие культурно-исторические парадигмы, не заимствовать чужие персонажи. Давайте глубоко изучать свою историю, культуру, своих героев. Да, это очень трудно. Да, это сложный медленный эволюционный процесс. Для этого нужно переработать многие пласты источников в виде архивных документов, статистических справочников, археологических материалов,

библиотечных фолиантов, кладезей устного народного творчества. Но давайте свою историю восстанавливать в том виде, в каком она реально была, и в каком она нам досталась в наследство, и которой надо гордиться» [12, с. 123]. Впрочем, такой подход требует серьезных усилий, а казахстанский вариант «фолк-истори» [3, с. 5–8] предлагает легкие и простые пути к пониманию национальной истории.

В целом современная историография Казахстана демонстрирует исключительную устойчивость и живучесть мифологических стереотипов восприятия исторического прошлого, их способность быстро мимикрировать под воздействием новых вызовов развития общества. Процессы либерализации экономики и демократизации государственных и общественных институтов, нивелирующие этничность, групповые ценности и этические стандарты традиционной поведенческой культуры, рождают большую общественную потребность в устойчивых знаковых символах и идеалах, которые люди пытаются отыскать в героическом прошлом своей страны и своего народа. Поскольку же «непрочное» настоящее не скоро станет достаточно оптимистичным и стабильным, а светлое будущее еще долго останется очень неопределенным, в мироощущениях современных казахстанцев исторические мифы о негибаемых героях и «внешних» злодеях, к сожалению, «обречены» на долгую жизнь.

Мифологическое переосмысление истории страны нередко создает наукообразную по форме, но крайне упрощенную в методологическом смысле схему исторической действительности, где доминируют иррациональные трактовки различных событий и процессов общественного развития с четко выраженной тенденцией гиперболизации реальных образов прошлого. Поскольку миф строится на этноцентристском восприятии мира, трактуящем все события в самом выгодном для его народа свете, то он противопоставляет последний по тем или иным оценочным критериям другим народам и тем самым объективно несет в себе конфликтный потенциал. Важным составляющим компонентом мифотворчества традиционно являлся и является т.н. «патриотический» подход к изучению и преподаванию истории, предусматривающий освещение ее с позиции субъективных культурно-ценностных предпочтений и политических претензий своей этнической группы на значительную роль в современном мире.

Отдельно необходимо отметить, что все информационное (как и научно-культурное) поле Республики Казахстан четко поделено на две части по языковому принципу. Обе половины все годы независимости развивались параллельно, вне зависимости друг от друга. Более того, информационная продукция на казахском языке была своего рода *terra incognita*

медийного поля: до принятия закона, который определил минимальный 50-процентный порог вещания на государственном языке, национал-патриотическим изданиям не уделялось большого внимания.

Многие годы они существовали в рамках стереотипов еще советского времени, оставаясь в тени русскоязычной прессы и только в последнее время стали в полной мере использовать возможности медийного пространства. Благодаря этому у казахстанской аудитории практически впервые за годы независимости появилась возможность осознать непримиримую позицию воинствующих национал-патриотов. Безусловно, нельзя сказать, что абсолютно все казахскоязычные газеты занимают жесткую позицию по всем интересующим и волнующим общество вопросам: от оценки истории до различных аспектов актуальной внутренней и внешней политики. Но при этом даже беглый взгляд на контент позволяет говорить о политических предпочтениях казахскоязычного поля республики. Вот только специфика его такова, что не существует никакой возможности говорить об информационной картине: тематическая полемика обновляется крайне медленно, и темы обсуждаются из года в год по множеству раз одними и теми же людьми, в буквальном смысле одними и теми же словами. И это одна из значимых особенностей казахской прессы и «исторической публицистики».

«Историкам-публицистам» свойственны слабое знание самой истории, непонимание природы исторических источников и исторических актов, логических категорий и фундаментальных теоретико-методологических основ, профанация методов научного анализа, необоснованная переоценка отдельных данных, их произвольная абсолютизация и гиперболизация.

Зато им не занимать тщеславия и амбиций. Вот, например, как характеризует свои книги «историк» К. Данияров: «Казахское происхождение Чингисхана в написанных и изданных мною книгах доказано полностью, что открывает новую эру в написании истории Казахстана и казахского народа. Все изданные мною книги будут дополняться, но основной костяк их, бесспорно, останется в веках, и всегда будет служить главной основой при обновлении учебников по истории Казахстана... <...> Недалек тот день, когда подлинная историческая наука в Казахстане будет праздновать победу и написанная мною история Казахстана и казахского народа от периода гуннов до XXI века войдет в качестве учебников во все университеты, колледжи, школы Казахстана. Другой истории у казахов нет и написать историю по-другому является невозможным и немислимым. Единственная просьба к читателям моих книг – не допустить плагиата» [6, с. 192, 194–195].

Кстати, с середины 2003 г. и другие казахстанские «официальные историки» заговорили о историко-этнической принадлежности Чингисхана к казахам. Обосновывается идея казахского происхождения Чингисхана тем, что якобы казахи возникли в V–VII вв. в результате объединения тюркских и монгольских племен, которые впоследствии сформировали свое владение на обширной территории, простирающейся от Черного моря до Корейского полуострова. К концу XIII в. на территории нынешней Монголии якобы проживало «казахское» племя Кият, в котором появился на свет «казах» Тимучин, объявивший позже себя Чингисханом. Впрочем, некоторые казахстанские «исследователи» и Тимура «записывают в казахи» [1].

А летом 2005 г. в Астане состоялась презентация монографии профессора университета «Кайнар»¹ Еренгаипа Омарова «Краткая история казахской цивилизации». В книге выдвигается идея существования «особой кочевой цивилизации» народов, населявших территорию древнего Казахстана, отличавшейся от других кочевнических цивилизаций такой характеристикой, как «многогранность». Эта «особая казахская цивилизация» сочетала несколько хозяйственно-культурных типов, начиная от скотоводства и заканчивая земледелием. По мнению Омарова, «выращивание зерновых и огородных культур для казахов было таким же естественным промыслом, как скотоводство» [16]. Автору нового направления в науке удалось «открыть» арийские корни казахов-монголоидов: «Арийцы – далекие предки казахов и других народов, населявших древний Казахстан. Прошу не усматривать в этом попытку возвеличить казахов. Это просто факт истории народа» [16].

Отдельно следует указать на то, что в казахстанской историографии до последнего времени доминирует изучение именно дореволюционного периода истории Казахстана, а 70 лет в составе СССР у создателей «новой истории» страны пользуется меньшим интересом, чем «героическая эпоха» великих батыров и мудрых ханов.

Наиболее иррациональное и мистифицированное изложение военной и социально-политической истории Казахстана XVII–XIX вв. развернулось на страницах казахстанской прессы, которая по массовости охвата потенциальных потребителей исторических знаний намного превосходит тиражи научных изданий. Авторами сенсационных «разоблачений» и «открытий» в области национальной истории стали в большинстве своем ультрапатриотически настроенные казахстанские журналисты,

¹ Структура, которая наряду с «Международным центром кипчаковедения», является главным «рассадником» казахстанской «тюркологии».

литераторы, специалисты в области технических наук, а также представители самых разных профессий, связанные с кланово-семейным бизнесом и одержимые группоцентристскими амбициями и эмоциями.

На роль таких же «первооткрывателей» исторической истины заметно претендуют и некоторые дипломированные историки, заслужившие свои ученые степени и звания главным образом в области истории КПСС. По определению известного казахстанского историка Б. Ирмуханова, «квaziпатриоты, ... вдохновляемые словами» политического руководства страны о том, что, «препарировав минувшие эпохи, тоталитаризм попытался представить прошлое казахской нации как тривиальную борьбу классов», бойцы нового идеологического фронта ринулись реконструировать новую отечественную историю, не располагая для этого ни знанием истории, ни современной теоретико-методологической подготовкой и методикой исторических исследований. Поэтому убежденность их далеко не соответствовала убедительности их аргументов» [8, с. 160].

Показательным в этом отношении является концептуальная установка А. Кузембайулы и Е. Абиля, открыто объявивших в своем учебном пособии для вузов «История Казахстана»¹ войну научной историографической парадигме дореволюционного прошлого: «История казахского народа с древнейших времен и до наших дней представляет собой важнейшую часть всемирной истории, поэтому изучение ее занимает важное место в формировании исторического сознания молодежи. ...Однако в период колониальной зависимости у народа были отняты не только свобода, земля, природное богатство, уникальные памятники культуры, но и историческая память. ...История казахского народа получила освещение в основном в трудах дореволюционных, а затем советских российских авторов, в которых она трактовалась с позиции имперской великодержавной идеологии... Сегодня перед исторической наукой независимого Казахстана стоят огромные и ответственные задачи. Она освободилась от многовековых оков колонизации и обязана всеми силами формировать историческое сознание народа с объективных позиций» [10, с. 3–4].

Полностью и бесповоротно отказывая на словах в объективности дореволюционным и советским историкам как казахского, так, тем более, неказахского происхождения, создатели данного учебного пособия, тем не менее, не смогли сделать ничего лучше и больше того, как только позаимствовать из их трудов все необходимые для своей «концепции»

¹ Это же пособие издавалось под названием «История дореволюционного Казахстана» в 1992, 1993, 1996, 1998 гг., под названием «История Казахстана» в 2003 г. и как «История Республики Казахстан» в 2004 г.

исторические знания, естественно, без всяких ссылок на использованные источники, и не привели ни одного нового достоверно установленного исторического факта, который бы уже не встречался в «колониально-имперских» произведениях. Что же касается провозглашенного Кузембайулы и Абилом так называемого «объективного» подхода к освещению национальной истории, то он представляет собой в их совместном творчестве ни что иное, как бесхитростную попытку «этнической приватизации» культурно-исторического достояния всех тюркоязычных народов Евразии, когда при описании различных крупных событий и явлений далекого прошлого назойливо муссируется один и тот же тезис о том, что все это – именно казахское и ничье больше наследие.

Метод Кузембайулы и Абиля называть казахскими все исторические реальности древнего мира и эпохи средневековья получил дальнейшее развитие в серии книг К. Даниярова, посвященных истории дореволюционного Казахстана. Объяснив, по отдельным лингвистическим созвучиям имен, топонимов, этнонимов и некоторых терминов различные племена, входившие в состав раннесредневековой Монголии и позже – Золотой орды, «казахскими», а Чингисхана – «казахом» по происхождению, автор «Альтернативной истории Казахстана» и более поздних издании аналогичного характера утверждает, что только он, в отличие от всех казахстанских историков, показал «подлинную историю казахского государства». Все те историки, которые не приемлют его суждения и выводы, резюмирует Данияров, не являются «подлинными патриотами Казахстана» и должны оцениваться научной общественностью как «фальсификаторы» [5, с. 14, 23, 28]. В том же духе, хотя и с несколько завуалированными личными амбициями, высказываются и некоторые другие создатели «подлинной» национальной истории, пытающиеся агрессивно подавать свое мнение в республиканских средствах массовой информации как истину в последней инстанции.

При всей относительной маргинальности многих современных казахстанских исторических реконструкций для внеаучной историографии характерны специфические черты, отличающие мифотворчество от научного исследования. В числе таковых можно указать следующие характеристики: отсутствие у создателей исторического произведения ясного представления об истории как научной дисциплине, характере труда профессиональных историков и методах работы с историческими источниками.

Другое важное отличие мифологических сочинений от научных трудов по национальной истории состоит в характере используемых источников и методах извлечения из них исторических фактов. Для «фолк-

историков», журналистов, пишущих о «белых пятнах истории» и прочих дилетантов, создающих вненаучное знание, как правило, характерен низкий уровень общей и профессиональной историографической эрудиции и слабое знание доступных первоисточников. При ознакомлении с мифологическими публикациями сразу же бросается в глаза преимущественное использование их авторами исторической публицистики, отсутствие в работе научно-справочного аппарата вообще либо, если таковой присутствует, то большую долю в нем составляют ссылки именно на историко-публицистические произведения.

Пытаясь наполнить конкретным историческим содержанием сконструированную схему прошлого и сделать ее максимально убедительной для общественности, творцы исторической мифологии во всех странах с давних пор неизбежно сталкивались с проблемой дефицита необходимых фактов и источников, которые бы не противоречили их концепциям. Поэтому они обычно были вынуждены прибегать не только к определенным манипуляциям с историческими фактами, но и к созданию либо практическому использованию уже созданных своими единомышленниками подложных источников. Как плод «искусственного конструирования» источников подложные исторические сочинения внешне выгодно отличаются от подлинных источников и исторических трудов тем, что осторожные гипотезы заменяют образными и яркими, но вымышленными доказательствами. По этой причине многие из них обладают большой силой притяжения для обывателей и служат почвой для создания разного рода мифологических реконструкций прошлого.

Отдельно следует остановиться на оценках руководством страны роли и места интеллигенции в процессе формирования новой идеологии Республики Казахстан. В отличие от оценки властями Казахстана социума страны как межэтнической категории – «казахстанцев», в случаях, когда речь заходит об интеллигенции и ее влиянии на умонастроения общества, они говорят только о ее казахской части. Настоящий факт подтверждается стенографическими отчетами как Администрации президента страны, так и материалами СМИ Республики Казахстан. С одной стороны, это объясняется тем, что подавляющее большинство значимых фигур писателей, филологов, историков, искусствоведов, работников театра и кино из среды неказахов уже покинули страну. В то же время русскоязычная казахстанская интеллигенция почти не принимается властью во внимание и отсекается от участия в формировании новой идеологии и какого-либо участия в этносоциальной политике страны.

В своей программной речи перед представителями казахстанской интеллигенции президент Н. Назарбаев в качестве основного момента

выделил следующее положение: «Мы должны сегодня прямо сказать, что, к великой чести казахской интеллигенции, она все эти годы (с момента получения независимости – А.Г.) проявляла сдержанность и мудрость, не позволив выплеснуться эмоциям в призывы к оружию... Мераб Мамардашвили, известный грузинский философ, сказал в начале 1990-х годов о том, что если его народ окажется не прав, то он не будет вместе со своим народом в его неправоте. Казахские интеллигенты не ставили этот вопрос перед собой, ибо они и воплотили тот нравственный и политический выбор народа, который во многом благодаря им воплотился в нормальном, без политических битв и кровавых разборок, пути развития государства Казахстан» [14].

Подобная оценка представляется неоправданно комплиментарной. Антироссийские, антирусские настроения среди значительной части казахской интеллигенции, особенно гуманитарной, стали одним из значительных факторов духовной жизни современного Казахстана. Следует добавить, что об этом зримо свидетельствуют многократно и широко тиражируемые радикальные, в неприятии всего русского, высказывания далеко не рядовых «властителей дум страны». И историческая наука не является исключением: поиск и конструирование «фактов», свидетельствующих о якобы вековой борьбе России против казахов и их государственности, занимает значительное место в «фолк-истории» Республики Казахстан.

Например, известный казахстанский «писатель-историк» М. Магауин в последние годы активно развивает идею о «натравливании» Россией на казахов их «исторического» врага – Джунгарии, говоря о том, что «руководство производством оружия – лишь часть той огромной работы, которую проводили пленные шведские и русские офицеры. Нет сомнения в том, что они проводили образцово-показательные занятия по военному искусству Европы нового времени, давали ценные советы в ходе сражений по поводу той или иной конкретной битвы. Тучи над казахами сгустились» [11, с. 98]. Аналогичное по смыслу утверждение содержится и в «Альтернативной истории Казахстана» кандидата технических наук К. Даниярова, который писал: «Накапливая силы на северных и западных границах Казахстана для продвижения вглубь территории по Уралу, Есилю (Ишиму) и Иртышу, Российская империя, наряду с этим организовывала вторжения джунгар на территорию Казахского ханства с юга... В свою очередь она приступила к вооружению и укреплению джунгар, для чего через Кузнецк (Кемеровская область) постоянно передавала им огнестрельное оружие и посылала к ним научных специалистов» [8, с. 42].

Примечательно, что подобную гротескную мистификацию рисуют в настоящее время не только специалисты в области технических наук, писатели и публицисты, но и некоторые авторы научно-популярных и учебных изданий. Ярким образчиком такого рода может служить описание исторических предпосылок казахско-джунгарской войны 1723–1730 гг. во втором томе четырехтомной «Иллюстрированной истории Казахстана» (руководитель проекта – д-р ист. н. Б. Аяган, автор-составитель – поэт О. Жанайдаров), изданном в 2005 г. В ней полет исторической фантазии авторов настолько превзошел мифологические пассажи их предшественников, что способен повергнуть в изумление любого ученого. «Следуя доктрине Петра I о том, что «Русь должна произрастать Сибирью», дорогу в которую прорубил беглый казак Ермак, российский генштаб разработал план, по которому было необходимо ослабить два степных народа, кочевых и воинственных, лежащих у них на пути на Восток... По этому плану и был послан Иоганн Густав Ренат к калмыкам, причем с необходимым для первого времени вооружением и деньгами. В случае успешной миссии, т.е. победы калмыков над казахами, Ренату обещали свободу и вознаграждение» [7, с. 184].

Главным источником для построения всей этой мифологии послужил известный априорный тезис исследователя дореволюционной истории Казахстана 20-х гг. прошлого века М. Тынышпаева о том, что во время джунгарского нашествия на земли, населенные казахскими племенами, «военному успеху калмыков способствовал сержант шведской артиллерии Иоганн Густав Ренат, попавший в русский плен в 1709 г. под Полтавой. ...Ренат пробыл у калмыков до 1733 г., научил их плавить железную руду, лить пушки, снаряды, устроил даже типографию. В то время как калмыки под руководством Рената деятельно готовились к войне, исконные враги казахов, упоенные недавними победами Тауке-хана, забыли, видимо, о существовании опасного соседа и занялись обычными внутренними распрями, спорами и т.д.» [15, с. 187]. При этом следует иметь в виду, что Тынышпаев, хорошо знавший казахские народные предания и современную ему востоковедческую литературу о казахлах, тем не менее никогда не работал в архивах вообще и с документальными первоисточниками по истории русско-казахских и русско-джунгарских отношений, в частности. Поэтому он не располагал достоверной исторической информацией ни о конкретных обстоятельствах пребывания шведа Рената в джунгарском плену, ни, тем более, о точных датах появления у ойратов новейших для того времени образцов огнестрельного оружия. Но ввиду того, что этот казахстанский исследователь в 1937 г. был репрессирован вместе с другими представителями алашской интеллигенции советским

режимом, все приведенные в его трудах сведения и суждения по истории Казахстана первой половины XVIII в. стали восприниматься как скрываема от народа истина, заслуживающая абсолютной веры и не требующая никаких документальных подтверждений. На основе не критического восприятия всех изложенных Тынышпаевым историографических версий после переиздания его трудов (1992) стал формироваться миф о преднамеренном вооружении Россией ойратов и использовании Джунгарским ханством артиллерии в войне против казахов.

Говоря о казахстанской исторической науке, следует иметь в виду серьезную взаимоувязанность государственного идеологического строительства и научных изысканий в республике.

Многие процессы в сфере государственно-идеологических построений Республики Казахстан объясняются, по нашему мнению, целенаправленными, но малоисследованными шагами казахстанских властных элит в области «нового мифотворчества», призванного заменить существовавшие до 1991 г. коммунистически-интернационалистские догматы.

Особенно заметно это было в 1990–1994 гг., а нагляднее всего проявилось именно в области гуманитарных наук. Усиленно пропагандировалась необходимость резкого повышения роли казахского языка как основы консолидации казахов в качестве государствообразующего этноса. Такой взгляд первоначально наиболее часто озвучивали казахские национал-патриоты из среды научной и творческой интеллигенции и разделяющие их взгляды чиновники из тогдашнего министерства народного образования Казахской ССР и иных структур Кабинета министров.

1 октября 1992 г. в программной речи на торжественном заседании Всемирного курултая казахов Н. Назарбаев заявил: «В результате самоотверженной, упорной борьбы наши далекие предки сумели сохранить не только свою целостность и единство, но и создать в XV веке сильное Казахское ханство. Но независимое Казахское государство не смогло отстоять мир и спокойствие. Слишком многие покушались на бескрайнее богатое пространство. И, в конце концов, дивный и благодатный край, чье единство и достоинство в пору страшных потрясений отстояли мудрые бии Толе, Казыбек и Айтеке, чью честь как зеницу ока сберегли славные сыны отечества Аблай, Кабанбай, Богенбай, Наурызбай, Есет, Карасай, Жанибек, Олжабай, Раимбек, все равно очутился под пятой чужеземного насилия. В XVIII–XIX веках наш народ лишился свободы и независимости. ...Колониализм царской России ни в чем не уступал, если не превосходил другие колониальные системы. Безбрежная наша степь обернулась собственностью империи. Мы оказались перед угрозой потери веры и языка, культуры и традиций» [14, с. 30]. После настолько

ясно очерченных подходов к оценке казахско-российских взаимоотношений любая иная трактовка стала неприемлемой.

При создании «суверенной мифологии» основное место отводилось и отводится историческим и филологическим дисциплинам. В значительной мере это объясняется возможностями превращения их в инструмент идеологической и политической обработки населения и личностными характеристиками Н. Назарбаева. Казахский лидер неоднократно публично демонстрировал интерес к различным «нетрадиционным» историческим концепциям, «номадическому традиционализму» и «метафизике Степи». Свидетельство тому и ряд его личных встреч и бесед с одним из наиболее ярких представителей «тюрк-фолк-истории» России Муромом Аджи – автором псевдонаучного трактата «Полынь Половецкого поля».

В начале 1999 г. вышла книга Н. Назарбаева «В потоке истории», ориентированная на формирование ядра идеологии суверенной Республики Казахстан. Основной смысловой нагрузкой этой работы стали упорные усилия подтвердить объективность и историческую обусловленность образования национального государства казахов на территории (и в границах) современного Казахстана. Сам автор очертил круг интересующих его проблем очень широко. Это «судьба последнего номадического материка в центре Евразии, национальное самосознание и тайна могильников на семи холмах, тоталитаризм и великий правитель Бейбарс, диаспоры современного Казахстана и средневековая Индия, национальная консолидация и “Алаш”». Президенту удалось ярко и образно сказать и о «железной поступи Хроноса по евразийской Степи» [13, с. 292], и о «едином пироге Великого Эля, имевшем как минимум трехслойную начинку» [Там же, с. 275] из племен кипчаков, огузов и тюркутов, и о том, что «тоталитарная государственность завела в тупик внешнеполитический компас крупнейшего европейского государства» (имеется в виду Россия – *А.Г.*) [Там же, с. 252], и о многом другом. Интересно, что в книге имеется масса смысловых, а иногда и текстуальных совпадений именно с текстами М. Аджи.

Переписывание непродолжительной и крайне противоречивой истории и историографии Казахского ханства и государственных образований, возникших на его обломках, превратилось в едва ли не основное занятие многих ученых республики. В научный оборот при этом отнюдь не вводятся новые документы. Государственная машина всячески пытается обосновать ряд основных тезисов.

Во-первых, приоритетность права казахского народа на этническое доминирование в рамках современного государства.

Во-вторых, преемственность нынешнего государства Казахстан, принявшего «эстафету» от некоего «исторически» сильного и мощного казахского государства, существовавшего на этой территории.

Такие мифы необходимы власти, поскольку иллюстрируют «исторические традиции» казахстанского государства, сильной государственной власти или существования на территории Казахстана некоей двуединой «степной цивилизации» – симбиозного гибрида кочевого скотоводства и оседлого земледелия [2].

Сегодняшняя казахстанская историография представлена, в подавляющей своей массе, жанром «исторических очерков», «опытов анализа» и иной публицистики. Мифологизируя историческое сознание общества, историки, этнографы, демографы и социологи Республики Казахстан заимствуют из работ советского периода те факты, положения и выводы, которые «работают» на формирование национально ориентированных концепции. В одном из главных на сегодняшнее время обобщающем исследовании казахстанской истории – «История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Очерк» [9] – явно прослеживается тенденция разрыва исторической преемственности. Сам жанр «Очерка» свидетельствует о том, что после полувекowego существования Института истории республики, огромного количества диссертаций и трудов по различным аспектам истории Казахстана (в т.ч. фундаментальной пятитомной «Истории Казахстана», изданной в 1977–1981 гг.) историки страны возвращаются к традиции казахстанской историографии, изжитой еще в 30–40-х гг. XX века.

Что же касается казахстанских «альтернативных историков», заявляющих себя наиболее последовательными борцами с советскими мифами, то в действительности они одержимы теми же пороками гипертрофированного группового централизма, причем преимущественно в его этнической модификации. Безотносительно того, какими бы аспектами советского опыта модернизации они не задавались в своих публикациях, его историческая реальность всегда воспринимается ими исключительно в контексте этнического опосредования.

При таком подходе все смыслы социалистической модернизации сводятся не более как к «неоимперским амбициям советского государства», якобы «продолжавшего традиции российского самодержавия». Так, например, преимущественно сырьевой характер промышленности Казахстана объясняется не через алгоритмы, заданные всеобщей ориентацией советской экономики на чисто экстенсивные способы ее развития, а «целенаправленно осуществлявшейся колониальной политикой метрополии». Тут, кстати, не ясно, что подразумевается под «метрополией».

Если Россия, то без ответа остается вопрос, почему промышленная структура РСФСР также была представлена именно сырьевой доминантой.

К настоящему времени в Казахстане в области построения новых идеологических мифов сложилась двойственная ситуация. С одной стороны, основные «достижения» уже получили молчаливое одобрение некоторых высших руководителей страны, «канонизированы» официальной наукой Республики Казахстан. В то же время общественное сознание оказалось маловосприимчивым к подобного рода новациям. Наибольшее отторжение «переписывания» истории демонстрируют представители европейского населения республики. Да и сами творцы «новой идеологии» порой допускают «ляпы», способные вызвать не только недоумение, но и ассоциации, связанные со временем идеологического догматизма. Теперь место «трех источников и трех составных частей марксизма-ленинизма» заняли «три ветви или части единого тюркского эпоса – это как бы три кольца становления тюркской духовности в Казахстане, оставивших след в культурно-исторических архетипах современных тюркских народов, в том числе и казахского. Тюркизм-огузизм как единое вероучение опирался на мощную генеалогическую историю, на степную историологию, на родословные, возродившие племенных вождей в семье потомков Небесного отца. Это была новая степная идеология, а фактически и новая религия» [13, с. 276].

Апелляция к национальным духовным основам на совершенно новом этапе развития этноса сама по себе совершенно обоснована. Однако, по-нашему мнению, она должна: а) дистанцироваться от безудержного мифотворчества; б) опираться на достоверные и научно доказанные факты; в) строиться на элементах, консолидирующих полиэтничное общество, а не дробить его на «национальные квартиры» с «национальными историями».

Стоит указать и на такой фактор, как восприятие современной казахстанской историографии за рубежом республики. Неказахстанские историки в большинстве с пониманием воспринимают «мифотворческий бум» в республике, но, тем не менее, все чаще можно услышать тревогу по поводу того, что некогда достойно представленная в мировом научном пространстве казахстанская историография утрачивает свой вес, и прежде всего потому, что многие западные и российские специалисты воспринимают обильную мифотворческую продукцию как трансформацию исторической науки Казахстана в целом, ее деградацию.

Представляется, что для Казахстана, как и для всех постсоветских республик, остается актуальной необходимость и на научном уровне, и в широком общественном сознании больше внимания уделять проблеме критики мифотворчества в истории.

Экспансия мифотворчества имеет место в различные периоды всех национальных историографий. Что, очевидно, неизбежно и естественно на определенном этапе развития любого молодого государства. Но проблема в том, что «мифотворческий» подход к истории получает широкий отклик в массовом сознании. А мифологическое переосмысление истории создает наукообразную по форме, но крайне упрощенную в методологическом смысле схему, имеющую мало общего с реальной исторической действительностью. Это не только обедняет процесс образования молодежи, не дает возможности анализировать и использовать исторический опыт, но и формирует устойчивые негативные стереотипы в восприятии окружающего мира, что может, при определенных политических условиях, стать потенциально опасным явлением. Сегодняшние исторические мифы прямо ведут к завтрашним войнам. А потому как никогда важно сознавать ответственность исторической науки и всех, кто так или иначе ассоциирует себя с ней.

Библиографический список

1. Аимбетов А. Первый человек был узбеком // *Казахская правда*. 2003. № 2.
2. Векр В.В. Назрело время восстановить правду и перестать обманывать наш народ // *Время*, 19.07.2001.
3. Володихин Д.М., Елисеева О.И., Олейников Д.И. *История России в мелкий горошек*. М., 1998.
4. *Государственные символы Республики Казахстан*. Алматы, 1997.
5. Данияров К. *Альтернативная история Казахстана*. Алматы, 1998.
6. Данияров К. *О новой истории Казахстана*. Алматы, 2004.
7. *Иллюстрированная история Казахстана – с древнейших времен до наших дней: В 4 т.* / Авт.-сост. О. Жанайдаров. Т. 2. Алматы, 2005.
8. Ирмуханов Б.Б. *История Казахстана: опыт теоретико-методологического исследования*. Алматы, 2004.
9. *История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Очерк* / Акишев А., Асылбеков М., Байпаков К. и др. Алматы, 1993.
10. Кузембайулы А., Абыль Е. *История Республики Казахстан: Учебное пособие*. Астана, 2002.
11. Магауин М. *Азбука казахской истории. Документальное повествование*. Алматы, 1997.
12. Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. *Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана*. Алматы, 2007.
13. Назарбаев Н.А. *В потоке истории*. Алматы, 1999.
14. Назарбаев Н.А. *Нравственный и политический выбор интеллигенции // Казахстанская правда*, 18.03.1998.
15. Тынышпаев М. *История казахского народа*. Алматы, 1992.
16. Тимофеев М. *Казахи – прямые потомки арийцев. Этот факт можно считать реально установленным // Экспресс-К*, 22.06.2005.

Антонова Татьяна Викторовна – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: veritas.antonova2010@yandex.ru.

Гончарова Оксана Анатольевна – кандидат политических наук, докторант кафедры всеобщей истории и теологии, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: vechnosttt@gmail.com.

Грезнева Анна Анатольевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: anna.grezneva@mail.ru.

Грозин Андрей Валентинович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН. E-mail: grozin@yandex.ru; grozin@materik.ru.

Жириков Иван Георгиевич – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, заведующий кафедрой всеобщей истории и теологии, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: ivan1948@yandex.ru.

Козловская Виктория Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и теологии, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: vkozlovskaia@yandex.ru.

Кумачева Светлана Владимировна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: sve-kum@yandex.ru.

Ломач Лина Андреевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: istfak-mggy@mail.ru.

Максимова Оксана Викторовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории и теологии, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: istfak-mggy@mail.ru.

Орлов Александр Анатольевич – доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и теологии, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: arkigolkin@yandex.ru.

Самохин Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры философских и социально-политических дисциплин, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: trustmyway@rambler.ru.

The Russian History

T. Antonova

From the history
of V.I. Modestov's «New Newspaper»

The article is devoted to one of unique events in the history of Russian post-reform journalism – to the edition of an oppositional liberal newspaper «New Newspaper» («Novaya gazeta») by V.I. Modestov in 1881 that survived only a week (just 8 issues) in the situation of great government policy changes after March 1, 1881. Due to the censorship the publisher had to stop the enterprise that showed the society a hopeless situation in the sphere of national press that was attempting to protect the freedom of speech.

Keywords: freedom of speech, a liberal direction, manifestation of protest, a reactionary course, the law on the press, censorship, censorship prosecution.

A. Grezneva

Attorneys at law at judicial trials
in the 1870s as shown by Russian press
and archival materials

The article is based on materials of main Russian newspapers and magazines of the 1870s published in Moscow and Saint-Petersburg. It demonstrates the role played by attorneys at law in understating the role of revolutionary movement in the Russian Empire. The contents of the article show formation of legal awareness in the Russian society of the second half of the XIX th century.

Key words: trials, attorneys at law, social opinion, publicity of judicial proceeding, press media, «The Voice» («Golos»), «Saint-Petersburg Gazette» («Sankt-Peterburgskie vedomosti»), V.D. Spasovich, P.A. Aleksandrov.

S. Kumachiova

The Censorship of «uncensored» publishing in post-reform Russia

Paradoxicality of the phrase «censorship of “uncensored” publishing» fully and faithfully reflects paradoxicality and discrepancy of the governmental politics in relation to publishing in post-reform Russia. On the one hand – the state power proclaimed the special category of publications in the empire freed from tentative censorship due to the state act of 1865, but from the other hand – it was the search of eluding these new rules because of the state act of 1872, which pointed the «uncensored» publishing under control of the administratively-censoring control of cabinet council.

Key words: censorship, «uncensored» publishing, Cabinet Council, Senior Department of Publishing, Censorship committee, «Transitional provisions for censorship and publishing of 1865», «The act from of 7th of June 1872».

The World History

I. Zhiryakov

Events in Austria, February 1934:
the last effort to restore the democratic form
of government in the First Austrian Republic

February 1934 events of the First Austrian Republic in are studied in this article. The author considers these as the last efforts of restoration of the democratic form of government in the country. Austrofascism that stated its dictatorship as a need of Austria’s defense from the German annexation, was unable to defend the independence of the country.

Key words: the First Austrian Republic, austrofascism, Heimwehr, Austrian Party of Christian Socialism, chancellor Engelbert Dolfus.

I. Zhiryakov, O. Maksimova

Basic stages of Austrian and soviet relationships
after the execution of Governmental contract:
claims of political parties

The article is focused on the basic stages of the development of the relations between Austrian Republic and USSR after the execution of the Governmental contract from 1955. The authors pay special attention to the claims of

the parties in power in Austria (Austrian peoples' party, Socialist Party of Austria, Austrian party of freedom).

Key words: Austrian Republic, Soviet and Austrian Relationships in 1955–1991, Governmental contract of 1955, Austrian people's party, Socialist Party of Austria, Austrian party of freedom.

A. Orlov

History
of I.F. Kruzenstern expedition's
stay in Canton in 1805–1806

The article is devoted to the history of I.F. Kruzenstern expedition visit in Canton (Guangzhou) in 1805–1806. The episode is shown through a prism of relations between the Russians and the British, who found themselves in the Orient, foreign land for both sides. In this situation the Russians and the British started to feel as Europeans sharing the same culture. I.F. Kruzenstern (Baltic German), his colleague Ukrainian Y.F. Lisiansky and Scotchman James Drummond (the director of the factory of the British East India Company in Canton, who helped them to solve their problems with Chinese powers) easily found common language because they shared similar cultural and life values.

Key words: I.F. Kruzenstern; Y.F. Lisiansky; J. Drummond, the director of the factory of the British East India Company in Canton; the first Russian round-the-world expedition 1803–1806.

V. Kozlovskaya

The geopolitical approach
and its role in the study of
universal history

The geopolitical approach that includes geoeconomic and ethnogeopolitical components, plays an important role in studying universal history (including the history of antiquity). The scientific horizons can be investigated much more deeply, if we try to combine chronopolitical and geopolitical approaches because it's obvious that the historical fates of the human communities are defined also by features of their existential continuum.

Key words: geopolitical approach, geopolitics the geographical determinism, geoeconomic approach, ethnogeopolitical approach, ethnogeocentrism, chronopolitical approach, civilization, acculturation, integration, international actor.

L. Lomach

Stages of development and contradictions of the world economy

The article briefly outlines the main stages of development and contradictions of the world economy, their characteristics and contradictions. It addresses the issues of internationalization and globalization of linkages, domination of transnational companies, the pros and cons of globalisation. The author dwells on the reasons of the current global economic crisis as well as the ways of recovery from recession for Russia.

Key words: world economy, multinational corporations, globalisation, regionalization, global issues, global economic crisis, economic restructuring, innovation.

The Political Science

O. Goncharova

The concept of a civil society in philosophical and political thought of Russia in the XVIII–XXth centuries

In article analyzes development of a civil society in Russia as important public phenomenon in philosophical and political thought of the country in the XVIII–XXth centuries. The author comes to a conclusion that the civil society is impossible without recognition of freedom as absolute value in human life. Justice demands to aspire not only to equality of the rights, but also to equality of opportunities of citizens in realization of the abilities, and also to guarantee worthy existence to those who are deprived of them.

Key words: civil society in Russia, philosophical and political thought in Russia of the XVIII–XXth centuries, the civilization concept.

A. Samohin

Concepts of a political system of Russia in classical eurasianism

Eurasianisms was a political movement in the Russian emigre community in the 1920s of the XX century. The concept of classic eurasianism stated the difference between Russian and western political bodies. The main difference of eurasianism government was in a special study of «organic democracy» and «ideocracy».

Key words: eurasianism, ideocracy, organic democracy.

A. Grozin

Mythologizing
in contemporary historiography of Kazakhstan:
politological aspect of a problem

In Kazakhstan, like in the whole area of the former USSR, «historical mythologizing» got a wide spread and active development during the years of its sovereignty. The analysis of any historical problem of the country stands under the straight impact of the various courses of «alternative history». Weak resistance to the spreading of mythological reconsideration of history from the point of academic science is the peculiarity of Kazakhstan's situation. The correlation of ideological governmental building and scientific research activities take place in the republic nowadays. Prevalence of myths can later mean the orientation of the society towards the conflict and disorder instead of consolidation.

Key words: historiography of Kazakhstan, myth creating, stereotypes, N. Nazarbayev, ideological governmental building.

Памятка автору статьи, представленной для публикации
в ВЕСТНИКЕ МГГУ им. М.А. Шолохова

Статья принимается одним файлом, названным фамилией автора (соавторов) в формате Word.

К статье прилагается анкета автора: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень, звание (если имеются); должность; место работы/учебы или соискательства (полное название в именительном падеже); почтовый адрес (место проживания); телефон; E-mail.

Затем следует заглавие, аннотация статьи (8–10 строк) и ключевые слова (не более 10).

Резюме на английском языке должно включать: название статьи; фамилию, инициалы автора(ов); аннотацию, ключевые слова.

Объем статей не должен превышать 30 000 знаков, включая пробелы (т.е. 16 типовых машинописных страниц), а рецензии или отзывы на книгу – 3 страниц. Помимо бумажного, необходимо представить электронный вариант:

- редактор Microsoft Word;
- шрифт Times New Roman;
- формат А4, кегль 14 обычный – без уплотнения;
- текст без переносов;
- межстрочный интервал – полуторный (компьютерный);
- выравнивание – по ширине;
- поля – верхнее, нижнее, правое, левое – не менее 2,5 см;
- номера страниц – внизу посередине, на первой странице номер не указывать;
- абзацный отступ – 1,25 см;
- ссылки на литературу приводятся непосредственно после фрагмента, требующего ссылки на источник, в квадратных скобках;
- библиографический список располагается в конце текста (входит в общий объем статьи и формируется по алфавиту, сначала идет литература на русском языке, затем – на иностранном).

К предлагаемым для публикации статьям прилагается отзыв научного руководителя и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Редакционная коллегия проводит независимое рецензирование.

Автор гарантирует соответствие содержания файла на электронном носителе бумажному варианту.

Контактная информация

Редакция расположена по адресу:

109240, Москва, ул. Верхняя Радищевская, д. 16–18, комн. 223.

Тел.: (495) 647-4477, доб. 11-351 – директор РИЦ Наумова Татьяна Николаевна, главный редактор Алексеева Алла Александровна.

E-mail: izdat_mgoru@mail.ru.

Издание
подготовили
к печати
сотрудники
редакционно-
издательского
центра
Редактор –
А. А. Козаренко
Корректор –
А. А. Алексеева
Обложка, макет,
компьютерная
верстка
М. В. Кантакузен

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. М. А. ШОЛОХОВА

Серия «История и политология»
2010.2

Электронная версия журнала: www.mgoru.ru

Сдано в набор 14.12.2010 г.
Подписано в печать 17.12.2010 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 7,5 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № _____
Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ФГНУ «Росинформагротех»,
141261, Московская обл., пос. Правдинский, ул. Лесная, д. 60.